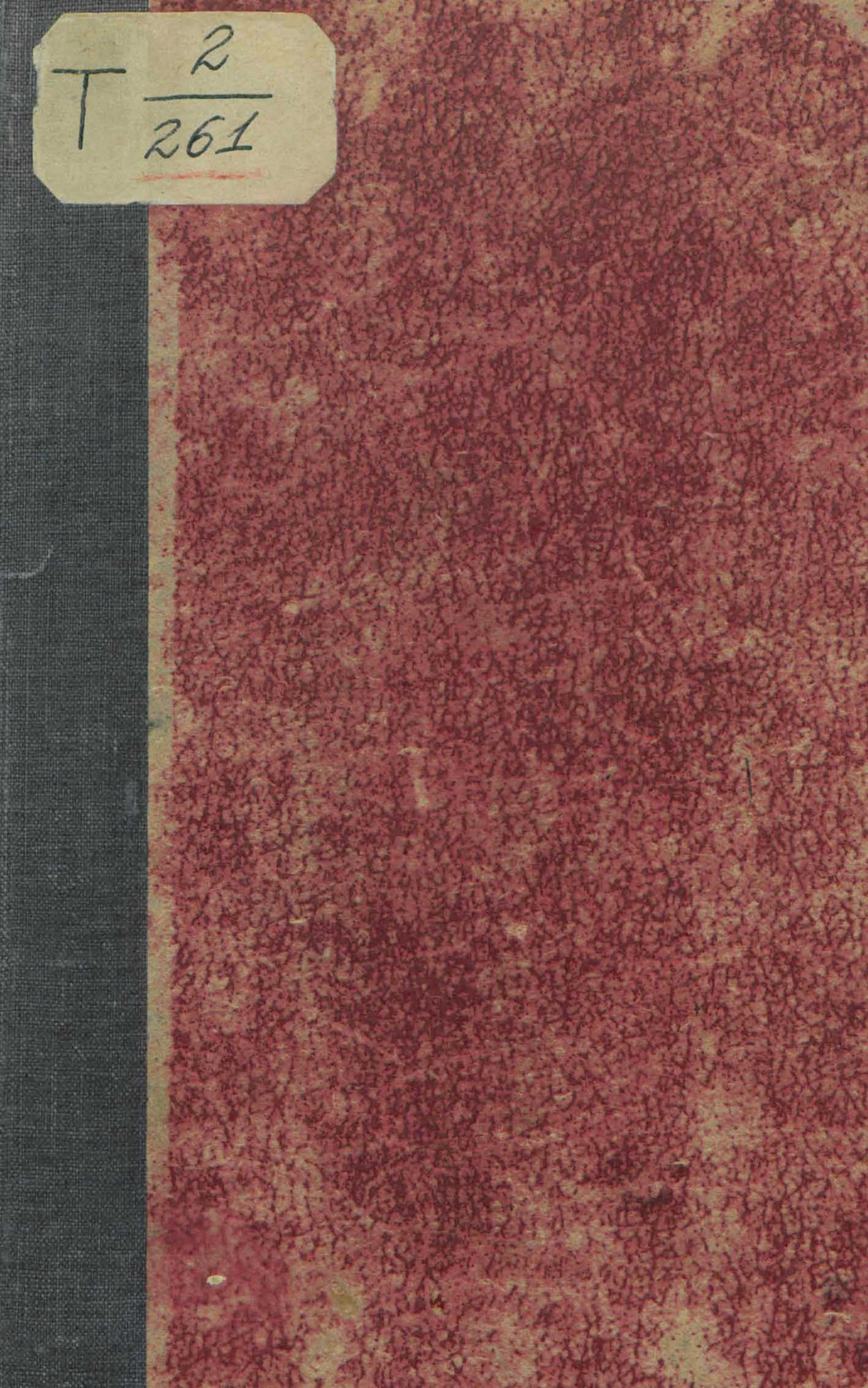
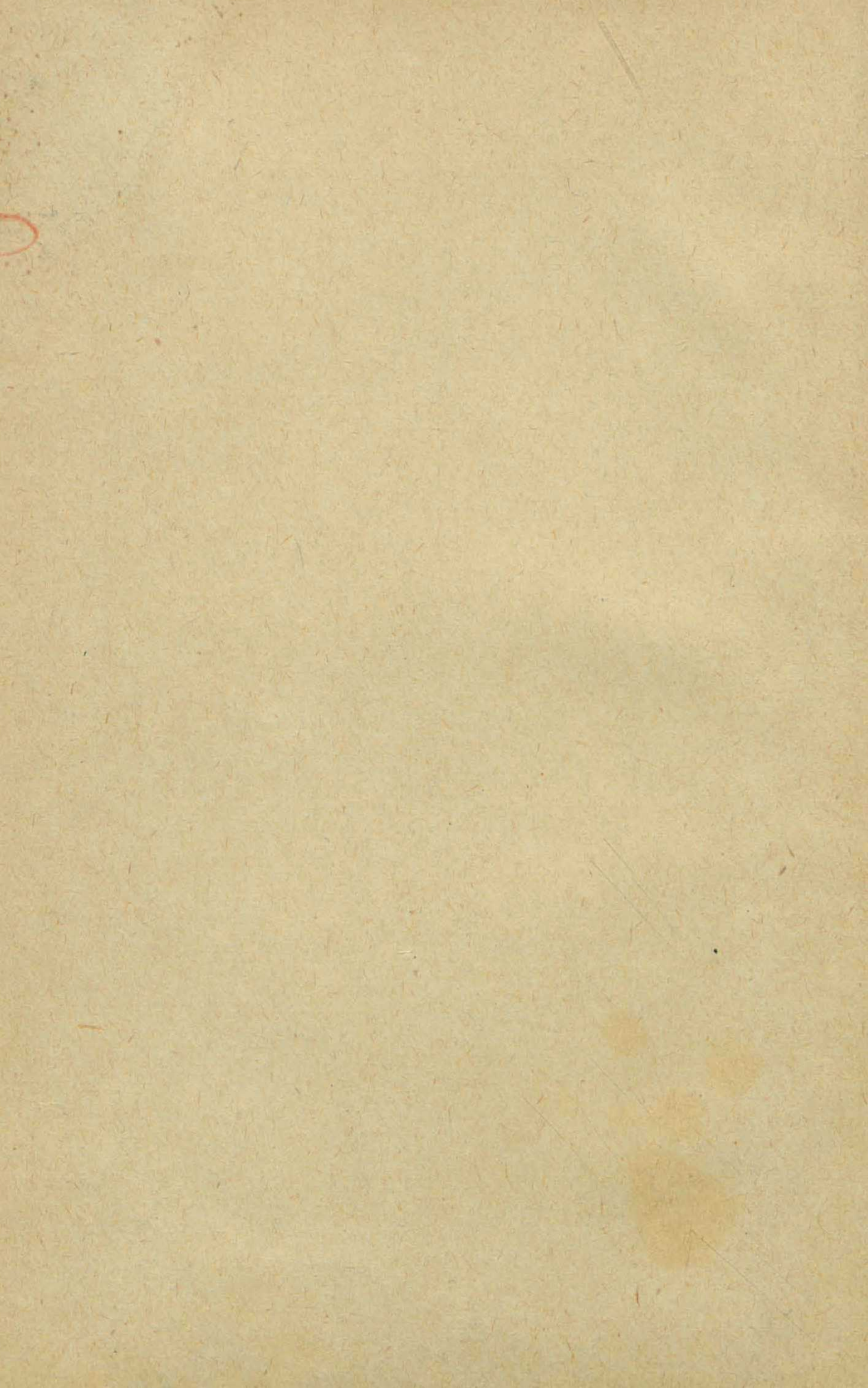

T 2/261

16 нен. стр.
вее 15/I-86

ПРОФЕССОР
К. В. КУДРЯШОВ.

АЛЕКСАНДР ПЕРВЫЙ И ТАЙНА ФЕДОРА КОЗЬМИЧА

VERITAS

К. Ф.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ВРЕМЯ»
ПЕТЕРБУРГ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВРЕМЯ

Обложка, титульный лист, заставки
и виньетки работы И. А. Фомина

ПРОФЕССОР
К. В. КУДРЯШОВ

АЛЕКСАНДР I И ТАЙНА ФЕДОРА КОЗЬМИЧА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ВРЕМЯ»
ПЕТЕРБУРГ
1923

Настоящее издание отпечатано
в типографии имени Ивана Федорова (б. Голике и Вильборг)
в мае 1923 г. под наблюдением
В. И. Анисимова в количестве двух тысяч экземпляров

Петрооблит № 3587

Сергею Федоровичу
Платонову

ко дню сорокалетнего юбилея его ученой деятельности

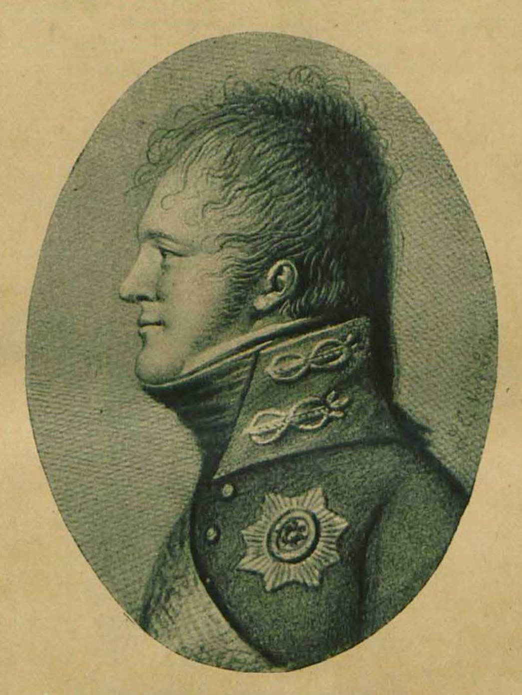
посвящает ученик

ПРЕДИСЛОВИЕ

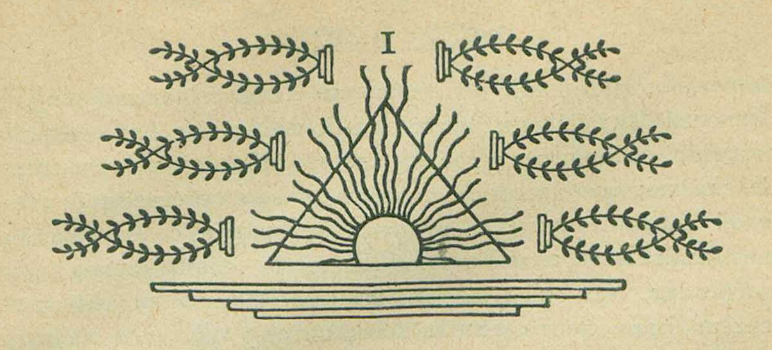
Тема предлагаемого очерка выросла из прочитанной мною публичной лекции, чем и объясняется популярный характер изложения. Для составления очерка сделано не мало архивных разысканий и других справок. Подлинный текст «Воспоминаний» Хромова, письмо «Евдокима», значительная часть сведений о Федоре Козьмиче и Хромове, выдержки из писем о Ф. А. Уварове и целый ряд других неиспользованных или неизвестных ранее данных — дали основу для построения новых выводов. Введенный мною новый материал легко будет обнаружен читателем, знакомым со специальной литературой. Две первые главы по содержанию своему не новы, но служат введением, без которого дальнейшее изложение могло бы стать неясным.

За содействие в работе выражаю сердечную признательность профессору Д. В. Айналову, В. Г. Дружинину, профессору Н. П. Лиха-

чеву, Н. Р. Политур, Т. О. Соколовской, С. Н. Сыромятникову, профессору С. Н. Чернову, ректору медицинского института профессору Ф. Я. Чистовичу и всегда любезному, неутомимому архивному работнику А. В. Шебалову. Приношу особую благодарность О. А. Лашковой за разрешение использовать материалы, собранные в Сибири ее покойным мужем.

Великий князь Александр Павлович
с гравюры Vigée Lebrun (из собрания Пушкинского Дома)

I

«Очаровательный сфинкс». — Заговор против Павла и душевная драма Александра I. — Разочарование и мистицизм. — Мысль об отречении. — Манифест о престолонаследии.

Исследователь всегда с некоторым смущением останавливается над определением характера императора Александра I. Несмотря на то, что он был человек деятельный, любивший и умевший говорить, соприкасавшийся со многими выдающимися людьми своего века, оставивший заметные следы в политической жизни России и Европы, дать верную его характеристику не легко. В личном обращении он был необыкновенно любезен, при желании мог быть обаятельным. Но отзывы современников противоречивы. По мнению Наполеона, большого знатока людей, «русский император — человек несомненно выдающийся; он обладает умом, грацией, образованием. Он легко вкрадывается в душу, но доверять ему нельзя: у него нет искренности. Это настоящий грек древней Византии». Форнгаген же утверждает, что «у Александра никогда не было сильного ума: это ум совершенно посредственный и любит только посредственность. Настоящий гений, ум и талант пугают его... У него никогда не бывает ни минуты искренности и простоты, он всегда настороже». Шведский посланник в Париже Лагербиелки определяет его сжато и остроумно: «Александр в политике своей тонок, как кончик иголки, остер, как бритва, и фальшив, как пена

морская». Новейший исследователь Александровской эпохи, Николай Михайлович, врожденным свойством Александра I считает обворожительность, то, что французы называют le charme; «не даром», замечает он, «в собственной царской семье и мать, и супруга, и братья с их женами называли Александра нашим ангелом — «notre ange»; он допускает, что в душе Александра Павловича действительно было «нечто ангельское», потому что «его доброта и благожелательность к ближнему не подлежат сомнению» [1].

Между тем «notre ange», доброта и благожелательность которого «несомненны», о военных поселениях выразился однажды так: «Военные поселения будут, хотя бы для этого пришлось всю дорогу от Чудова до Петербурга устлать трупами»; своей родной сестре Екатерине Павловне он слал столь нежные письма, что их тон и характер заставляют предполагать интимные отношения между братом и сестрой. Существует при том мнение, что Александр I России не любил, русского языка хорошо не знал, русских презирал; «из них каждый», по его словам, «либо плут, либо дурак»; во внешней политике подпадал нередко влиянию личного самолюбия или погоне за позой, вопреки истинному благу и действительным интересам России, благодаря чему иным исследователям «ангел» для своей семьи представляется чуть не злым гением для России.

При всем разнообразии отзывов, почти все они совпадают в признании скрытности и неискренности — одной из основных черт Александра. Эти особенности развиты были условиями придворной жизни, среди которых протекала его юность. Любимый внук Екатерины, не чаявшей души в «господине Александре», осыпавшей его благодеяниями и прочившей, минуя Павла, в наследники трона, — он в нежных выражениях благодарит дорогую бабушку за все то, что она делала ему и что «еще намерена сделать» в будущем. В то же время, не желая восстановить против

себя отца, он пишет ему самые почтительные сыновьи письма, выражая полнейшую покорность и преданность его воле. С одной стороны на великого князя влиял блестящий Екатерининский двор с его знаменитыми вечерами в Эрмитаже, где он вращался в кругу выдающихся государственных лиц, пышных придворных, слышал утонченную дипломатическую речь, смотрел новейшие французские пьесы. Противоположные впечатления накладывал малый Гатчинский двор, с его суровой казарменной обстановкой, с утомительными военными парадами и вспыльчивым подозрительным Павлом во главе. Эта двойственность влияния очень рано приучила юного великого князя скрывать свои истинные чувства, заставила иметь два «лица» и развила то «двоедушие», которое отмечают современники.

Вместе с тем Александру свойственны были сентиментальность и романтизм эпохи, привитые воспитанием, ранним знакомством с философией Запада, Руссо и энциклопедистами. Внушаемое этой философией представление о тягостном бремени власти рано вызывает в нем мечту уйти от «этого трудного поприща» и уединиться с женой где-нибудь «на берегах Рейна», чтобы «жить спокойно, частным человеком, наслаждаясь своим счастьем в кругу друзей и в изучении природы». Но, развивая мысль и чувство, воспитание оставляло в бездеятельности волю, не упражняя привычки к самостоятельному труду и активному усилию. Александр остался слабоволен. Между тем, русская жизнь требовала от правителя не сентиментальной романтики, а живой деятельной любви и неустанного труда. Легко понять, к каким последствиям и душевной катастрофе могло привести столкновение подобного мировоззрения с реальной русской действительностью, с ее косностью и крепостным укладом. Одушевляемый благими идеями, Александр легко увлекался проектами государственного преобразования, но, неспособный преодолевать житейские затруднения, он при

первой же неудаче опускал руки, терял веру в начатое дело, в русский народ, начинал презирать все русское и испытывал состояние той разочарованности и меланхолии, которые так характеризуют последний период его жизни [2].

Эта меланхолия, казавшаяся загадочной, неискренность, облеченная в форму утонченной вежливости, обманчивая готовность соглашаться с мнением собеседника — не позволяли разгадать его истинную сущность и делали для современников таинственным «очаровательным сфинксом».

Глубокий и тягостный след оставили в душе Александра I события 11 марта. Известно, что своей подозрительностью, вспыльчивостью, психической неуравновешенностью, принимавшей даже формы враждебного отношения к собственной династии, Павел I создал благоприятную почву для возникновения заговора на его жизнь. Повидимому и сам неуверенный в своей безопасности, он торопил с постройкой Михайловского замка, куда и переехал тотчас же, едва она была закончена. Новый замок должен был стать неприступной твердыней. Нижняя часть стен была из тесанного гранита; все здание окружали рвы с подъемными мостами. Вооруженные посты заняли все выходы. Несмотря на свое положение в центре города, здание было объявлено пригородным, и для сношений с «городом» только два раза в день при трубных звуках опускались подъемные мосты. Подозрительность Павла не ослабла и в новом дворце, и даже великий князь Александр Павлович, несмотря на замкнутый образ жизни и предупредительность к отцу, не мог ее избежать. Не раз Павел пробовал застать наследника врасплох, неожиданно входя в его комнату. Отношения к наследнику нередко принимали у Павла оскорбительную форму. По словам одного современника, «не проходило дня, в который бы Котлубицкий не приносил цесаревичу Александру Павловичу выговоры за ошибку какого-

нибудь караула. И какие были выговоры! — дурак, скотина». За верный перенос этих слов Котлубицкий по вступлении на трон Александра послан был на житье в Арзамас. На эти выговоры наследник отвечал кротким «слышу». Рассказывают даже, что, когда Александр бросался перед Павлом на колени, умоляя о милости к жертвам отцовского гнева, Павел будто бы отвергал просьбу, толкая ногой в лицо. Недоверие Павла к своей семье дошло наконец до того, что он открыто стал готовить в наследники престола юного принца Евгения Вюртембергского, чем дал последний и решительный толчок к развитию заговора. Для заговорщиков стало возможным вовлечение в интригу Александра — цель, достижение которой могло им гарантировать безнаказанность в случае удачного исхода. [3]

Сначала нити заговора находились в руках вице-канцлера графа Никиты Петровича Панина. Александр позднее признавался, что Панин первый и заговорил с ним о перевороте, что случилось на тайном свидании в бане, устроенном при содействии Палена. Ссылаясь на интересы государства, Панин доказывал необходимость устранения Павла от власти и уверял, что переворот может быть совершен без применения насильственных мер, причем Павел, освобожденный от государственных забот, сохранит за собой все блага частной жизни. Александр отнесся к проекту неопределенно. Он не дал своего согласия, но и не выказал негодования. Возможно, что он не доверял Панину, характер которого действительно не подходил к ответственной роли руководителя сложной и опасной дворцовой интриги. Еще вероятнее, что он сам не знал, на что решиться. Тем не менее он продолжал сношения с вице-канцлером, при содействии Палена. Паутина заговора постепенно оплетала великого князя. Александр говорил потом А. Чарторыйскому: «Если бы вы были здесь, никогда бы меня так не завлекли». [4]

Вопрос о соучастии Александра и степени его ответственности давно занимал исследователей, но единодушного мнения между ними нет. Бесспорно одно, что Александр в конце концов дал свое согласие на заговор. Оправдывая свое участие в заговоре перед Марией Федоровной, Панин писал: «Было бы достаточным представить вам письма императора (Александра), чтобы доказать вам, что, поступая таким образом, я приобрел его уважение и доверие к себе». В другой раз он заявил определенно, что обладает «одним автографом, который мог бы с очевидностью доказать, что все то, что он придумал и предложил для спасения государства за несколько месяцев до смерти императора, получило санкцию его сына» [5]. Однако содержание автографа этого никому неизвестно, и ссылка на «санкцию» ничего еще не говорит.

Но какова степень личной ответственности Александра в событии 11 марта? Предвидел ли он трагический исход? Новейший исследователь Александровской эпохи, перед которым широко открыты были двери всех архивных тайников, утверждал, что давая согласие на переворот, Александр должен был предвидеть роковой конец. Однако категорическое утверждение его, что Александр дал Палену carte blanche, требует дополнительных доказательств [6]. Этот вопрос не решается так просто. При отсутствии прямых свидетельств, читать в чужой душе историк обязан с большой осторожностью. Можно ли категорически утверждать, что, соглашаясь на заговор, Александр I тем самым сознательно санкционировал и смерть отца? Правильное решение этого вопроса может дать ключ к пониманию души Александра и имеет большое значение для всего последующего изложения. Напомним события 11 марта.

Известие о трагической судьбе отца нравственно потрясло Александра. Вне себя он воскликнул: «Скажут, что я отцеубийца! Мне обещали не посягать на его жизнь. О, я не-

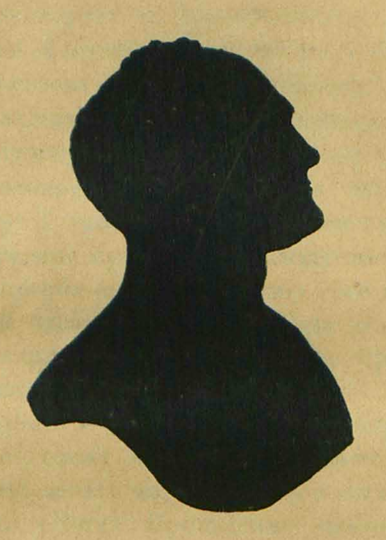
счастнейший из людей!» С ним сделались нервные судороги, и он впал в обморочное состояние. С трудом удалось Палену привести его в себя. «Перестаньте ребячиться!» потребовал он от Александра. По слухам, дошедшим до Леонтьева, Александр не соглашался занять престол и уступил лишь, «когда убийцы отца дерзнули сказать сыну, что если он не согласится принять правление, то увидит рекою пролитую кровь в своей фамилии». Вот как описывает очевидец первый выход Александра I в Зимнем дворце на другой день после катастрофы: «Новый император шел медленно, колени его как будто подгибались, волосы на голове были распущены, глаза заплаканы; смотрел прямо перед собой, изредка наклонял голову, как будто кланялся; вся поступь его, осанка изображали человека, удрученного грустью и растерзанного неожиданным ударом рока. Казалось, он выражал на своем лице: — Они все воспользовались моей молодостью, неопытностью, я был обманут, не знал, что, исторгая скипетр из рук самодержца, я неминуемо подвергал жизнь его опасности». Сознание своей вины, мысль, что он «должен был» предвидеть роковой исход, всей тяжестью придавило Александра. «Целыми часами», рассказывает А. Чарторыйский, «оставался он в безмолвии и одиночестве, с блуждающим взором, устремленным в пространство, и в таком состоянии находился в течение многих дней, не допуская к себе почти никого». Упадок духа дошел до такой степени, что на все утешения Чарторыйского Александр I отвечал с горечью: «Нет, все, что вы говорите, для меня невозможно. Я должен страдать, ибо ничто не в силах уврачевать мои душевные муки». [7]

Приведенные выше свидетельства, мне кажется, исключают мысль о притворстве Александра, разыгравшего якобы сцену горести преднамеренно и неискренно. В то время ему было всего 23 года. Едва ли в нем, вышедшем лишь из юношеского возраста, можно предположить такое тонко

рассчитанное коварство. Гораздо вероятнее допустить, что он искренно поверил настойчивым обещаниям заговорщиков сохранить жизнь отца от насилий и, только после неоднократных уверений подобного рода, дал наконец свое согласие на дворцовый переворот.

11 марта отбросило от себя мрачную тень на душу Александра I. Воспоминание об этом дне по временам тускнело, иногда вновь оживало. Последние годы у него стало проявляться состояние грусти и меланхолии, которая с годами усилилась. «Последний период его жизни был подернут каким то нравственным туманом», замечает современник. «Каждый по-своему объясняет причину его неутешной грусти». Меттерних на конгрессе в Троппау, изумленный происшедшей в русском императоре переменой, услышал от него в объяснение: «Вы не понимаете, почему я теперь не тот, что прежде? Я вам это объясню. Между 1813 годом и 1820 протекло семь лет, и эти семь лет кажутся мне веком. В 1820 году я ни за что не сделаю того, что совершил в 1813 году. Не вы изменились, а я. Вам не в чем раскаиваться; не могу сказать того же про себя». В нем развилась подозрительность, доходившая до мании. Он не только боялся за свою безопасность. Страдая глухотой, он плохо слышал разговор собеседников, и, при виде улыбки на устах царедворцев, ему казалось, что над ним смеются или делают друг другу знаки, которых он не должен был замечать. Случалось, что он просил Нарышкину, «во имя их старой дружбы», сказать ему, что в нем было смешного [8].

Поддавшись общему увлечению мистицизмом, охватившим тогда всю Западную Европу, он искал утешения в религии. Он беседовал с монахами, «святыми людьми», вместе с министром Шишковым проливая слезы над текстами священного писания, подходившими, как им казалось, к современным событиям; любил также «гадать» по еван-

Александр Первый
Силуэт, вырезанный с натуры
А. Фреми в Париже в 1814 г.

гелию, и на открытой наудачу странице искать ответа на свои мысли. Описанное состояние Александра I вполне соответствовало реакционному направлению его внутренней политики.

Религиозный мистицизм не развеял мрачных дум Александра I. Попрежнему «тайный червь меланхолии точил его сердце». Если верить А. Чарторыйскому, «в последние годы царствования Александра I та же мрачная идея (о том, что он своим согласием на переворот способствовал смерти отца) снова завладела им, вызвала отвращение к жизни и повергла в мистицизм, близкий к ханжеству». Но объяснение это сомнительно: Чарторыйский в последние годы жизни Александра I стоял далеко от императора и о состоянии его души мог судить очень гадательно. Возможно, что эта мысль способствовала развитию того психического маразма, который охватил государя. Года за три до своей кончины, Александр жаловался императору Францу, что его томит предчувствие близкой смерти [9].

На фоне подобного настроения Александру I не раз могла приходить в голову мысль об отречении от престола. Еще в первые годы своего царствования в письме к Лагарпу Александр писал: «Когда Провидение благословит меня возвести Россию на степень желаемого мною благоденствия, первым моим делом будет сложить с себя бремя правления и удалиться в какой нибудь уголок Европы, где безмятежно буду наслаждаться добром, утвержденным в отечестве».

В 1817 г. 8 сентября за обеденным столом в разговоре об обязанностях людей и монархов, Александр I «твердым» голосом сказал: «Когда кто нибудь имеет честь находиться во главе такого народа, как наш, он должен в минуту опасности первым идти ей навстречу. Он должен оставаться на своем посту только до тех пор, пока его физические силы ему это позволяют. По прошествии этого срока он должен удалиться. Что касается меня,

я пока чувствую себя хорошо, но через 10 или 15 лет, когда мне будет 50 лет...»

Летом 1819 г., в Красном Селе, за интимной беседой с братом Николаем и его женой, Александр I заявил, что он очень рад способностям Николая в военном командовании, так как на нем когда нибудь будет лежать большая ответственность, и он видит в нем своего преемника; что это случится гораздо раньше, чем можно предполагать, так как то случится еще при его жизни, ибо, за отказом Константина от престола, власть должна перейти к Николаю и его потомству. Николай и его супруга «сидели, как два изваяния с раскрытыми глазами и замкнутыми устами». — «Что касается меня», продолжал император, «я решил сложить с себя мои обязанности и удалиться от мира. Европа более чем когда либо нуждается в монархах молодых и в расцвете сил и энергии; я уже не тот, каким был, и считаю своим долгом удалиться во-время...» Увидав, что его собеседники готовы разрыдаться, он старался их ободрить, утешая, что «все это случится не сейчас». «Минута переворота, так вас устрашившего», сказал им Александр I, «еще не наступила; до нее, быть может, пройдет еще лет десять, а моя цель теперь была только та, чтобы вы заблаговременно приучили себя к мысли о непреложно и неизбежно ожидающей вас будущности».

В том же 1819 г., осенью, в бытность свою в Варшаве, Александр I сказал великому князю Константину Павловичу: «Я должен сказать тебе, брат, что я хочу абдикировать; я устал и не в силах сносить тягость правительства; я предупреждаю тебя для того, чтоб ты подумал, что тебе надобно будет делать в сем случае». Константин Павлович на это ответил: «Тогда я буду просить у вас место второго камердинера вашего; я буду служить вам и, ежели нужно, чистить вам сапоги. Когда бы я это сделал теперь, то почли бы подлостью, но когда вы будете не на престоле,

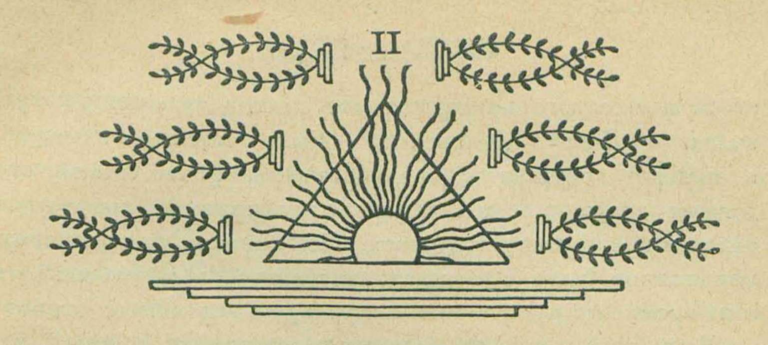
я докажу преданность мою к вам, как благодетелю моему». Тогда растроганный государь, по словам Константина, поцеловал его так крепко, как никогда за 45 лет их жизни он его не целовал. — «Когда придет время абдикировать», сказал в заключение Александр, «то я тебе дам знать, и ты мысли свои напиши матушке».

В 1824 г., оправившись после полученной в январе болезни, в ответ на выраженное Васильчиковым участие, Александр обмолвился очень странной фразой: «в сущности я не был бы недоволен сбросить с себя бремя короны, страшно тяготящей меня». Весною 1825 г. приехавшему в Петербург принцу Оранскому он сообщает о том же желании уйти в частную жизнь. Попытка принца разубедить в этом решении Александра I осталась безуспешной.

За неделю до своей коронации, 15 августа 1826 г., Александра Федоровна, супруга императора Николая I, занесла в свой «Дневник» следующие знаменательные строки: «Наверное при виде народа я буду думать о том, как покойный император, говоря нам однажды о своем отречении, прибавил: Как я буду радоваться, когда увижу вас проезжающими мимо меня, и я в толпе буду кричать вам «ура!», размахивая своей шапкой» [10].

В 1823 г. новым манифестом о престолонаследии Александр I в виду формального отречения Константина от прав на престол, назначил своим преемником брата Николая; но составление этого важного правительственного акта он обставил какою то таинственностью. Он приказал положить его в ковчег государственных актов в Успенском соборе, а копии в Государственном Совете, Синоде и Сенате в запечатанных конвертах с надписью: «хранить до моего востребования», причем о содержании манифеста были осведомлены только митрополит Филарет, Голицын и Аракчеев, повидимому, и Карамзин с женой. Когда перед отъ-

ездом Александра в Таганрог Голицын указал на затруднения, могущие возникнуть из за подобной скрытности при длительном отсутствии государя или при каком либо внезапном несчастии — император отвечал, указывая на небо: «Положимся в этом на бога, он устроит все лучше нас, слабых смертных».

Александр I у схимника. — Отъезд в Таганрог. — Внезапная болезнь и смерть.

В 1825 г. состояние здоровья Елизаветы Алексеевны настолько ухудшилось, что доктора предписали ей провести зиму на юге, для чего указали на Италию, южную Францию или южную Россию. Избран был Таганрог, который тогда считался весьма здоровым и целебным местом. Александр решил выехать на два дня раньше императрицы, чтобы лично позаботиться об удобствах в пути для больной супруги. Многими было замечено, что в этот отъезд император был задумчив и молчалив. На вопрос камердинера: «Когда прикажете ожидать Ваше Величество?», Александр I, указывая на стоявшую в кабинете икону спасителя, ответил: «Ему одному это известно».

Отъезд в Таганрог был назначен на 1 сентября. Глубокой ночью, когда темнота давно уже окутала город, Александр I один, без всякой свиты, покинул свой Каменноостровский дворец и выехал в дорогу. Улицы Петербурга были пустынны. На Троицком мосту государь приказал кучеру Илье Байкову остановиться, помолился на крепостной собор Петра и Павла и, потом, любуясь видом Зимнего дворца и набережной Невы, сказал: «Какой прекрасный вид и какое великолепное здание». «Заметно было», рассказывает И. Байков, «что эти два слова он произнес с каким то глубоким чувством успокоительного удоволь-

ствия и скрытого предчувствия». Отсюда император направился в Лавру. Духовенство было заранее извещено о приезде государя с предупреждением, что никто «не должен знать о сем». Митрополит приказал изготовить облачение «не блистательное», ибо, пояснил он ризничему, неприлично было бы надевать светлые ризы, «когда мы хотя и на время, но разлучаемся с государем, как дети с отцом».

Было уже далеко за полночь, когда тройка лошадей, запряженная в царскую коляску, остановилась у ворот Александро-Невской лавры. Длинный ряд монахов с митрополитом Серафимом во главе уже ожидал государя у входа. Сквозь раскрытые врата виднелась вдали ярко освещенная множеством свечей рака Александра Невского. Александр I, без шпаги, быстро выйдя из коляски, приказал закрыть за собою ворота и вошел в церковь. Началось молебствие. При чтении Евангелия, император приблизился к митрополиту и, опустившись на колени, просил положить Евангелие ему на голову. Молясь, он плакал. По окончании молебна, император помолился перед мощами, затем посетил митрополита в его покоях, откуда, уступая просьбе схимника, согласился зайти и к нему в келью.

Когда двери кельи растворились, мрачная картина предстала глазам императора. Весь пол и стены до половины были обиты траурным сукном. У левой стены виднелось большое распятие; напротив — длинная деревянная скамья, вся черная. Горевшая лампада тускло освещала это суровое жилище аскета. Схимник пал перед распятием и, обратившись к Александру, сказал: «Государь, молись». Император положил три земные поклона, и схимник осенил его крестом. Разговаривая с митрополитом, Александр тихо спросил, где спит схимник, ибо постели не было видно. Митрополит указал на место перед распятием. Но схимник, услыхав ответ митрополита, поправил его: «Нет, государь, и у меня есть постель, пойдем я покажу тебе ее» и, встав, про-

вел государя за перегородку. Там на столе Александр увидел черный гроб, в коем лежали — схима, свечи, ладан и все погребальные принадлежности. «Смотри» обратился к нему схимник, «вот постель моя. И не моя только, а постель всех нас. В ней все мы, государь, ляжем, и будем спать долго».

Безмолвный стоял Александр перед гробом несколько минут, наконец повернулся и глубоко потрясенный покинул келью схимника. Садясь в коляску, он обратился к митрополиту и с глазами полными слез сказал: «Помолитесь обо мне и жене моей». До самых ворот лавры он ехал с обнаженной головой, часто оборачиваясь и крестясь на собор [11].

Траурная келья, черный гроб и погребальные свечи — вот те последние впечатления, которые уносил в своей душе император при расставании со столицей. Солнце едва показывалось на горизонте, когда царский экипаж приблизился к городской черте. У самой заставы, у триумфальных ворот он приказал остановиться и, повинуясь тому безотчетному движению души, которое овладевает нами при разлуке, или томимый грустным предчувствием, обернулся назад и в глубокой задумчивости долго смотрел на покидаемый город.

Во время пути в Таганрог нигде не было ни военных смотров, ни маневров. Свиту императора составляли: начальник главного штаба генерал-адъютант Дибич, лейб-медик баронет Виллие, врач Д. К. Тарасов и полковник А. Д. Соломко; кроме того: директор канцелярии начальника главного штаба Ваценко, капитан Вилламов, Н. М. Петухов, камер-фурьер Бабкин, капитан Годефруа, метрдотель Миллер, камердинеры Анисимов и Федоров, певчий Берлинский и четыре лакея. Весь путь был совершен благополучно, и 13 сентября Александр I прибыл в Таганрог. Виллие отметил в своей памятной книжке этот день словами «первая часть путешествия кончена», и далее под чертой ставит слово: «finis». В то время он и «не подозре-

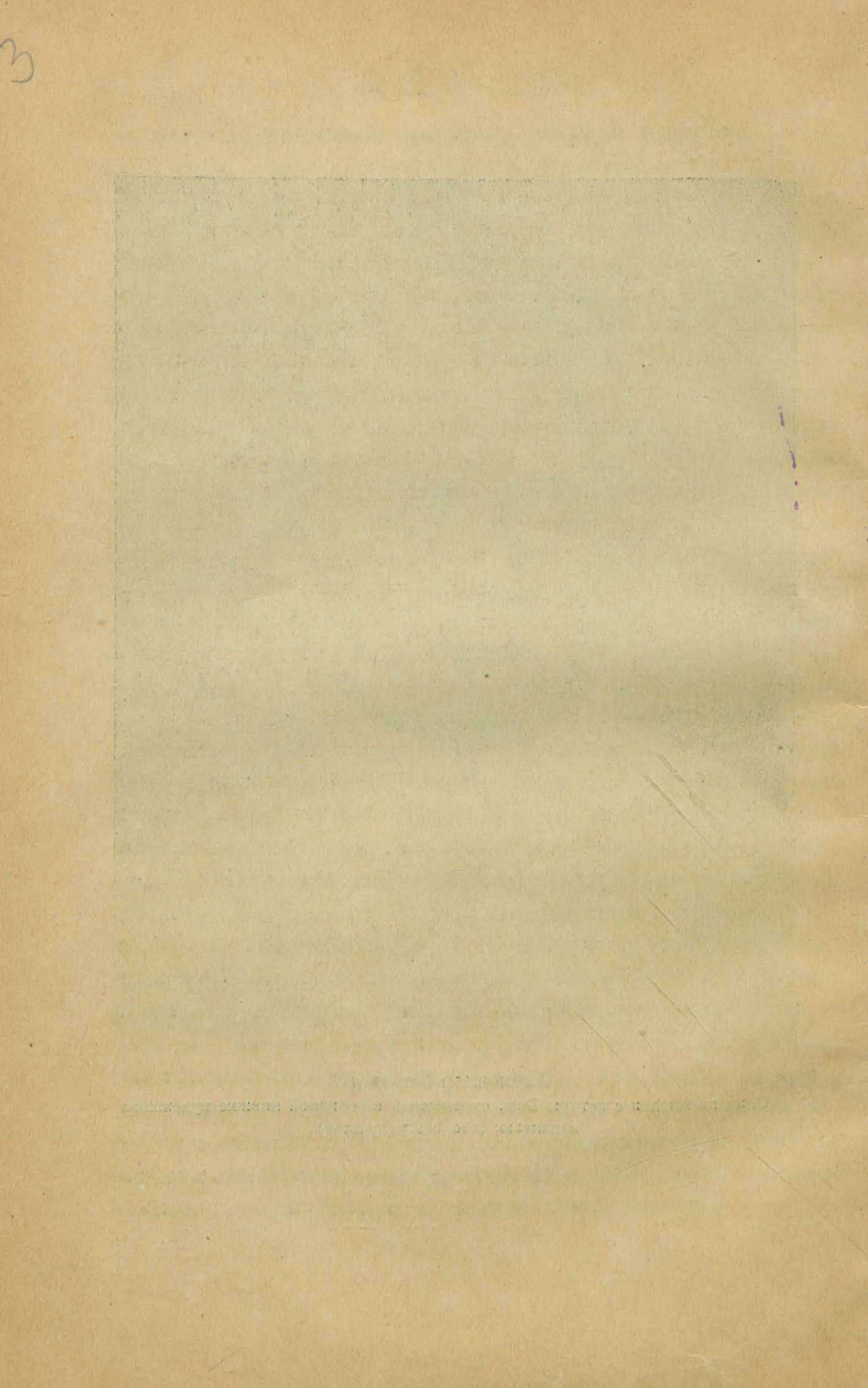
вал того пророческого значения, которое заключало в себе это слово — первая часть была и последнею» [12].

Своим приездом на юг Александр был доволен. «Здесь мое помещение мне довольно нравится», писал он, «воздух прекрасный, вид на море, жилье довольно хорошее». Приехавшую вслед за ним императрицу государь окружил самой нежной заботливостью, стараясь доставлять ей развлечения. Елизавета Алексеевна, «под влиянием этой нежной любви», пишет биограф, «стала оживать, здоровье ее видимо поправлялось; через несколько дней она окрепла и физически и морально». Дом, послуживший дворцом, был каменный, одноэтажный, с простой меблировкой и состоял из небольших комнат, из коих восемь отведены были для императрицы и ее двух фрейлин. Сквозной зал посредине дома отделял половину императрицы от двух комнат государя: кабинета, или спальни, и небольшой полукруглой комнаты, служившей туалетной, рядом с которой находилось помещение для дежурного камердинера. При доме расположен был небольшой фруктовый сад. В этом скромном помещении супруги зажили тихой спокойной жизнью провинциальных помещиков. Между ними установились добрые сердечные отношения. Постоянно не любивший пышности, здесь Александр жил уже совершенно просто. «Надо, чтобы переход к частной жизни не был резок», говорил он шутя. «Я скоро переселюсь в Крым и буду жить частным человеком. Я отслужил 25 лет, и солдату в этот срок дают отставку». Князю Волконскому он говаривал: «и ты выйдешь в отставку и будешь у меня библиотекарем». Вообще Александр I все это время был в очень хорошем настроении: «Казалось», замечает один историк, «он нашел наконец тот уголок в Европе, о котором мечтал, и где желал навсегда поселиться» [13]. Однако подозрительность и здесь не покидала императора. Найденный им в хлебе камешек вызвал большое беспокойство, и только после настойчивых уве-

Александр Первый

Один из этюдов с натуры Daw, отмеченный в записной книжке художника надписью: „the best“ (лучший)

рений хлебопека, что камешек попал по его неосторожности, удалось успокоить Александра.

Не без колебания прервал император таганрогскую жизнь и принял приглашение графа Воронцова посетить Крым, находя, что «добрым соседям следует жить в согласии». Накануне отъезда с ним произошел любопытный случай, который Александр позднее припомнил. Он занимался за письменным столом, как вдруг над городом надвинулась туча, и в комнате стало так темно, что государь приказал принести свечи. Но вскоре небо прояснилось, и солнце вновь засияло. Тогда камердинер остановился перед государем, ожидая приказания погасить свечи. «Чего ты хочешь?» — спросил государь. «Не хорошо, государь, что перед вами днем горят свечи». «А что же за беда? Разве по-твоему это означает что-нибудь недоброе?» «По-нашему перед живым человеком среди белого дня свечей не ставят», сказал камердинер. «Это пустой предрассудок, без всякого основания», заметил государь, «ну, пожалуй, возьми прочь свечи для твоего успокоения» [14].

Император выехал в Крым 20 октября. Его сопровождали: Дибич, Виллие, Тарасов и вагенмейстер полковник Соломко. Во время путешествия, по целому ряду свидетельств, Александр I был всегда весел, чувствовал себя бодро. Между прочим он осматривал приобретенную им у графа Кушелева-Безбородки Орианду, где предполагал построить дворец. Путешествие продолжалось благополучно до 27-го октября. В этот день, по пути из Балаклавы, Александр захотел посетить Георгиевский монастырь. День, сначала ясный и теплый, сменился холодным вечером. Отпустив свиту, государь уже в темноте и при довольно сильном ветре верхом поехал в монастырь с одним только проводником, приказав Дибичу с коляскою дожидаться его возвращения. Поездка продолжалась более часа. Император все время оставался в одном мундире, не взяв от провод-

ника ни шинели, ни бурки. Повидимому, именно во время этой поездки он и получил простуду. По возвращении из монастыря Александр I уже в коляске доехал до Севастополя. Дибич не заметил в состоянии здоровья государя никакой перемены. Через день император приказал Тарасову приготовить рисовое питье. Однако в ближайшие за сим дни на болезнь не жаловался и попрежнему оставался очень веселым. Только через несколько дней (3 ноября) он поинтересовался, какие имеются лекарства от лихорадки, но предложенной ему хины все же не принял.

На пути государя в Орехов, его встретил фельдъегерь Масков с депешами из Петербурга и Таганрога. Приняв бумаги, государь, вместе с бароном Дибичем, в коляске продолжал свой путь. Ямщик, привезший Маскова, повернул обратно вслед за государем, но на крутом спуске к речке не сдержал горячей тройки и при повороте на мост наскочил на затвердевшую кочку с такой силой, что Маскова толчком выбросило из экипажа; ударившись с размаху головой о твердую дорогу, он остался лежать на месте без движения. Александр, видевший эту сцену с другого берега, тотчас приказал своему врачу Тарасову оказать пострадавшему медицинскую помощь и, по прибытии в Орехов, лично доложить ему о состоянии больного Маскова. Тарасов прибыл в Орехов поздно вечером. Встретивший его Дибич сообщил, что государь ожидает его доклада с нетерпением. При входе Тарасова Александр с бумагами в руках сидел у горевшего камина в шинели, надетой в рукава. Он имел беспокойный вид и старался согреться. Едва Тарасов переступил порог, император тотчас спросил: «В каком положении Масков?»

Тарасов ответил, что падение было смертельно, вызвав перелом черепа и сотрясение мозга, что Масков найден бездыханным, и всякая врачебная помощь оказалась бесполезной. При этих словах, рассказывает Тарасов, «госу-

дарь встал с места, всплеснул руками и в слезах сказал: «Какое несчастие! Очень жаль этого человека»... Потом, оборотясь к столу, позвонил в колокольчик, а я вышел. При этом я не мог не заметить в государе необыкновенного выражения в чертах его лица, хорошо изученного мною в продолжение многих лет; оно представляло что то тревожное и вместе болезненное, выражающее чувство лихорадочного озноба» [15].

4 ноября в Мариуполе Виллие констатировал у императора «полное развитие лихорадочного сильного пароксизма». Несмотря на болезненное состояние, Александр настоял на продолжении пути, согласно маршруту, в Таганрог, но дорогою часто впадал в забытье; ехать ему было тяжело, и он беспрестанно спрашивал: «сколько еще осталось?» Последнюю станцию едва двигались.

Император прибыл в Таганрог 5-го ноября в 6 часов вечера. На вопрос князя Волконского о здоровье он отвечал: — «Я чувствую маленькую лихорадку, которую схватил в Крыму, несмотря на прекрасный климат, который нам так восхваляли». В разговоре с камердинером император припомнил случай со свечами и сказал: «я очень нездоров». «Государь, надо пользоваться», ответил тот. «Нет, брат», отозвался Александр, «припомни прежний разговор. Свечи, которые я приказал тебе убрать со стола, у меня из головы не выходят: это значит мне умереть, они и будут стоять передо мной». «При возвращении государя», пишет императрица, «я почувствовала смутную тоску и грусть; увидя плошки, которые иллюминовали улицу так же, как при его возвращении из Черкасска, я сказала себе с грустью: он наверное уедет отсюда еще раз, но не вернется больше».

В дороге Александр не принимал никаких лекарств, за исключением рисового питья в Бахчисарае, где выпитый им барбарисовый сироп вызвал желудочные боли, и стакана пунша с ромом — уже накануне прибытия в Таганрог.

Здесь он только «после сопротивления» соглашается принимать слабительные пилюли, но всетаки и 7-го и 8-го он их принимает, и еще 10-го ноября Волконский и императрица упоминают о «действии лекарства». Зато 11 ноября, когда Виллие пробует ему говорить о кровопускании и слабительном, он приходит «в бешенство» и не удостаивает говорить с ним. И так продолжается до самого кризиса болезни (до 15-го ноября). Не сдаваясь ни на какие увещания, Александр I упорно отказывается от лекарств.

Болезнь усиливалась с каждым днем, глухота становилась приметна, силы падали. Недолгое облегчение, наступавшее по временам, сменялось новыми приступами лихорадки. Встревоженная императрица прислала к Виллие для консультации своего лейб-медика Стофрегена. 9 ноября, с разрешения императора, князь Волконский написал императрице Марии Федоровне о состоянии его здоровья, а через день (11-го) о том же было послано извещение Константину Павловичу. 10-го и 11-го ноября с Александром были обмороки. К вечеру 12-го ноября, по словам Волконского, жар у больного несколько спал. А Виллие жалуется на нежелание императора принимать лекарства: «Это жестоко! Нет человеческой власти, которая могла бы сделать этого человека благоразумным. Я несчастный». 14-го ноября государь встал в 7 часов утра, умылся без посторонней помощи и побрился, затем лег снова в постель, но находился в сильно возбужденном состоянии; по замечанию Виллие, ему тогда трудно было связать правильно какую либо мысль. «Друг мой, какое дело, какое ужасное дело», — сказал государь, обратясь к Виллие. Такое душевное настроение продолжалось около минуты. «При этом», пишет Виллие в истории болезни императора, «взгляд его был страшный, и мне показалось, что наступает бред» [16]. Вечером с государем сделался внезапно обморок, причем камердинер не успел его поддержать, и государь упал на

пол. Это произвело большую тревогу во дворце. До сих пор Александр старался переборoть болезнь, не переставал заниматься делами и хотя не выходил из кабинета, но всегда был в сюртуке и проводил свободное время с императрицей. Но с этого дня он более уже не мог вставать с постели. «Стало ясным», пишет Тарасов, «что болезнь приняла опасное направление». Сам Виллие определяет в этот день состояние государя словами: «все очень нехорошо». Когда он предложил больному лекарство, то получил отказ по обыкновению. «Уходите прочь», сказал Александр. Виллие заплакал. Видя это, император произнес: «Подойдите, мой милый друг. Я надеюсь, что вы не сердитесь на меня за это. У меня свои причины».

Чтобы облегчить сильный жар у больного, хотели поставить ему пиявки, но государь и «слышать о сем не хотел» и требовал «с гневом», чтобы «оставили его в покое, ибо нервы его и без того расстроены, которые бы должны стараться успокоить, а не умножать раздражение их пустыми лекарствами». Тогда, «видя его упрямство», Волконский при Елизавете Алексеевне признал единственным средством—предложить императору причащение в надежде, что духовнику после совершения таинства удастся уговорить Александра принимать лекарство. Елизавета Алексеевна согласилась принять на себя эту миссию. Войдя в кабинет больного государя несколько смущенною, но усиливаясь в его присутствии казаться спокойной, она обратилась к нему с советом прибегнуть к лекарству, «которое всем приносит пользу» — причаститься.

— Кто вам сказал, что я в таком положении, что уже необходимо для меня это лекарство? — спросил император.

— Ваш лейб-медик Виллие.

Тотчас Виллие был позван. Император действительно спросил его:

— Вы думаете, что болезнь моя уже так зашла далеко?

Виллие, до крайности смущенный таким вопросом, решился прямо объявить императору, что не может скрывать того, что он находится в опасном положении. Государь с совершенно спокойным духом сказал императрице:

— Благодарю вас, друг мой. Прикажите — я готов.

Вскоре после этого у больного выступил сильнейший пот, и он впал в забытье. Дежуривший около него Тарасов заметил, что император, просыпаясь по временам, читал молитвы и псалмы Давида, не открывая глаз. Такое состояние продолжалось почти до 6 часов утра, когда император, открыв глаза и увидев Тарасова, спросил: — «здесь ли священник?». Тарасов тотчас сообщил об этом, и немедленно был введен протоиерей Федотов. Приподнявшись, Александр принял благословение от священника и поцеловал ему руку, причем сказал: — «вы со мной поступайте, как с христианином, забудьте мое величество». Императрица и свита вышли из комнаты, оставив больного наедине со священником. По окончании исповеди снова вошли в комнату императрица, с ней Волконский, Дибич, Виллие, Стофреген, Тарасов и камердинеры. Причастив Александра, духовник просил не отвергать помощь медиков, причем стал с крестом в руках на колени. Александр уступил. После совершения таинства он казался ободренным. «Никогда я не испытывал большего удовольствия и очень благодарен вам», — сказал он императрице, а обратившись к врачам заявил: — «теперь, господа, ваше дело; употребите ваши средства, какие находите для меня нужными».

Ему поставили за уши и к затылку до 30 пиявок; крови было вытянуто «довольно», но все было поздно, состояние больного продолжало ухудшаться. Только 17-го ноября утром ему стало как будто легче. День был ясный, и солнечные лучи осветили кабинет больного. «Какая прекрасная погода», — произнес Александр. С новым ухудшением, по наблюдению Тарасова, погасла всякая надежда на благо-

приятный исход болезни. Ночь Александр провел в беспамятстве. Небольшое улучшение утром и днем 18-го ноября вызвало было лучем слабой надежды. Но к вечеру государь «пришел в совершенную опасность» и ничего уже не говорил. Когда больной начал «очевидно» слабеть, стал «глотать медленно и несвободно», доложили императрице. Она пришла и села подле умирающего на стул, постоянно поддерживая его правую руку. По временам она плакала. «Все свитские и придворные стояли в опочивальне во всю ночь и ожидали конца этой сцены, который приближался ежеминутно» [17].

В пасмурное и мрачное утро 19 ноября, в 11 часов 50 минут, Александр I скончался. Елизавета Алексеевна закрыла усопшему глаза, подвязала подбородок платком и сквозь слезы произнесла: — «прости, мой друг». Затем, помолившись перед распятием и низко поклонившись умершему, она удалилась в свои комнаты. В этот день она написала свое известное письмо императрице Марии Федоровне: [illegible]огая матушка! Наш ангел на небе, а я на земле; о, если бы я, несчастнейшее существо из всех тех, кто его оплакивает, могла скоро соединиться с ним. Боже мой! Это почти свыше сил человеческих, но раз Он это послал, нужно иметь силы перенести. Я не понимаю самое себя. Я не знаю, не сплю ли я; я ничего не могу сообразить, ни понять моего существования. Вот его волосы, дорогая матушка. Увы! Зачем ему пришлось так страдать. Но теперь его лицо хранит только выражение удовлетворенности и благосклонности, ему свойственной. Кажется, что он одобряет все то, что происходит вокруг него. Ах, дорогая матушка, как мы все несчастны! Пока он останется здесь — и я останусь, а когда он отправится, отправлюсь и я, если это найдут возможным. Я последую за ним, пока буду в состоянии следовать. Я еще не знаю, что будет со мною дальше; дорогая матушка, сохраните ваше доброе отношение ко мне».

Начались обычные церемонии над телом императора. Для разработки торжественного погребального церемониала воспользовались описанием церемониала погребения Екатерины II, который был найден в бумагах Александра I, захваченный, вероятно, в предвидении возможной смерти больной императрицы. Чтобы не отягощать горя императрицы видом этих печальных приготовлений и не оставлять ее во дворце, где утрата ее так живо чувствовалась, ей предложили переехать на несколько дней в другой дом к Шихматовым. Елизавета Алексеевна сначала не согласилась. «Неужели вы думаете», сказала она князю Волконскому, «что меня привязывала одна корона к моему мужу. Я вас прошу не разлучать меня с ним до тех пор, покуда есть возможность». Но на другой день она уступила просьбам Волконского и переехала из дворца, хотя продолжала ездить всякий день к телу и была «совершенно неутешна».

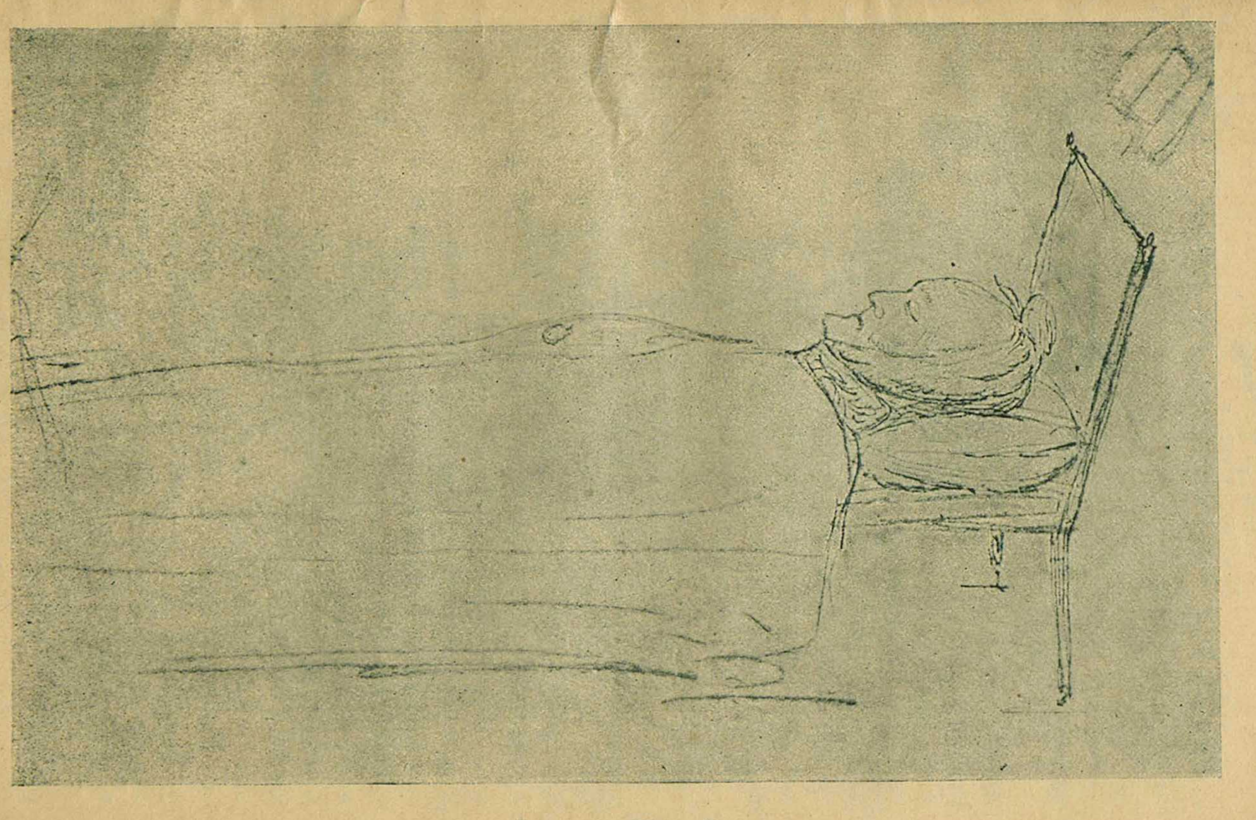
О смерти Александра в тот же день был составлен акт, который подписали: Волконский, Дибич, Виллие и Стофреген. Затем было произведено вскрытие тела. Содержание протокола вскрытия заключалось в следующем:

«1825 года, ноября в 20-й день, в 7 часов по полудни, мы, нижеподписавшиеся, вскрывали для бальзамирования тело почившего в бозе его величества государя императора и самодержца всероссийского Александра Павловича и нашли следующее:

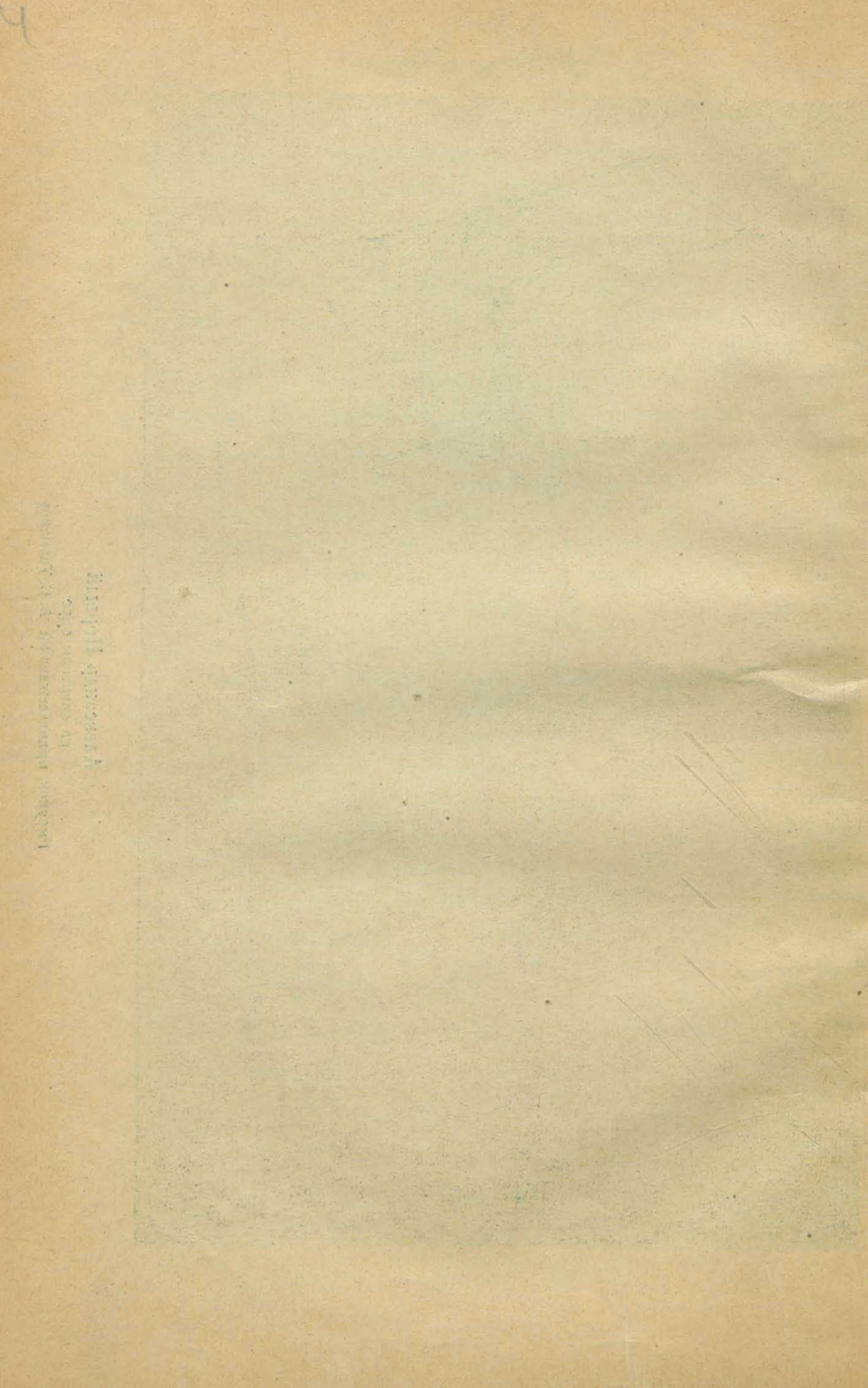
«1) На поверхности тела.

«Вид тела вообще не показывал истощения и мало отступал от натурального своего состояния, как во всем теле вообще, так и в особенности в брюхе, и ни в одной из наружных частей не приметно ни малейшей припухлости.

«На передней поверхности тела, именно на бедрах, находятся пятна темноватого, а некоторые темно-красного

Александр Первый
на смертном одре
Рисунок, принадлежавший А. С. Талызину

цвета, от прикладывания к сим местам горчишников происшедшие; на обеих ногах, ниже икр, до самых мыщелков приметен темно-коричневый цвет и различные рубцы (cicatrices), особенно на правой ноге, оставшиеся по заживлении ран, которыми государь император одержим был прежде.

«На задней поверхности тела, на спине между крыльцами до самой шеи простирающееся довольно обширное приметно пятно темно-красного цвета, от приложения к сему месту пластыря шпанских мух происшедшее. Задняя часть плеч, вся спина, задница и все мягкие части, где наиболее находится жирной клетчатой плевы имеют темно-оливковый цвет, происшедший от излияния под кожу венозной крови. При повороте тела спиною вверх из ноздрей и рта истекло немного кровянистой влаги.

«2) В полости черепа.

«При разрезе общих покровов головы, начиная от одного уха до другого, кожа найдена очень толстою и изобилующею жиром. По осторожном и аккуратнейшем отделении пилой верхней части черепа, из затылочной стороны вытекло два унца венозной крови. Череп имел натуральную толстоту. По снятии твердой оболочки мозга (dura mater), которая в некоторых местах, особенно под затылочною костью, весьма твердо была приросши к черепу, кровеносные сосуды на всей поверхности мозга чрезмерно были наполнены и растянуты темною, а местами красноватою кровию от предшествовавшего сильного прилития оной к сему органу. На передних долях мозга под лобными возвышениями (protuberantia frontales) приметны два небольшие пятна темно-оливкового цвета от той же причины. При извлечении мозга из своей полости, на основании черепа, равно как и в желудочках самого мозга, найдено прозрачной сукровицы (serositas) до двух унцов. Хоровид-

ное сплетение левого мозгового желудочка найдено твердо-приросшим ко дну оного.

«3) В грудной полости.

«По сделании одного прямого разреза, начиная от гортани чрез средину грудной кости до самого соединения лобковых костей, и двух косвенных, от пупка до верхнего края подвздошных костей, клетчатая плева найдена была повсюду наполненною большим количеством жиру. При соединении ребер с грудиною, хрящи оных найдены совершенно окостеневшими. Оба легкия имели темноватый цвет и нигде не имели сращения с подреберною плевою. Грудная полость ни мало не содержала в себе водянистой влаги. Сердце имело надлежащую величину и во всех своих частях как формою, так и существом своим ни мало не отступало от натурального состояния, равно и все главные сосуды, от оного происходящие. В околосердечной сумке (pericardium) найдено сукровицы около одного унца.

«4) В полости брюшной.

«Желудок, в котором содержалось немного слизистой смеси, найден совершенно в здоровом положении; печень имела большую величину и цвет темнее натурального; желчный пузырь растянут был большим количеством испорченной желчи темного цвета, ободошная кишка была очень растянута содержащимися в ней ветрами. Все же прочие внутренности, как то: поджелудочная железа, селезенка, почки и мочевой пузырь ни мало не отступали от натурального своего состояния.

«Сие анатомическое исследование очевидно доказывает, что августейший наш монарх был одержим острою болезнью, коею первоначально была поражена печень и прочие к отделению желчи служащие органы; болезнь сия в продолжении своем постепенно перешла в жестокую го-

рячку, с приливом крови в мозговые сосуды и последующим затем отделением и накоплением сукровичной влаги в полостях мозга, и была, наконец, причиною самой смерти его императорского величества.

«1) Дмитриевского вотчинного
гошпиталя младший лекарь *Яковлев.*
«2) Лейб-Гвардии казачьего полка
штаб-лекарь *Васильев.*
«3) Таганрогского карантина главный
медицинский чиновник доктор *Лакиер.*
«4) Придворн. врач коллежск. ассесор *Доберт.*
«5) Медико-хирург надворный советник *Тарасов.*
«6) Штаб-лекарь надворный советник *Александрович.*
«7) Доктор медицины и хирургии
статский советник *Рейнгольд.*
«8) Действительный статский советник
лейб-медик *Стофреген.*
«9) Баронет *Яков Виллие,* тайный советник и лейб-медик.

«Видел описанные медиками признаки и при вскрытии тела его императорского величества государя императора Александра Павловича находился

Генерал-адъютант *Чернышев.*

«Екатеринославской губернии в г. Таганроге».

За вскрытием последовало бальзамирование тела Александра. Тарасову было предложено взять эту обязанность на себя, но он уклонился, по его словам, «из чувства сыновнего почтения» к императору. Шениг, очевидец бальзамирования, подробно его описывает: [18]

«21-го числа, поутру в 9 часов, по приказанию Дибича, отправился я, как старший в чине из числа моих товарищей, для присутствия при бальзамировании тела покойного государя. Вошед в кабинет, я нашел его уже раздетым на столе, и четыре гарнизонные фельдшера, вырезывая мясистые части, набивали их какими то разваренными в спирте травами и забинтовывали широкими тесьмами. Доберт и Рейнгольд, с сигарами в зубах, варили в ка-

стрюльке в камине эти травы. Они провели в этом занятии всю ночь, с той поры, как Виллие вскрыл тело и составил протокол. Череп на голове был уже приложен, а при мне натягивали кожу с волосами, чем немного изменилось выражение черт лица. Мозг, сердце и внутренности были вложены в серебряный сосуд, в роде сахарной большой жестянки с крышкою, и заперты замком. Кроме вышесказанных лиц и караульного казацкого офицера, никого не только в комнате, но и во всем дворце не было видно. Государыня накануне переехала на несколько дней в дом Шихматова. Доктора жаловались, что ночью все разбежались и что они не могли даже добиться чистых простынь и полотенец. Это меня ужасно раздосадовало. Давно ли все эти мерзавцы трепетали одного взгляда, а теперь забыли и страх, и благодеяния. Я тотчас же пошел к Волконскому, который принял меня в постели, рассказал, в каком положении находится тело государя, и тот, вскочив, послал фельдъ-егеря за камердинерами. Чрез четверть часа они явились и принесли белье. Между тем фельдшера перевертывали тело, как кусок дерева, и я с трепетом и любопытством имел время осмотреть его. Я не встречал еще так хорошо сотворенного человека. Руки, ноги, все части тела могли бы служить образцом для ваятеля; нежность кожи необыкновенная; одно только место, которое неосторожно хватил Тарасов, было черного цвета.

«По окончании бальзамирования, одели государя в парадный общий генеральский мундир, с звездою и орденами в петлице, на руки перчатки, и положили на железную кровать, на которой он скончался, накрыв все тело кисеею. В ногах поставили аналой с Евангелием, которое поочередно читали священники, меняясь каждые два часа. Мы четверо и несколько казацких офицеров дежурили также по два часа стоя, потому что и стула не было в комнате, и это дежурство приходилось иногда по три раза в сутки.

На панихидах всегда был дежурным один из нас четверых. Кроме того, был всегда безотлучно один из камердинеров и Рейнгольд или Доберт, которые ежечасно смачивали лицо губкою, напитанной спиртом. Жар в комнате доходил до 18° и более; все двери и окна были заперты и, кроме того, горели три большие церковные свечи. Острый запах спирта, насыщенного каким то душистым веществом, наводил дурноту, и мундиры до того им провоняли, что недели три сохраняли этот неприятный запах. Доктора признавались, что они не могли хорошо и настоящим образом произвести бальзамирование, по неимению достаточного количества спирта, в который должно бы было погрузить тело на несколько суток; к тому же, я думаю, что они были непривычны к этому делу.

«На второй день, подняв кисею для примочки лица, я дал заметить Доберту, что клочок галстука торчит из под воротника государя. Он потянул и к ужасу увидел, что это кожа. Лицо начало совершенно темнеть. Теплота и уменьшение остроты спирта, стоявшего в открытой чаше и в жаркой комнате, вместо сохранения послужили только к порче тела. Сейчас побежал он к Виллие, который явился удостовериться в показании. Решили заморозить тело и тем только сохранить его. Отворили все окна, подвинули под кровать корыто со льдом и повесили у постели термометр, чтобы стужа всегда была не менее 10°. В это время холод и ветры начинали делаться весьма сильные, и каково же было нам дежурить в одном мундире. Только во время утренней и вечерней панихиды запирали окна, потому что присутствовала государыня.

«20 числа поставили трон, обили всю залу черным сукном, надели на государя порфиру и положили во гроб, надев на голову золотую корону. Первый гроб был свинцовый, а этот уже был поставлен в деревянный, обитый золотою парчою с орлами. Окна насквозь были отворены, и мы уже

дежурили в шляпах и с обнаженными шпагами. По окончании каждой панихиды входил Волконский, уводил вон из залы всех часовых и наконец уходил сам; оставались священник, читающий Евангелие, и нас двое, которым велено было стоять у ступеней гроба смирно и не поднимать глаз.

Несмотря на то, мы очень хорошо могли видеть, что всякий раз выходила из своих комнат императрица, совершенно одна, никем не поддерживаемая, всходила на ступени трона и начинала целовать тело и молиться. Это всегда продолжалось минут десять. Коль скоро она удалялась, Волконский опять вводил часовых, входили дежурные, и мы начинали ходить вольно».

Сохранилось не мало описаний болезни и смерти Александра I, но самые интересные и ценные из них это «Записки» Елизаветы Алексеевны, «История болезни» (Н. М. Лонгинова?) и «Дневник» лейб-медика Виллие, помещаемые здесь в качестве приложений.

Погребальная процессия с телом императора Александра I двинулась из Таганрога не скоро. Между тем, несмотря на бальзамирование, тело несколько портилось от времени, что беспокоило князя Волконского, написавшего 7 декабря Г. И. Вилламову: «Мне необходимо нужно знать, совсем ли отпевать тело при отправлении отсюда, или отпевание будет в С.-Петербурге, которое, ежели осмеливаюсь сказать свое мнение, приличнее полагаю сделать бы здесь, ибо хотя тело и бальзамировано, но от здешнего сырого воздуха лицо все почернело, и даже черты лица покойного совсем изменились, через несколько же времени и еще почернеет; почему и думаю, что в С.-Петербурге вскрывать гроба не нужно, и в таком случае должно будет здесь совсем отпеть, о чем и прошу вас испросить высочайшее повеление и меня уведомить чрез нарочного» [19]. 29 декабря погребальная процессия высту-

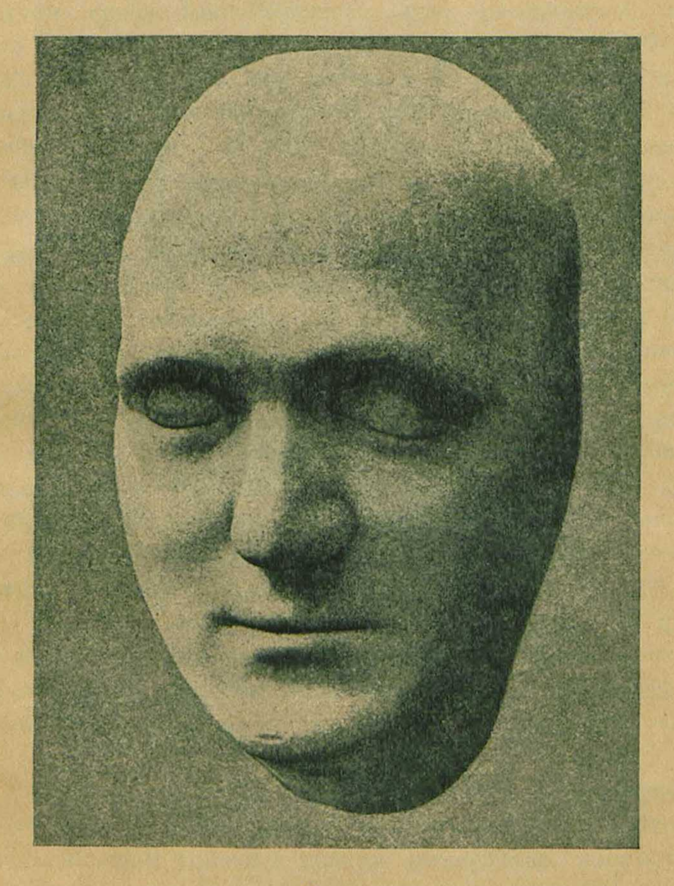
пила. Главное начальство над кортежом было возложено на генерал-адъютанта графа Орлова-Денисова. Д. К. Тарасову Елизавета Алексеевна поручила наблюдение за сохранностью тела в пути. «Я знаю всю вашу преданность и усердную службу покойному императору», сказала она, «и потому я никому не могу лучше поручить, как вам». Она пожаловала ему также брильянтовый траурный перстень «на память службы при императоре». На всем пути сохранялся полный порядок, на ночь гроб оставлялся в церквах. Большие толпы народа встречали процессию, случалось, отпрягали лошадей у колесницы и везли ее на себе.

На пути к Москве гроб неоднократно вскрывался, и тело осматривалось. Таковые осмотры, пишет Тарасов, при особом комитете, в присутствии графа «производились в полночь пять раз, и каждый раз, по осмотре я представлял донесения графу о положении тела. Для ежедневного же наблюдения в гробе было сделано отверстие в виде клапана, через которое всегда можно было удостовериться в целости тела. Когда же мороз понижался до двух или трех градусов по Реомюру, тогда под гробом постоянно держались ящики со льдом, нашатырем и поваренной солью для поддержания холода». Затем уже по выступлении из Москвы гроб снова, 7 февраля, был осмотрен в селе Чашошкове, по удалении всех посторонних из церкви, в присутствии генерал-адъютантов графа Остермана-Толстого, Бороздина, Сипягина и графа Орлова-Денисова, флигель-адъютантов полковников Германа, Шкурина, Кокошкина, графа Залуцкого и ротмистра Плаутина, гвардии полковника кавалергарда Арапова, Соломки и хирурга Тарасова. «Для удостоверения насчет положения тела императора», решено было вскрыть и свинцовый гроб; тщательнейший осмотр обнаружил, по описанию Тарасова, что положение самого тела в гробу оказалось в совершенном порядке и сохранности. При вскрытии, «кроме ароматного и бальзамического за-

паха, никакого газа не было приметно». Затем оба гроба были закрыты «попрежнему». Для осмотра тела гроб был вскрываем еще дважды, а именно на втором переходе от Новгорода, в присутствии графа Аракчеева, и в Бабине, не доходя до Царского Села. Последнее было поручено Николаем I Виллие, который, произведя осмотр тела Александра, «раскрыв его до мундира», не нашел ни малейшего признака химического разложения. Таким образом гроб осматривался до Царского 8 раз, из них 3 раза вскрывали не только деревянный, но и свинцовый гроб.

28 февраля гроб прибыл в Царское Село, где был внесен в дворцовую церковь. На другой день князь Голицын спросил у Тарасова: «можно ли открыть гроб, чтобы императорская фамилия могла проститься с телом покойного императора?» Тарасов отвечал утвердительно, уверив, что гроб можно открыть «даже для всех». Тогда Голицын передал ему приказание императора к двенадцати часам ночи открыть гроб и приготовить все для прибытия царской семьи.

«В 11½ часов вечера», рассказывает Тарасов, «священники и все дежурные были удалены из церкви, а при дверях вне оной поставлены были часовые; остались в ней: князь Голицын, граф Орлов-Денисов, я и камердинер покойного императора Завитаев. По открытии гроба я снял атласный матрац из ароматных трав, покрывавший все тело, вычистил мундир, на который пробилось несколько ароматных специй, переменил на руках императора белые перчатки (прежние несколько изменили цвет) возложил на голову корону и обтер лицо, так, что тело представилось совершенно целым, и не было ни малейшего признака порчи. После этого князь Голицын, сказав, чтобы мы оставались в церкви за ширмами, поспешил доложить императору. Спустя несколько минут вся царская фамилия с детьми, кроме царствующей императрицы, вошла в церковь

Маска,
снятая с Александра Первого после смерти

при благоговейной тишине, и все целовали в лицо и руку покойного».

Принц Вильгельм Прусский, присутствовавший при вскрытии гроба близ Царского Села, рассказывал, что «когда гроб был открыт, императрица-мать (Мария Федоровна) несколько раз поцеловала руку усопшего и воскликнула: «Да, это мой дорогой сын Александр. Ах, как он исхудал» («Oui, c'est mon cher fils Alexandre, ah, comme il a maigri!»). Трижды возвращалась она к трупу. Принц был очень взволнован (ergriffen) видом тела. По выходе императорской фамилии Тарасов снова покрыл тело ароматным матрацем и закрыл гроб. В церкви чесменского дворца, свинцовый гроб с телом Александра I был переложен из деревянного в новый, бронзовый: ковчег с внутренностями был помещен в гробу, в ногах, а ваза с сердцем у левой стороны груди. Распиленные части прежнего деревянного гроба также были положены в новый. По прибытии в Петербург, гроб в течение 7 дней был выставлен в Казанском соборе для публики, но закрытым. На предложение об открытии гроба для жителей столицы, Николай I «не изъявил своего согласия», по догадке Тарасова, «единственно по той причине, что цвет лица покойного императора был немного изменен в светло-каштановый, будучи покрыт в Таганроге уксусно-древесною кислотою, которая, впрочем, нимало не изменила черт лица» [20].

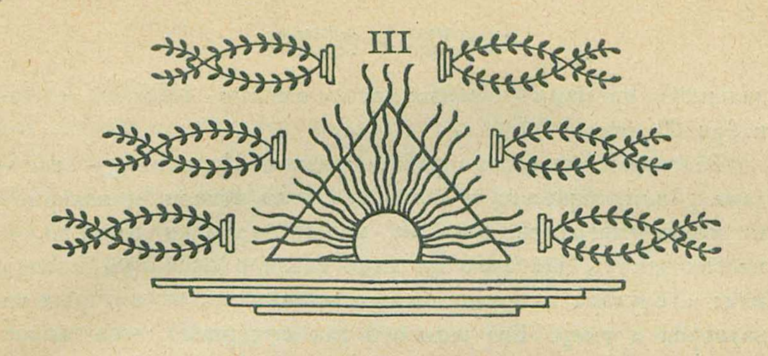
13 (25) марта в Петропавловской крепости при пушечных залпах тело Александра I было предано вечному успокоению. Медный ковчег с гробом императора, замкнутый четырьмя замками, поместили в склепе и заложили.

Александровский период окончился.

Первая страница его открылась трагическим событием 11-го марта. Тем не менее молодой император, полный либеральных идей, был встречен общим энтузиазмом и на-

деждами. Отечественная война, грандиозная борьба с Наполеоном сообщили этому царствованию черты некоторого величия, но кончилось оно темной реакцией. Как символы ее, с одной стороны — мрачная фигура изувера архимандрита Фотия, с другой — суровый и беспощадный образ Аракчеева. В этом зловещем окружении, среди всеобщего разочарования и тревожного общественного брожения, Александр I и доживал свои последние годы.

Смерть сразила императора, казалось, еще полного сил и здоровья. В его одинокой кончине, где-то на окраине государства, в глухом городке, было что-то странное, неожиданное.

Молва в народе. — Мнения историков.

Стала расти молва, что настоящий император жив, но скрывается, а в гробу везут чужое тело. Любопытно, что эта молва и слухи шли как бы впереди погребального шествия, опережая его. Еще гроб не успел прибыть в Москву, а уже столица была полна всевозможными толками. Эти тревожные слухи, с досадой пишет современник, пугали иных «дураков», кои трусили, уезжали из Москвы или просили часовых для себя на это время. Прибытие гроба 3 февраля действительно вызвало сильное стечение народа. Власти ждали беспорядков и приняли меры: в 9 часов вечера кремлевские ворота запирались, у каждого входа стояли пушки, держались наготове военные части, по городу всю ночь ходили патрули. Но все обошлось благополучно. Слухи утверждали, впрочем, что подписками якобы обязывали фабрикантов не выпускать фабричных в день процессии, что кабаки будут закрыты. Боялись, что когда прибудет тело, народ потребует вскрытия гроба, чтобы «увериться в смерти государевой». Некоторые из многочисленных рассказов такого рода одним московским дворовым человеком были записаны под общим названием: «Московские повести, или новые правдивые и ложные слухи, которые после виднее означутся, которые правдивые, а которые лживые, а теперь утверждать ни одних не могу, но решился на досуге описывать, для

дальнего времени незабвенного, именно 1825 г., с декабря 25 дня».

Рассказы эти весьма разнообразны. По одним — «государя убили, изрезали и долго его тело искали, и наверное не могут утвердить, есть ли, нашли — только изранен, и нельзя узнать, для того на лицо сделали восковую маску» или: «государя напоили такими напитками, от которых он захворал и умер. Все тело его так почернело, что никак и показывать не годится. Для того и сделали восковую накладку; а гроб свинцовый в 80 пуд.»; или что «Александр Павлович проколот кинжалом, и разрублена голова, ради сего и показать народу не позволялось». По другим слухам, государь «жив, но его продали в иностранную неволю», или он «уехал на легкой шлюпке в море».

Рассказывали, что будто бы, во время проезда через Москву государева тела, был в Москве из некоторого села дьячок; смотрел и он. И по приезде его в село стали его спрашивать мужики: «что, видел ли государя»? А он ответил: «какого государя? это чорта, а не государя везли». Тогда мужик ударил его в ухо и потом объявил управителю и попу; то оного дьячка взяли в Москву, и попа и дьякона тоже. Попа-то отпустили из Москвы и от службы отрешили, а дьячка и дьякона и теперь держат; и неизвестно, что будет с ними». Иные слухи подробно передавали о бывшем якобы неудачном покушении на Александра I: «Когда государь был в Таганроге, то приходят к той палате несколько солдат и спрашивают: «что государь делает?» Им отвечали, что государь пишет; то и пошли прочь. На другую ночь опять пришли солдаты и спрашивали: «что государь делает?» Им отвечали: «государь спит». То на третью ночь пришли опять, спрашивали: «что государь делает?» Им ответили: «государь ходит по покоям». То один солдат взошел к государю и сказал ему: «Вас сегодня изрубить приготовились непременно»; то государь

сказал солдату: «хочешь за меня быть изрублен?»; то солдат сказал: «я не хочу ни того, ни другого»; то государь сказал ему: «ты будешь похоронен, как я, а род твой будет весь награжден». То солдат на оное согласился и надел на себя царский мундир, а государя спустил в окно» и т. д. Существовал и другой вариант: «Когда Александр Павлович был в Таганроге, и там строился дворец для Елизаветы Алексеевны, то государь приехал в оный с заднего крыльца. Стоявший там часовой, остановив его, сказал: «Не извольте входить на оное крыльцо, вас там убьют из пистоли». Государь на это сказал: «хочешь ли ты, солдат, за меня умереть? Ты будешь похоронен, как меня должно, и род твой будет весь награжден». То солдат на оное согласился и переоделся. Государь надел солдатов мундир и стал на часы. А солдат надел царский мундир, шинель и шляпу и пошел в отделываемый дворец, и лицо шинелью прикрыл. Как взошел в первые комнаты, то вдруг из пистоли по нему выпалил один барин и не попал, а сам упал в обморок. Солдат повернулся, как назад идти, то другой выпалил по нему и прострелил; то вдруг его подхватили и понесли в те палаты, где жила его супруга, и ей доложили, что государь весьма нездоров; и потом после помер, яко государь. А настоящий государь, бросив ружье, бежал с часов, но неизвестно куда, и писал Елизавете Алексеевне письмо, чтобы оного солдата похоронили, как меня» [21].

Еще любопытнее письмо некоего Евдокима, повидимому, солдата музыкальной команды, который летом 1826 г., перед коронацией Николая I, сообщал своему «любезнейшему другу» следующее:

«Коронации еще у нас не было, а будет в июле или сентябре месяце, то теперь вам сказать нечего насчет войска и о вольности крестьян. А скажу я вам по секрету об Александра Павловича кончине. Это правда, и я согласен с тем списком, который у вас мною оставлен. По выезде

из Петербурга было знамение на небе, и когда стал писать письмо матери императрице, было затмение, и свечи были поданы — это правда; а что написано, что исповедался, приобщался, и как лечили и помирал—это враки. У меня стоял лейб-сержант не молодых уже лет, который находится всегда при дворце, и он мне по секрету открыл, что там делалось. Не доезжая Таганрога, мост на реке был подпилен для его проезда, где бы ему была кончина жизни; но один какой то господин добродушный сказал ему: «Государь, не езди, вам приготовлена на сем мосту смерть». Но он сказал: «Я надеюсь на бога, это пустяки», однако сказал впредь едущему: «ступай вперед». А государь остановился. Как только выехали на мост, так оный повалился, а государь сказал Илье: «Заворачивай скорей». Не успел только отъехать полверсты, тут окружен был господами. Отрубили ему левую руку, иссекли грудь и тело — вот его кончина. Он, вместо причастия господней крови, свою истощил злодеями. Илья кучер привез его рубашку, которая иссечена была в местах тридцати. Боже мой, какое жалкое состояние двух невинных супругов! И Елизавета Алексеевна в Тульской губернии в городе Белеве после обеда скоропостижно померла мая в первых числах. Старая государыня уехала из Москвы к ней; и шесть недель будет стоять в Белеве. А кучер после похорон государя в третий день помер. Государыня также померла, как и муж ее. Когда все бунтовщики в глаза говорят государю, что «мы вас по одиночке переберем!» Однажды сказал граф Воронцов государю: «Что ваш за род Романов — существует на свете сто сорок лет, а мой род графской — девятьсот лет, так мне должно быть царем, а ты самозванец». Этот граф установил закон масонской веры и закон республики. У него уже сделаны были знамя вышиты золотом; корона Российской державы опровергнута была вниз головами. И хотел он быть королем республики. Тайная канцелярия хранилась у него

в доме. Он хотел, чтобы присягнули ему, Воронцову, под видом Константина Павловича. Когда Николай отрекся быть государем, а хотел, чтобы государем был Константин, то во время переписки Николая с Константином хотели обработать, чтобы присягнули подложно Константину: вынесли бы знамя свернута республиканское, и если бы солдаты присягнули, преклонили знамя и полный проход пробили, тогда бы развернули знамя, а оно — республиканское; в то время уже невозможно возвратить потери, тогда бы всех перекололи. А солдатам гвардии за присягу было припасено по 500 рублей на каждого и вольный паспорт. Но все бог не допускает. Николай Павлович был призван в Сенат, хотели там передать его забвению, но он ходил в Сенат и усмотрел под сукном тот самый подписной список; схватя его в карман, и бежал из Сената. Тут схватились: где государь? Но он уже уехал к матери, и там жил до походу; а спал в казарме с солдатами».

Наряду с драматическими описаниями смерти Александра I ходил и такой рассказ, что император умер в Таганроге тихой спокойной смертью; он был болен 9 дней; когда «потогонительное» лекарство не подействовало, он сказал: «мы все не бессмертные, а должны когда-нибудь умерсть», и после того умирал «с вольностию духа», почему и государыня при его кончине находилась «не так в большом прискорбии» [22].

Мысль о том, что Александр не умер в Таганроге, а лишь скрылся, подменив себя чужим телом, проникла в среду некоторых исследователей. Этого взгляда придерживался Н. К. Шильдер, «В. Г.», скрывшийся под инициалами, и особенно В. Барятинский. Напротив, Николай Михайлович, Василич, Шумигорский и др. совершенно не допускают «мнимой» смерти императора. Мнения исследователей, таким образом, разошлись. Один из горячих сторонников легенды об Александре задался целью исследовать три вопроса:

1) Имел ли Александр I намерение отказаться от власти?

2) Привел ли он его в исполнение, скрывшись из Таганрога?

3) Можно ли сибирского старца Федора Козьмича отождествить с Александром I? [23]

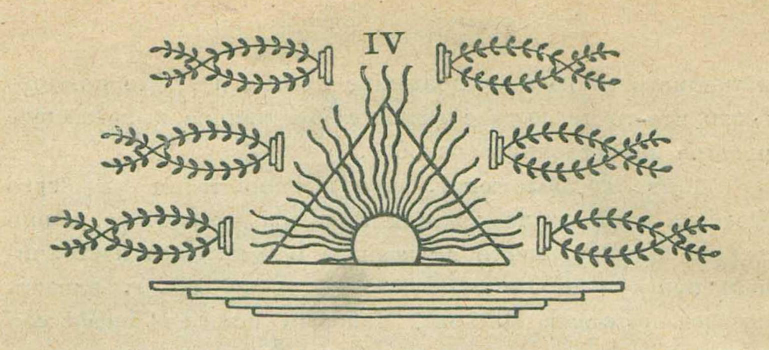
На все три вопроса дается им утвердительный ответ. Если под первым вопросом понимать иную редакцию: «высказывал ли Александр I такое намерение?», то в этом пункте разногласий среди историков нет. Придерживаясь и сам того же мнения, перехожу к разбору двух остальных пунктов.

Действительно, есть некоторые данные, которые могут навести на сомнение: не скрылся ли Александр I из Таганрога и не окончил ли жизнь в Сибири? Так, между «мемуарами», «дневниками» и прочими источниками о болезни и смерти Александра I нет полного соответствия. Наоборот, можно указать ряд противоречий. «Записки» и «Дневники» некоторых очевидцев болезни и смерти императора писаны, видимо, задним числом и вызывают подозрение в недостоверности. Имеется ряд указаний, что черты покойного императора после смерти «изменились», почему и гроб для народа не был открыт. Протокол вскрытия обнаруживает некоторые признаки сифилиса у покойного, чего у Александра I не было. Далее, вопреки прямому заявлению Тарасова, что он протокол не подписывал, подпись его там стоит, что вызывает мысль о подлоге. Биограф Александра, Н. К. Шильдер, как известно, допускавший возможность исчезновения Александра I из Таганрога и даже уверявший, что Федор Козьмич, явившись во сне, исцелил его от головных болей [24], в беседе с Николаем Михайловичем указывал на загадочные слова Тарасова, который, описав донесение Александру о смерти Маскова, прибавляет: «При этом я не мог не заметить в государе необыкновенного выражения в чертах его лица, хорошо

изученного мною в продолжение многих лет; оно представляло что-то тревожное и вместе болезненное, выражающее чувство лихорадочного озноба».

Есть предположение, что именно телом умершего Маскова воспользовались для подмены императора, и оно лежало в гробу вместо Александра I. Благодаря настойчивым поискам исследователей, удалось в 1902 г. напасть на след потомков Маскова. Таковым оказался профессор химии в технологическом институте Аполлон Аполлонович Курбатов. Он приходился по матери своей внуком фельдъегеря Маскова. В их семье сохранилось предание, что будто бы дед их Масков похоронен в соборе Петропавловской крепости, вместо императора Александра I. Но дети Маскова, два сына и три дочери, к этому времени уже все были в могиле, иных же потомков Маскова, кроме Курбатова, исследователю разыскать не удалось. Сам Шильдер, а за ним и Барятинский, считают более правдоподобным, хотя неизвестно почему, другую версию, что похоронено было тело одного солдата (или фельдфебеля) Семеновского полка, находившегося и умершего случайно в Таганроге, причем человек этот имел некоторое сходство с императором Александром [25].

Многочисленные слухи и толки, возникшие об Александре I, Николае и Константине Павловиче, через год, много — два постепенно затихли. Все стало забываться. Как вдруг 11 лет спустя, в Западной Сибири появился какой то таинственный старец. Молва стала связывать с ним имя Александра I. Утерянный конец нити как будто вновь был найден.

IV

Появление загадочного старца. — Федор Козьмич в Сибири. — Рассказы о нем очевидцев.

Осенью 1836 года, 4 сентября, в Кленовской волости, Красноуфимского уезда, был задержан проезжавший на лошади, запряженной в телегу, неизвестный человек. На допросе в Красноуфимском земском суде неизвестный показал, что он не помнит своего «родопроисхождения с младенчества, по имени Федор Козьмин, сын Козьмин же, 70 лет, неграмотен, исповедания греко-российского, холост; сначала он пропитывался у разных людей, напоследок вознамерился отправиться в Сибирь». Двукратное освидетельствование установило следующие приметы: «рост 2 арш. 6½ вершк., волосы на голове и бороде светлорусые с проседью, нос и рот посредственные, глаза серые, подбородок кругловатый; от роду имеет не более 65 лет; на спине есть знаки наказания кнутом или плетьми».

Как «бродягу», непомнящего родства, суд приговорил Федора Козьмича к наказанию 20 ударами плетьми и к отдаче в солдаты «куда окажется годным», а в случае «негодности» — к отсылке в Херсонскую крепость, за неспособностью же к работам — к ссылке «прямо в Сибирь на поселение». Объявленным приговором Федор Козьмич «остался доволен», доверив за себя подписаться мещанину Григорию Шпыневу. Решение суда однако было возвращено Пермским губернатором, предписавшим Федора Козь-

мина, как имеющего 65 лет от роду и, следовательно, неспособного ни к военной службе, ни к крепостным работам, сослать в Сибирь на поселение. 12 октября Федор Козьмич был наказан 20 ударами плетей и на другой день отправлен в Сибирь. В Тюмень Федор Козьмич прибыл 7 декабря 1836 года в 44-ой партии ссыльных, где числился под № 117. Он был назначен в разряд «неспособных» и отправлен на поселение в Томскую губернию 11 декабря в 43-ей партии.

Вот те немногие официальные сведения о Федоре Козьмиче, касающиеся момента появления его в «поле зрения» исследователя. Вокруг этого «неизвестного бродяги» и сгустился потом покров таинственности, окруживший его рядом легенд, столь затруднивших путь исторических разысканий. Довольно большую биографию Козьмича по свежим еще воспоминаниям и рассказам очевидцев составил Мельницкий. Личность Федора Козьмича в ней остается загадкой [26].

Первоначально Федор Козьмич был приписан к деревне Зерцалы, Боготольской волости, куда прибыл вместе с 43-ей партией ссыльных 26-го марта 1837 года. Здесь он прожил около пяти лет, не привлекаемый ни на какие принудительные работы. Затем некоторое время он живет в Белоярской станице, уходит однажды летом в Енисейскую тайгу на золотые прииски, в качестве простого рабочего, и снова возвращается в д. Зерцалы, где остается около 6 лет, с тем, чтобы в 1849 г. поселиться около села Краснореченского на р. Чулыме. С этого времени личность Федора Козьмича до известной степени становится центром внимания окружающих. Однако «никаких серьезных намеков на будто бы царственное происхождение» его ни самим Федором Козьмичем, ни его окружающими в это время не делалось. Народная молва считала его каким то сосланным или добровольно оставившим свой пост митрополитом, хотя

образ его жизни и не имел ни одной черты, заставлявшей предполагать в нем духовное звание. От Краснореченского Федор Козьмич уходит к д. Коробейникам, откуда через три года вновь возвращается на Красную речку и, наконец, в 1858 году 31 октября, уступая просьбам купца Хромова, Федор Козьмич переехал в Томск, в 4 верстах от которого на заимке Хромова и прожил до своей смерти [27].

По рассказам очевидцев, наружность Федора Козьмича производила внушительное впечатление. С видной фигурой, довольно высокого роста, широкоплечий, с высокой грудью, он имел серые глаза и чистое белое лицо с кругловатым подбородком. Кудрявые волосы на голове и длинная, немного вьющаяся борода постепенно седея, к 1860-м годам покрылись уже «легкой желтизной» — признак старости. В общем лицо имело правильные и приятные черты. Традиция рисует характер Козьмича вспыльчивым, но считает старца добрым и мягким, однако последнее сомнительно, ибо дошедшие о нем сведения и в особенности «Записки» преданного ему Хромова дают иное представление. Резкие отзывы Федора Козьмича об епископе Парфении, подозревавшем в старце «прелесть», ответы Хромову («если хочешь, выбрось меня на улицу»), резкий, даже грубый ответ («я из публичного дома») любопытным купчихам, назойливо добивавшимся узнать его происхождение, и пр. свидетельствуют скорей об обидчивости и раздражительности Козьмича. Это был суровый, замкнутый человек, которого побаивались.

Рассказывают, что Федор Козьмич обладал выдающейся физической силой. При метании сена он одним взмахом бросал на стог целую копну сена, не опираясь концами вил в землю и приводя этим в удивление зрителей. Одежда его состояла из длинной холщевой рубахи, подпоясанной тоненьким ремешком, белых бумажных носков и кожаных туфель. Длинный черный халат, надетый поверх рубахи,

а зимой старая сибирская доха с облинявшею шерстью дополняли его одежду. Отмечают в старце любовь к порядку и чистоте, хотя Хромов напротив сообщает, что «никто и никогда не видал, чтобы старец умывался, а только бывало в год два раза обмывал себе ноги». Жилищем ему служила обычно особая избушка или отдельная комната; летом иногда он проводил свои дни в лесу или на пасеке. Жесткая постель, без всякой подстилки, деревянный чурбан вместо подушки, две-три скамейки и небольшой столик составляли всю его аскетическую обстановку. В переднем углу висели образа Печерской божией матери и Александра Невского и др., на столе — небольшое распятие и несколько книг религиозного содержания. Лубочных изданий не было.

Обычно питался он скромной пищей: ржаным хлебом и сухарями с водой, хотя от лепешек, пирогов, меда, рыбы или других приношений не отказывался. Одной из почитательниц он прямо сказал: «я вовсе не такой постник, за какого ты принимаешь меня». Мясо ел он редко, любил жареные оладьи с сахаром, но извинял себя, говоря что «от таких оладей и сам бы царь не отказался». Вина он никогда не пил. Вставал старец рано; чем он занимался, никто не видал: дверь кельи оставалась постоянно закрытой. Твердые мозоли на его коленях, обнаруженные после смерти, красноречиво говорят о продолжительной молитве и земных поклонах. «Он всегда утаивал», пишет Хромов, «разве когда либо тихонько увидишь, что он молится богу, но это случалось днем, ночью же никогда и никого к себе не принимал».

О посещении старцем церковной службы сведения противоречивы, но они единогласны в указании, что у себя в селе Козьмич у исповеди и причастия никогда не бывал, чем возбудил даже против себя негодование местного священника, подозревавшего в нем сектанта. Вполне точно

установлено, что старец не принял причастия и перед смертью. На неоднократные предложения причаститься, Федор Козьмич обычно отвечал: «Господь удостоил меня принимать эту пищу».

Влияние старца возростало по мере того, как население имело все больше поводов и случаев оценить его достоинства. Переходя из деревни в деревню, Федор Козьмич всюду вносил культурное влияние хорошо образованного, интеллигентного человека. Наставления его, всегда серьезные и краткие, нередко были «прикровенны», говорились иносказательно, «так что едва были понятны тому, к кому относились». Он оказывал помощь больным, учил грамоте крестьянских детей, знакомил их с историей, географией, священным писанием. Сообщаемые им сведения были «чужды какой либо тенденциозности», правдивы, ясны, и, как свидетельствует его биограф, надолго сохранялись в памяти его учеников. С взрослыми Федор Козьмич также беседовал или на религиозные темы, или рассказывал о событиях из русской истории, особенно о военных походах и сражениях. В рассказах об отечественной войне незаметно для себя самого он вдавался иногда в такие подробности, что вызывал «общее недоумение».

Любопытно, что Федор Козьмич обнаруживал не малое знание крестьянской жизни, отдавал предпочтение земледельцам, делал ценные сельско-хозяйственные указания относительно выбора и обработки земли, устройства огородов и всякого рода посевов. Он объяснял «значение земледельческого класса в государственном строе, знакомил крестьян с их правами и обязанностями; учил уважать власть», но вместе с тем внушал и мысль о равенстве: «И цари, и полководцы, и архиереи — такие же люди, как и вы, говорил он, только Богу угодно было одних наделить властью великою, а другим предназначил жить под их постоянным покровительством».

По общим отзывам, Федор Козьмич оставлял в окружающих его впечатление человека интеллигентного, образованного, по многим указаниям, владевшего иностранными языками; но, кажется, под конец жизни старец несколько опростился и огрубел. Федор Козьмич вел обширную переписку с разными лицами чрез странников-богомольцев и постоянно получал известия из России, хотя тщательно скрывал от постороннего глаза чернила и бумагу. Известно, между прочим, что он переписывался с графом Остен-Сакеном. Приводилось не мало рассказов о благодеяниях и услугах старца сибирякам. Нужно было им устроить то или другое дело в Петербурге, «маленькие люди», будто бы, являлись к старцу Федору Козьмичу, прося заступничества, и он не отказывал: давал письмо, всегда в запечатанном конверте, под непременным условием никому, кроме адресата, письма не показывать. — «А то, смотри, пропадешь». Затем он подробно наставлял, куда и к кому в Петербурге явиться. И вмешательство старца Федора Козьмича всегда, якобы, оказывало желанное действие [28].

С развитием своей популярности среди населения Федор Козьмич приобретал все более широкий круг почитателей, которые нередко обращались к нему за советом и наставлением. Однако эта известность тяготила старца и побуждала его еще более дорожить своим уединением. Он реже начинает выходить к посетителям, дверь его кельи все чаще остается закрытой. Случались периоды, когда он по целым дням сидел в келье безвыходно.

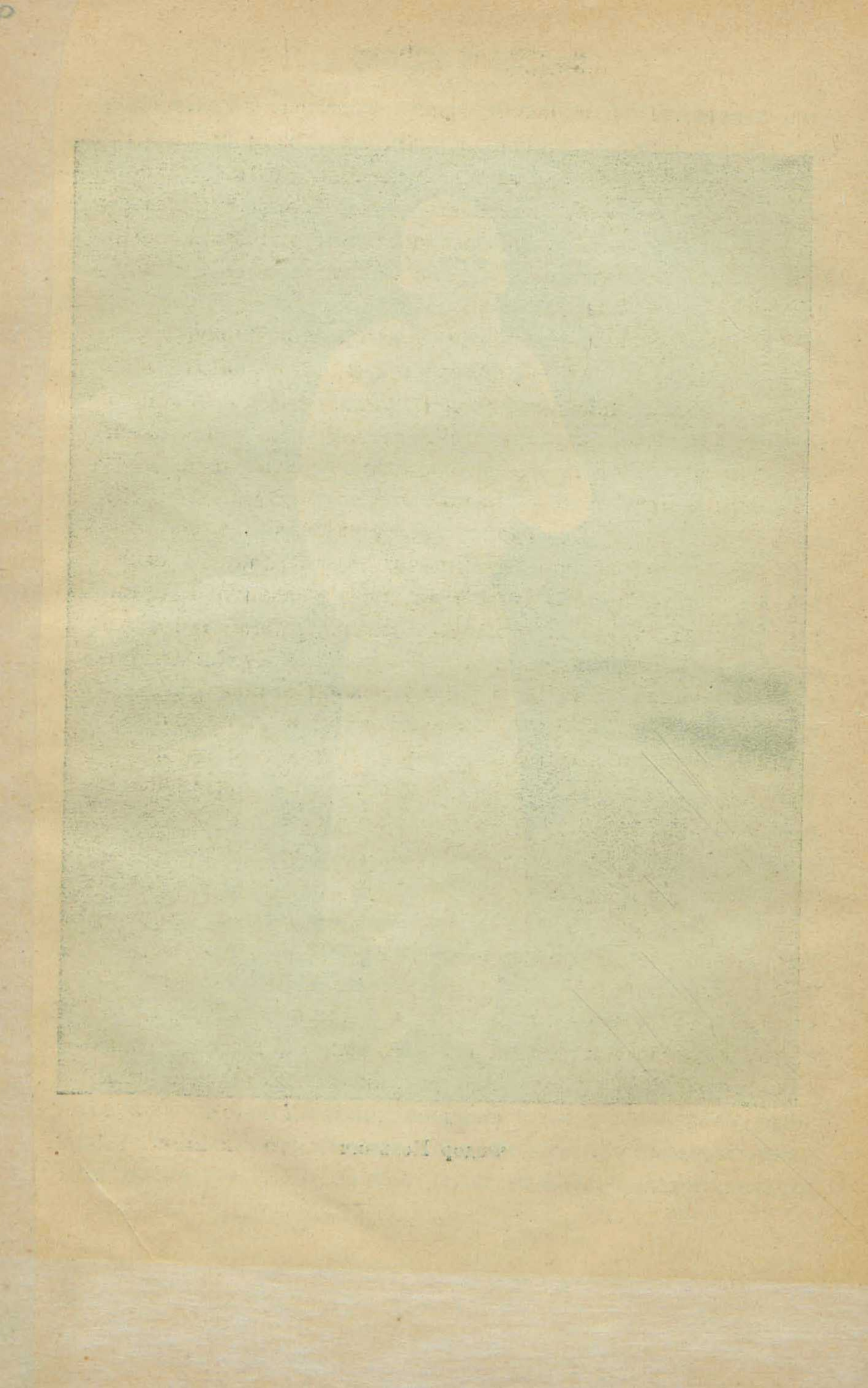
Из посещавших Федора Козьмича можно отметить епископа Парфения, епископа Иннокентия камчатского, советника Томского губернского суда Л. И. Савостина и др. Афанасий, епископ Иркутский, не раз навещал старца и даже останавливался у него в келье иногда по нескольку дней. Первая встреча их произошла в с. Краснореченском. Афанасий сам пригласил к себе Федора Козьмича. «Вла-

дыка вышел встретить его на крыльцо, рассказывает очевидец. Выйдя из одноколки, старец Федор поклонился архиерею в ноги, а владыка старцу, причем они взяли друг у друга правую руку и поцеловались, как целуются между собой священники. Затем преосвященный, уступая дорогу старцу, просил его идти вперед, но старец не соглашался; наконец, владыка взял старца за правую руку, ввел его в горницу, где раньше сам сидел, и начал с ним ходить, не выпуская его руки, как два брата. Долго они так ходили; много говорили даже не по-нашенски, не по-русски, и смеялись. Мы тогда дивились, кто такой наш старец, что ходит так с архиереем и говорит не по-нашенски». Существует заслуживающий доверия рассказ дочери Хромова о каком-то таинственном высокопоставленном госте старца. Вместе с отцом она приехала навестить Федора Козьмича, когда тот жил еще в с. Коробейникове. Старец вышел к ним на крыльцо и сказал: «Подождите меня здесь, у меня гости». «Мы отошли немного в сторону от кельи», рассказывает она, «и подождали у лесочка. Прошло около двух часов времени; наконец из кельи, в сопровождении Федора Козьмича, выходят молодая барышня и офицер в гусарской форме, высокого роста, очень красивый и похожий на покойного наследника Николая Александровича. Старец проводил их довольно далеко, и, когда они прощались, мне показалось, что гусар поцеловал ему руку, чего он никому не позволял. Пока они не исчезли друг у друга из виду, они все время друг другу кланялись. Проводивши гостей, Федор Козьмич вернулся к нам с сияющим лицом и сказал моему отцу: Деды-то как меня знали, отцы-то как меня знали, дети как знали, а внуки и правнуки вот каким видят».

«Старец был глуховат на одно ухо», рассказывает один из его посетителей, «потому говорил немного наклонившись. Во время разговора он или ходил по келье, заложив пальцы

Федор Козьмич

правой руки за пояс, как это делают почти все военные, или стоял прямо, повернувшись спиной к окошку». Вышеупомянутый Л. И. Савостин часто навещал старца; в беседе между ними, «которая велась иногда на иностранных языках», обсуждались вопросы государственные, политические и общественные: всеобщая воинская повинность, освобождение крестьян, война 1812 года [29].

Традиция о Федоре Козьмиче упорно подчеркивает, что он обнаруживал большое знание высшего петербургского света и закулисной придворной жизни конца XVIII и начала XIX века. Он знал всех крупных государственных деятелей, давал их характеристики: с глубоким уважением отзывался о митрополите Филарете и архимандрите Фотии; рассказывал об Аракчееве, его деятельности и военных поселениях; вспоминал знаменитого Суворова, а также Кутузова. «Эти люди», замечал он о них, «были не простые воины, а благодатные». Об императоре Павле I старец никогда не упоминал, об Александре I — редко. «Когда в 1812 г. входили французы в Москву», рассказывал старец, «император Александр приходил к мощам Сергия Радонежского, помолился ему со слезами, и вдруг слышен был глас от угодника: Иди, Александр, дай полную волю Кутузову, да поможет бог изгнать из Москвы французов».

Уходя в воспоминания далекого прошлого, старец весь преображался, глаза у него блистали, он весь оживал. О войне с Наполеоном, о 12-м годе он рассказывал с такими подробностями, которые явно изобличали в нем человека, лично принимавшего участие в этих событиях. «Когда Александр I в 1814 году въезжал в Париж», рассказывал старец, «под ноги его лошади постилали шелковые платки и материи, а дамы на дорогу бросали цветы и букеты. Александру это было приятно. Во время этого въезда граф Меттерних ехал справа от Александра и имел под собой на седле подушку» [30].

О масонстве старец рассказывал, что во время распространения масонской ложи особенно в высших кругах оно проникло и ко двору. Александр I созвал во дворце собрание из высших духовных и гражданских лиц. Почти все согласны были вступить в масонскую ложу. Вдруг входит приглашенный на это собрание архимандрит Фотий, и сказал только: «Да заградатся уста нечестивых». После этих слов все собрание не могло и говорить. Так и разошлись. И секта осталась как ложная. Старец при этом добавил, что «Фотий был муж благодатный; Александр Благословенный не был в этой секте, хотя тогда об нем и говорили».

Существует несколько рассказов, устанавливающих якобы тождественность Федора Козьмича с Александром I. Так, в с. Краснореченском сапожник Оленьев, бывший солдат, увидя в окно проходившего мимо старца, спросил: «кто это?» Затем, бросился навстречу старцу с криком: «Это царь наш, батюшка Александр Павлович». И отдал ему честь по-военному. Старец его остановил: «Мне не следует воздавать воинские почести: я бродяга. Тебя за это возьмут в острог, а меня здесь не будет. Никогда не говори, что я царь». В другой раз занятые работой недалеко от кельи Федора Козьмича крестьяне запели известную песню про Александра I:

Ездил русский белый царь,
Православный государь,
Из своей земли далекой
Злобу поражать.

Старец, сидевший на завалинке своей кельи, взволновался до слез и ушел в свою келью, а после просил не петь больше песен об Александре I. Согласно третьей версии Федора Козьмича «узнал» один из бывших царских истопников, которые жили в качестве ссыльных там же, где старец. Когда один из них заболел, другой пошел к

старцу с просьбой помолиться за больного, причем опустился перед старцем на колени. Старец приблизился и, поднимая его, сказал: «Успокойся». При звуках «знакомого» голоса, проситель поднял голову и, взглянув на старца, потерял от волнения сознание: в старце он якобы узнал самого Александра I. Утверждают, что в часовне, в д. Зерцалы (Ачинского округа) до сих пор хранится оставленный старцем раскрашенный вензель — буква «А, с изображением короны и летящего голубя». Однако, на фотографии этого вензеля, в украшении над литерой А, сходства с короной совершенно не заметно. По преданию, Козьмич завещал хранить этот вензель «пуще своего глаза», а по другой, еще менее вероятной версии, сказал: «Под этой литерой хранится тайна — вся моя жизнь. Узнаете, кто был» [31].

За время своего пребывания в Сибири Федор Козьмич ни разу не открыл тайны своего происхождения, всячески избегая разговоров на эту тему. Изредка высказывал он неопределенные замечания, наводившие на мысль, что он человек не простого происхождения. А. С. Оконишникова, дочь Хромова, любимица старца, рассказывает: «Однажды летом (мы жили в Томске, а старец — у нас на заимке, в четырех верстах от города), мы с матерью приехали на заимку к Федору Козьмичу. Был солнечный день. Подъехав к заимке, мы увидели Федора Козьмича гуляющим по полю по-военному, руки назад, и марширующим. Когда мы с ним поздоровались, то он нам сказал: «Панушки, был такой же прекрасный солнечный день, когда я отстал от общества. Где был и кто был, а очутился у вас на полянке». Старец как-то заметил о себе, что носил он «шпорные» сапоги; с этим намеком на его прежнюю военную службу вполне согласуется известие о том, что не раз наблюдали, как старец один в лесу «командовал». Вопреки известию о том, будто старец намеками давал понять, что он Константин

Павлович, более надежный биограф старца (Мельницкий) решительно утверждает, что Федор Козьмич не обнаруживал никаких признаков самозванства и ни Константином ни Александром себя не называл.

Загадочная личность старца, однако, не раз побуждала его почитателей к нескромному любопытству. Старец обыкновенно на все подобные вопросы отвечал уклончиво. На просьбу назвать имена его родителей, чтобы помолиться за них, он ответил: «Это тебе знать не нужно: святая церковь за них молится. Если открыть мне свое имя, то меня скоро не будет. Тогда небесная восплачет, а земная возрадуется и возгремит... И если бы я при прежних условиях жизни находился, то долголетней жизни не достиг бы». В другой раз дал несколько загадочный ответ: «Я родился в древах, если бы эти древа на меня посмотрели, то без ветра бы вершинами покачали». Хромов, который спрашивал серьезно заболевшего старца, не откроет ли, кто он, получил такой же отрицательный ответ: «Нет, это не может быть открыто. Об этом его спрашивал преосвященный Иннокентий и Афанасий, и им тоже не открыто».

Совершенно невероятен и даже смешон рассказ о том, что одной томской мещанке старец назвал себя «залетным воробышком, царским властелином». Так же мало правдоподобен рассказ, якобы со слов самого Хромова, о том, что последний накануне смерти Федора Козьмича прямо спросил старца: «Молва носится, что ты, дедушка, не кто иной, как Александр Благословенный. Правда ли это?», И старец ответил: «Чудны дела твои, господи, нет тайны, которая бы не открылась». А в день смерти сделал, будто бы, полупризнание: «Панок, хотя ты знаешь, кто я, но ты меня не величь, схорони просто». По другому варианту, Хромов спросил старца: «Вы, батюшка, — государь Александр, скажите, как это свершилось». И Козьмич резко

остановил назойливость Хромова: «Оставь. Я знаю: Александр — вещь высокая».

Старец внушил к себе такой почтительный страх, что Хромов едва ли осмелился бы поставить вопрос так открыто. Кроме того, невероятно, чтобы о такой исключительной беседе он забыл упомянуть в своих «Записках». Мало того, этот рассказ противоречит «Запискам» Хромова, который передает дело иначе: и перед смертью Федор Козьмич не открыл своей тайны. Заметив, что старец болен, и жизнь его угасает, Хромов просил благословения у старца; при этом на просьбу жены Хромова: «Объяви хоть имя своего ангела», старец дал неизменно уклончивый ответ: «Это бог знает». А еще раньше он просил Хромова: «Панок, ты меня не величь», т. е. не хорони пышно. В этой передаче многознаменательная фраза: «хотя ты знаешь, кто я» отсутствует, что, конечно, более правдоподобно. Раз только Федор Козьмич сказал о себе определенно: «Я не монах», но это, разумеется, не указание на то, кем он был.

В январе 1864 г. Федор Козьмич очень сильно заболел и стал заметно слабеть. За день до кончины он сам почувствовал ее, заметив Хромову: «Видно близок конец». 20 января в продолжение всего дня Хромов и другие посещали старца. Видно было, что он боролся со смертью. Когда все посторонние вышли, старец, указывая на висевший на стене маленький мешечек, сказал Хромову: «В нем моя тайна». 20 января 1864 г. старец скончался, унося тайну своего происхождения в могилу, и «никому на спрос не сказал, кто он был» [32].

После смерти старца в его келье осталось несколько вещей: пострадавшая от времени икона «Почаевской Божией Матери в чудесах» с инициалом «А», еле заметным, но которому придавалось особое значение, суконный черный кафтан, деревянный посох, чулки из овечьей шерсти, кожаные туфли, две пары рукавиц из черной замши и чер-

ный шерстяной пояс с железной пряжкой. Все остальное в келье — новейшего происхождения, в том числе много икон, пожертвованных почитателями и два портрета Александра I; один изображает его в коронационном облачении, другой — копия с известной работы Доу. Лет 10 слишком тому назад некоторые из вещей Федора Козьмича были похищены. В виду незначительной ценности вещей самих по себе, почитатели Козьмича убеждены, что похищением руководила влиятельная рука, и что похищенные предметы якобы проданы по весьма высокой цене за границу. В настоящее время из вещей старца сохранились деревянный посох и складной аналой. Для исследователя некоторую ценность могут представлять только рукописные остатки старца, но о них будет речь ниже.

Среди рассказов о старце особое место занимает его тесная дружба с молодой девушкой Александрой Никифоровной, которая сделалась его первою любимицею. Целые дни проводила она у него, исполняя его поручения, сопровождала его во время прогулок, чинила его платье, а впоследствии, когда старец несколько лет жил в Зерцалах, навещала его и там почти ежедневно, ночуя около его кельи, и вообще всевозможными способами оказывала ему свое расположение. Рассказы о жизни в России, о святых местах, монастырях, великих подвижниках и богатствах лавр сильно заинтересовали молодую девушку. Федор Козьмич, по ее словам, знал решительно все монастыри и лавры и рассказывал о них с такими подробностями и так увлекательно, что воодушевляемая рассказами старца, девушка однажды категорически заявила о своем непременном желании отправиться в Россию на богомолье. Ей в это время было более 20 лет от роду. Федор Козьмич составил ей подробный план путешествия, отметил монастыри, в которых она должна побывать, указал на лиц, гостеприимно принимающих странников, надавал всевозможных советов

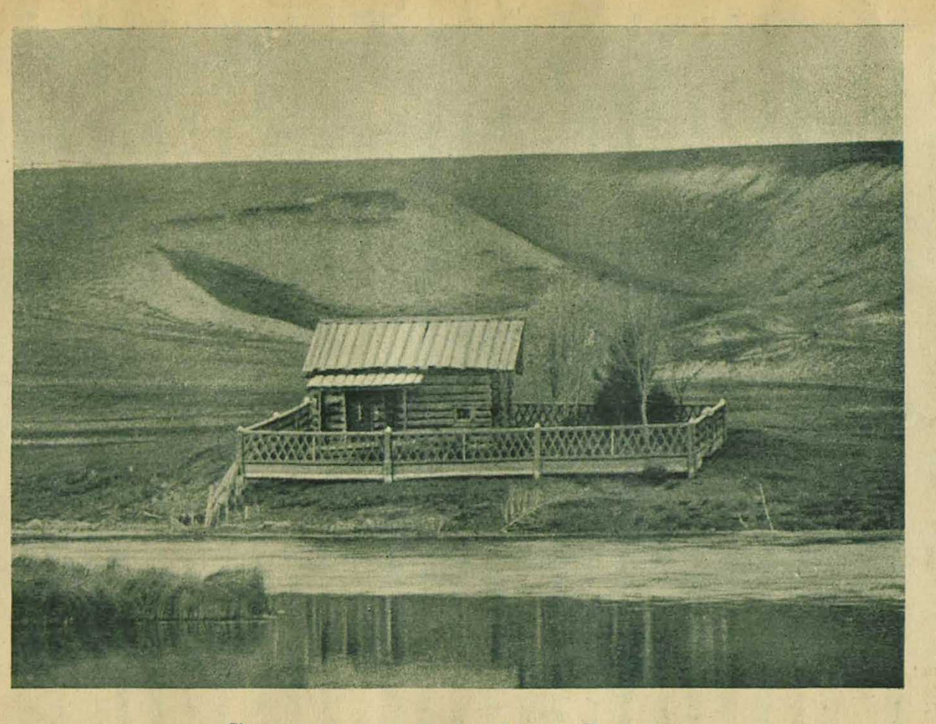
и в 1849 году благословил свою любимицу на дальнее богомолье. Собираясь в дорогу, она интересовалась, «как бы ей увидеть в России царя». — «А разве тебе хочется видеть царя?» — «Как же, батюшка, не хочется, все говорят: царь, царь, а какой он из себя и не знаешь». — «Погоди», заметил ей на это старец, «может быть, и не одного царя на своем веку увидать придется. Бог даст, и разговаривать еще с ним будешь, и увидишь тогда, какие цари бывают».

Александра Никифоровна благополучно добралась до Почаевского монастыря, где, по указанию Федора Козьмича, разыскала одну «добрую и гостеприимную графиню», которая заинтересовалась прибывшей из дальней Сибири молодой странницей. Графиня эта была жена графа Дмитрия Ерофеевича Остен-Сакена. С нею через несколько дней Александра Никифоровна отправилась в Кременчуг, где Остен-Сакен жил в это время со всем семейством и лечился от полученной им в Венгрии раны. Граф и его семейство с большим радушием приняли молодую странницу и с любопытством расспрашивали ее о сибирской жизни. Гостеприимные хозяева уговаривали ее погостить у них несколько месяцев. Как раз осенью 1849 года в Кременчуг прибыл император Николай Павлович и остановился в доме графа Остен-Сакена, где, конечно, увидел и сибирячку; он подробно расспрашивал ее о сибирской жизни: «Сколько у них поп за свадьбы берет, и как себя девушки ведут, и чем народ занимается, и что ест.» — «Многое кое о чем расспрашивал царь», передает Александра Никифоровна, «и все я ему спроста-то порассказывала, а они (государь и граф) слушают да смеются. Вот, говорит государь Остен-Сакену, какая у тебя смелая гостья-то приехала. — А чего же мне, говорю, бояться-то, со мной бог, да святыми молитвами великий старец Федор Козьмич. А вы все такие добрые, ишь как меня угощаете. Граф только улыбнулся, а Николай Павлович как-бы насупился». Уезжая, Николай приказал

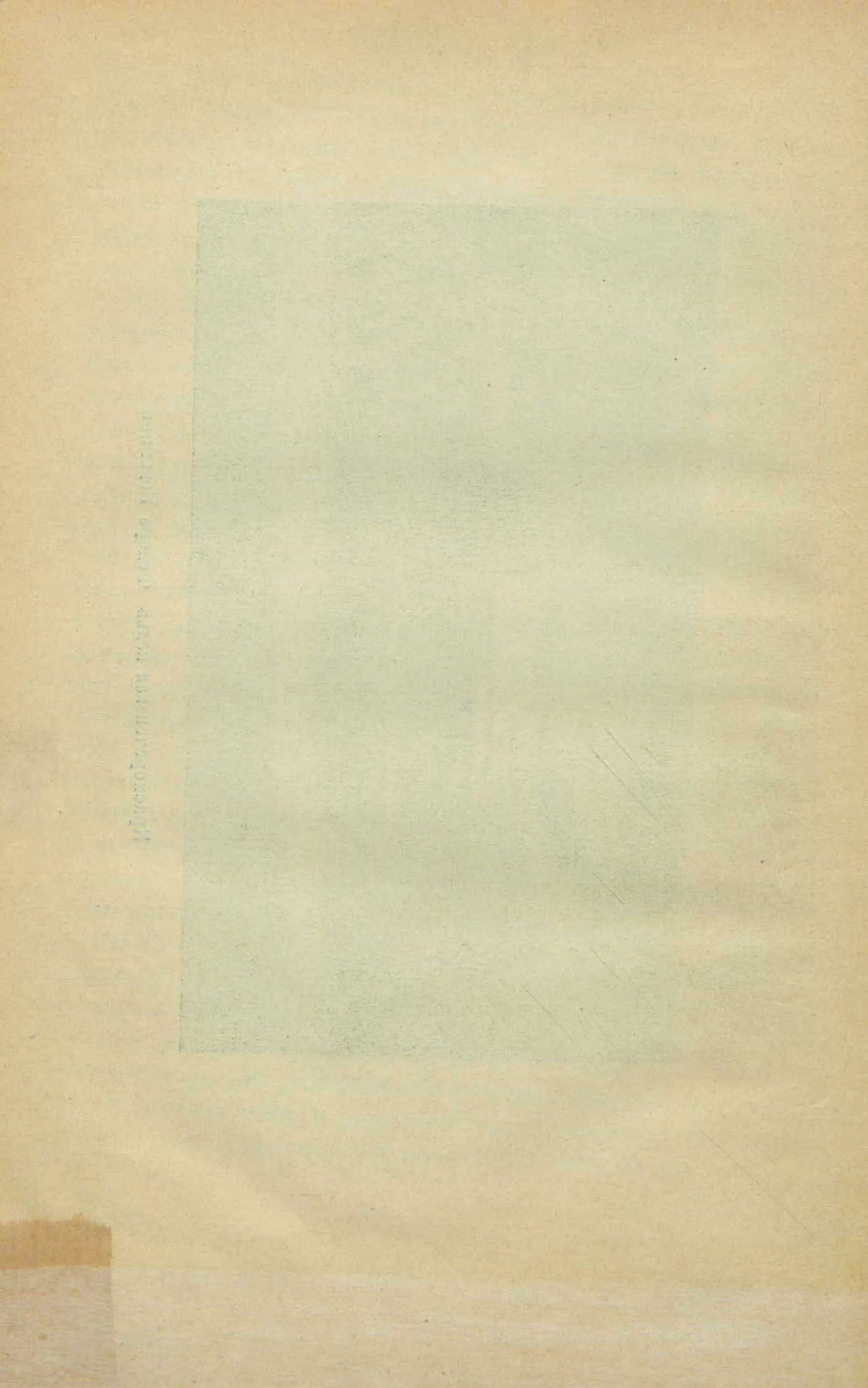
Остен-Сакену дать Александре Никифоровне «записку-пропуск», сказав ей: «Если ты будешь в Петербурге, заходи во дворец, покажи ту записку и нигде не задержат, — ты рассказала бы мне о своих странствованиях», и добавил: «если тебе в чем будет нужда, обратись ко мне, я тебя не забуду». Записку она от Сакена получила, хотя ею и не воспользовалась.

В 1852 г. Александра Никифоровна возвратилась на родину, где ожидал ее с нетерпением старец. «Долго обнимал меня Федор Козьмич», рассказывает она, «прежде чем приступил ко мне с расспросами о моих странствованиях, и все то я рассказала ему, где была, что видела и с кем разговаривала; слушал он меня со вниманием, обо всем расспрашивал подробно, а потом и сильно задумался. Смотрела, смотрела я на него, да и говорю ему спроста: «Батюшка, Федор Козьмич, как вы на императора Александра Павловича похожи». Как я только это сказала, он весь в лице изменился, поднялся с места, брови нахмурились, да строго так на меня: «А ты почем знаешь? Кто это тебя научил так сказать мне?» Я и испугалась. — Никто, говорю, батюшка, — это я так спроста сказала; я видела во весь рост портрет императора Александра Павловича у графа Остен-Сакена, мне и пришло на мысль, что вы на него похожи, и так же руку держите, как он». Ничего не сказал ей на это старец, повернулся только и вышел в другую комнатку и, как она увидела, обтер рукавом своей рубашки полившиеся из глаз его слезы.

Около 5 лет прожила она возле старца, продолжая попрежнему окружать его нежною и бескорыстною заботливостью. В свою очередь, и старец относился к ней, как к родной дочери, и руководил всеми ее поступками. С замужеством старец ее уговаривал не спешить: «За твою доброту бог не оставит тебя, и царь позаботится наградить тебя за твое обо мне попечение». В конце 1857 года Федор Козь-

Краснореченская келья Федора Козьмича

мич посоветовал ей снова отправиться на богомолье в Россию, в особенности настаивая на том, чтобы она побывала в Киево-Печерской лавре. «Есть там», говорил он ей, «так называемые пещеры, и живет в этих пещерах великий подвижник старец Парфений (умер 1864 года) и еще один старец Афанасий. Живут они: один — в дальних, а другой — в ближних пещерах, отыщи их непременно, попроси их помолиться за тебя, расскажи им о житье своем. В особенности не забудь побывать у Парфения. Если он спросит тебя, зачем ты пришла к нему, — скажи, что просить его благословения, ходила по святым местам и пришла из Красной речки; чтобы ни спрашивал он тебя, говори ему чистую правду, потому что великий это подвижник и угодник божий. — А что, Сашенька, ты меня не боишься?» «Что же мне вас бояться-то, Федор Козьмич, ведь вы ласковы ко мне всегда были, да и других то никого не обижаете».— «Это только теперь я с тобою такой ласковый, а когда я был великим разбойником, то ты, наверное, испугалась бы меня». При этом старец долго рассказывал о Петербурге, царе и войнах, которые так губят безвинный народ.

Новое путешествие Александры Никифоровны протекало также благополучно. Из Петербурга при содействии генерала (фамилию его она забыла) ей удалось проехаться на Валаам на одном пароходе с императрицею Мариею Александровною, (женой Александра II) которая, узнав от своих фрейлин о том, что на пароходе находится молодая сибирячка, пригласила ее к себе и долго расспрашивала о Сибири. Наконец, после долгих странствований добралась она и до Киева. Здесь в скиту она отыскала старца Парфения. Схимник встретил ее очень сурово, но узнав откуда она, обласкал и благословил ее. «Зачем тебе мое благословение», заметил он ей, — «когда у вас на Красной речке есть великий подвижник и угодник божий. Он будет столпом от земли до неба». Парфений долго расспрашивал об ее странствованиях, намерениях

и жизни в Сибири. Узнав, что она желает поскорее вернуться на родину, он ее убедил не спешить.

Вскоре, по совету принявшего в ней участие архиепископа тифлисского Исидора, Александра Никифоровна вышла замуж за майора Федора Ивановича Федорова. В Киеве она провела с мужем пять лет, овдовела и воротилась на родину, где уже не застала в живых Федора Козьмича [33].

Привожу этот эпизод об Александре Никифоровне только потому, что ее судьбу многие защитники легенды считают, неизвестно почему, «сказочной», и следовательно лишним доказательством тайного могущества сибирского старца.

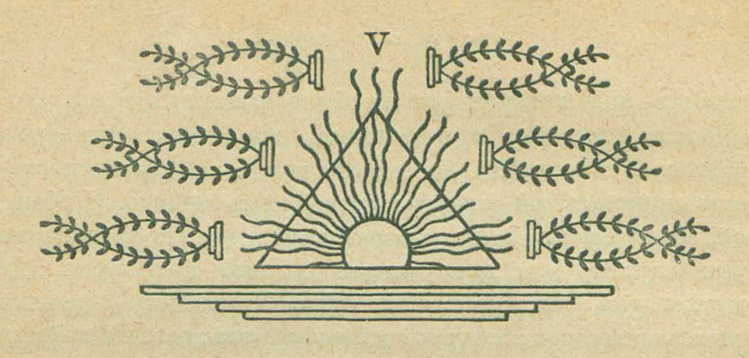
Хотя Федор Козьмич и считался человеком религиозным, но общая молва твердила, что он не причащался, отчего старец слыл «раскольником». Когда в 1859 г. на заимке старец серьезно заболел, Хромов сообщил об этом епископу Парфению, и тот «велел предложить старцу исповедаться и приобщиться, — и будет ему легче». «Не угодно ли преосвященному», ответил старец, «лично поговорить здесь со мной». Парфений согласился и приехал на заимку. Хромов с послушником остался в кухне, а епископ вошел в келью и говорил со старцем «около трех часов». О чем они беседовали, Хромову осталось неизвестным, но только на другой день Парфений сказал Хромову, что «жалеет: едва ли старец не в прелести, нужно молиться за него богу», и передал Хромову слова старца, что ему «открыт день смерти, и что удостоился видеть святую троицу, и потому в прелести и приобщиться не желает». На другой день Хромов, будучи у старца, передал слова Парфения: «Преосвященный говорит будто вы в прелести находитесь и не желаете приобщиться». «Еще преосвященный мало знает», с раздражением ответил старец: «хотя и учен, но не понимает. Я благодарю царя небесного и по великой его милости вкушаю пищу», а позже прямо сказал Хромову: «Если сомневаешься, то выбрось меня больного на улицу». Есть

и другие свидетельства, подтверждающие, что Федор Козьмич не причащался.

Впоследствии оказалось будто бы, что у Федора Козьмича были постоянные духовники: сначала протоиерей Красноярской кладбищенской церкви Петр Попов (потом епископ Енисейский Павел, умерший в 1880 г.) затем в Томске — священник Николай Созунов. Однако нет уверенности, что указания на духовников не были вымышлены уже после смерти старца его почитателями. По словам юродивой Домны, в народе про старца шла молва, «что он раскольник и другой веры». Сектанты не без причины считают Федора Козьмича «своим», и даже посвятили ему несколько духовных стихов. На все недоумения, почему он не причащается, Федор Козьмич туманно отвечал, что «он удостоен трапезы божией каждодневно». По словам Хромова, старец имел видения: ему неоднократно являлась матерь божия, спаситель, пресвятая троица, св. Иннокентий, с которыми он вступал в беседу; однажды видел, как «тихим и тонким огнем горел лес, и не сгорал», видел вылетающих из огня голубей. Все это являлось ему не во сне: спасителя он видел «зрительно», высокого роста, «тончавым», лицо неизреченной красоты, и слышал «изречения дивные и чудные». Иногда же старца смущал сам сатана в виде страшного змия, или являлся «нечистый дух». Федор Козьмич так описывает явление демона:

«Да, панок, в этой келии уже два раза являлся нечистый дух. В первый раз я лежал на кровати. Смотрю в передний угол: на столе, облокотясь, лежит старик. Я спросил: «Что за человек?» Оградил его крестом — отдалился с места. Я — в другой раз, и он сейчас исчез. В другой раз лежу на печи; смотрю: идет человек средних лет, остановился по правой руке у скамейки. Я оградил крестом. Он вдруг исчез. А кажется бы: как попасть? Дверь и окно ограждены были. Да и тут прошел» [34].

Отказ старца от причастия, мнение близко знавших его, что он находится «в прелести», или состоит в расколе, склонность его к уединенной созерцательной жизни, наконец, его «видения», — все заставляет предполагать, что Федор Козьмич, хотя был религиозен, но, повидимому, уклонялся от православия в сторону мистицизма.

В защиту и против легенды.

Перейдем теперь к рассмотрению доводов в защиту отождествления Александра I с Федором Козьмичем.

В борьбе противоположных мнений по вопросу о том, скрылся Александр из Таганрога или действительно умер, была сделана попытка решить спор одним ударом, путем указания на невозможность всякого сомнения в искренности некоторых письменных свидетельств тех лиц, которые не могли не быть посвящены в тайну отречения, если только она имела место.

Приводилось при этом не мало писем Елизаветы Алексеевны, письмо камер-фурьера Даниила Бабкина, которые, казалось, подкупали своей искренностью. Таково, например, мало известное письмо Елизаветы Алексеевны от 21 ноября (в переводе):

«Что мне сказать вам, дорогая матушка! Только одно: что я самая несчастная из людей. Я молю бога о помощи. Я молю эту ангельскую душу, которая теперь около него, попросить ее для меня. Но увы у меня нет пока ни сил, ни мужества. Будь он здесь, он сумел бы помочь мне. Я лишилась всякой опоры, потеряла смысл моей жизни: с ним для меня все кончилось. Не думая, что он в опасности, но с тем чистым счастием, которое он всегда испытывал, совершая этот акт, он приступил (к принятию св. тайн) с (полным) сознанием и с ним же исповедывался. Но сквозь

угасание, при котором уже не было и помину о его способностях, все-таки просвечивала его душа. Эта душа проявляла себя почти до самого конца. Потеряв способность понимать, он сохранял способность любить. О, боже мой, боже мой. Эти раздирающие душу воспоминания будут служить для меня пищей на всю мою жизнь. Да поможет вам бог, дорогая матушка. У вас есть еще, что привязывает вас к жизни и составляет ваш долг. Да найдете вы в этом для себя силу и мужество».

Но эта попытка, перенося решение вопроса на психологическую почву, делала его решение субъективным, т. е. ставила его в зависимость от душевных свойств исследователя. Как легко было и предвидеть, нашлись скептики [35], которым тон писем вовсе не показался искренним, а потому их и не убедил. Ясно, что этим путем следовать нельзя, и чтобы убедить в правильности иного вывода, необходимо разобрать аргументы противной стороны.

Доводы в пользу того мнения, что Александр I действительно намеревался отказаться от престола и удалиться от мира, покоятся на перечислении случаев, когда император со дней своей юности высказывал такое намерение. Вспомним, что в течение тридцати лет Александр не раз заявлял подобное желание, не приводя, однако, его в исполнение,— и в царствование Екатерины, прочившей ему престол, мимо отца, и в правление Павла, и, наконец, на закате своего царствования, когда более чем когда либо, проявлял он через Аракчеева и иных свою деспотическую волю. Теперь выяснено, что в характере Александра, испытывающем, подозрительном, было стремление к позе, к красивой фразе. По мнению одного исследователя, целью всех этих заявлений о предстоящем отречении было показать, как мало дорожит он своим положением, и в то же время испытывать близких к себе людей, читать их сокровенные мысли, но «все это были одни слова, слова и слова» [36].

Защищая мнение, согласно которому Александр действительно осуществил в Таганроге свое отречение от власти, забывают или не хотят заметить, что если Александр I и высказывал желание отказаться от власти, то вовсе не собирался кончить остаток своей жизни где то в сибирской тайге, суровым отшельником-аскетом. Напротив, вслед за отречением от власти ему рисуется «уединенная жизнь на берегах Рейна» или «жизнь в Крыму частным человеком». Волконскому он прямо говорил: «и ты выйдешь в отставку и будешь у меня библиотекарем». Отшельникам библиотекари не нужны,—значит, Александр имел в виду не аскетический идеал Федора Козьмича, а довольно уютную, комфортабельную жизнь. Сквозь туман очарования «сущего прельстителя» трудно разглядеть истинные черты его обманчивого нравственного облика, но все же возможно указать определяющие пути, по которым он шел в решениях, подобных вопросу об отречении от престола, оставаясь им верен до конца своей жизни. Тяжелая школа жизни, которую он прошел при своем отце (да и при Екатерине), обогатила его печальным опытом: как легко при всех дворцовых переворотах делается наследник престола естественным центром для всех недовольных режимом. Этим сознанием следует объяснить отмену Александром I закона Павла о престолонаследии, с тем, что «наследник им назначен будет». Наивное возражение, что отмена эта вызвана надеждой Александра иметь детей, разбивается об упомянутый Павловский закон, по которому сыновья Александра I и без того имели бы естественное старшинство перед Константином Павловичем. «Негласно Константин, правда, считался за наследника, но таковым он так и не был объявлен», пока сам, наконец, отказался от всяких прав на престол, после чего, только в 1823 г., Александр I написал манифест о престолонаследии, приказав положить его в запечатанных пакетах в Московском Успенском соборе,

в государственном совете, синоде и сенате. Вызывает удивление, что он обставил это глубокой тайной, но в сущности и здесь решимость императора при жизни не назначать себе наследника гласно—осталась неизменной. Даже сами сторонники легенды признают, что опубликование манифеста о престолонаследии «представлялось Александру чем то в роде пролога к своему собственному всенародному отречению». В таком случае, если император действительно в Таганроге «удалился от мира», почему он не принял мер к опубликованию манифеста, оставив вместо своего преемника четыре запечатанных пакета? Если бы даже допустить, что сам Александр хотел «предоставить все воле божией», то, при наличности критических обстоятельств для государства, те самые приближенные, которые якобы помогали императору скрыться из Таганрога, должны были серьезно подумать о том, кто примет за ним власть. Между тем сама императрица, барон Дибич, даже князь Волконский, после смерти Александра I обращаются к «императору Константину». Как допустить, чтобы они настолько были обмануты тем самым государем, которому они же бескорыстно помогали тайно сойти с престола? Непонятной явилась бы самая цель подобного обмана. Не логичнее ли думать, что именно внезапно подкравшаяся смерть замкнула его уста и помешала ему выразить свою последнюю волю. Он не успел сделать никаких распоряжений потому, что (согласно письму Елизаветы) у него наступило «угасание, при котором уже не было и помину о его способностях».

Указывают на противоречия в «мемуарах» о последних днях Александра I. Но какие же противоречия приводятся в качестве примера? Виллие пишет: «ночь прошла дурно», по дневнику же императрицы за тот же день, государь «прислал сказать, что провел ночь хорошо». Виллие, как врач, разумеется, отдает себе отчет о состоянии своего

больного вернее, чем императрица, которой, оберегая ее покой, государь мог передать успокоительное известие о течении своей болезни. Далее, по одним известиям, Александр пил за обедом «хлебную отварную воду», а по другим «яблочную воду с соком черной смородины». Здесь самый предмет рассказа настолько незначителен и не интересен для авторов «Записок», что, вероятно, ни один из них и не потрудился даже точно удостовериться, какую же в самом деле воду пил император, хлебную или яблочную, ибо они были поглощены более серьезными заботами и тревогой. Никакого нет также противоречия между словами Виллие (за 11 ноября) императрице: государь «не в таком состоянии, как накануне», и его же записью: «болезнь продолжается». Болезнь могла продолжаться, хотя состояние больного несколько и изменилось». Согласно Тарасову, 14 ноября обморок с государем случился «утром в 7 часу», а по словам Волконского «в 8 часов вечера». В данном случае более доверия заслуживает Волконский, ибо Тарасов, писавший свои «Воспоминания» много лет спустя, запамятовал многие события, что в свое время и было уже указано критикой.

Можно бы и еще привести несколько примеров подобных «противоречий» (вроде того, например, что момент смерти Александра I указан неодинаково: 10 ч. 50 м., 10 ч. 47 м. и 10 ч. 45 м.), но все они столь же ничтожны, расходятся лишь в самых незначительных подробностях, нисколько не отрицая самого факта, о котором повествуют. В существовании подобных «разногласий» не только нельзя видеть основания для опорочения этих источников, но напротив — наличность полного соответствия в мельчайших деталях об одном и том же факте между несколькими показаниями была бы очень подозрительна, заставляя предполагать искусственную их обработку. Совпадение между мемуаристами явление редкое. Как известно, эксперименталь-

ным путем установлено, что показания свидетелей-очевидцев об одном и том же факте, происходившем перед ними, могут расходиться в мелочах, иногда даже довольно заметно. Вытекает ли из этого, что не было и самого факта, о котором даются показания? Подобного рода противоречия, при всей искренности авторов, вполне законны и неизбежны, притом же они сами по себе совершенно не существенны для определения самого факта смерти Александра I — для какового признания разногласие в минутах при определении ее момента, в часе или даже дне приема тех или других лекарств, в точном обозначении физического или душевного самочувствия больного, в количестве лиц, присутствовавших при его кончине, и пр. — вовсе не имеет значения. Разногласие это зависит от состояния памяти свидетелей, яркости воспоминания, субъективности их впечатлений, степени их внимания, от неодинаковой оценки, придаваемой ими тем или другим фактам [37].

Некоторые намеки в мемуарах наводят защитников легенды на мысль, что записи и «дневники» о болезни и смерти Александра I составлены задним числом и, следовательно, недостоверны. Так, Виллие в своей записной книжке в день прибытия в Таганрог заносит: «Мы приехали в Таганрог, где кончилась первая часть вояжа», и затем под чертой ставит слово «finis». Выражение «первая часть» подразумевает, что имелась в виду и вторая, а может быть и третья часть путешествия, но, по утверждению Барятинского, никакой новой поездки «в день приезда еще не предполагалось», и слово «finis» становится как бы «пророческим», что может быть объяснимо его позднейшей припиской.

Однако утверждение, что в день приезда в Таганрог не предполагалось никакой новой поездки — неверно. Тарасов прямо указывает, что «кроме путешествия в Крым, предположены были путешествия в Грузию, Астрахань и в Си-

бирь, даже до Иркутска», причем разработкой этих маршрутов уже занимались трое опытных офицеров генерального штаба, вызванных с этой целью Дибичем в Таганрог; и слово «finis», таким образом, потеряв свое пророческое значение, не может уже считаться позднейшей припиской.

Смущает Барятинского фраза в дневнике Виллие за 12 ноября: «Как я припоминаю, сегодня ночью я выписал лекарства» и т. д... «Как я припоминаю», следовательно, заключает Барятинский, запись сделана задним числом. Между тем, выражение это проще всего объясняется тем, что Виллие, писавший дневник вечером, действительно среди волнений за больного мог и не помнить точно, выписал он лекарство или нет. Подобная оговорка в житейском обиходе явление обычное.

Изучая «Журнал» Волконского и «Дневник» Елизаветы Алексеевны, защитники легенды приходят к выводу, что оба источника составлены тоже задним числом, после описываемых событий. У Волконского против записи от 9 ноября об извещении, посланном Константину Павловичу о болезни Александра I, рукою самого же Волконского вписано: «сие распоряжение г. Дибичу дано было 11 ноября, а не 9-го». Как мог ошибиться Волконский в этой дате, если бы вел дневник аккуратно за каждый день? Стремятся объяснить ошибку тем, что «Журнал» Волконского после смерти Александра I был спешно выслан им императрице Марии Федоровне по ее требованию. «Застигнутый врасплох» запросом императрицы, Волконский, по словам Барятинского, «наскоро набрасывает краткий дневник», задним уже числом, и затем отсылает в Петербург, «не успев согласовать» ни с показаниями других лиц, ни даже со своим собственным письмом, приложенным к «Журналу». Барятинскому кажется «странным» также, почему «официальные подробности о болезни и смерти» Александра I Мария Федоровна затребовала не от барона Дибича, не от лейб-медика Виллие,

а от Волконского, «личного друга» императора. Барятинский отказывается объяснить это требование желанием Марии Федоровны узнать немедленно подробности о болезни сына, ибо «она получала бюллетени о состоянии его здоровья» и т. д.

Неужели, спрошу я в свою очередь, Барятинский серьезно думает, что официальных бюллетеней о болезни и смерти сына достаточно для сердца матери? Вот отсутствие в родной матери интереса к таковым подробностям действительно показалось бы странным. Что касается запроса императрицы к Дибичу, то он был сделан. Мало того, сличив даты писем Дибича и Волконского, нетрудно сообразить, что запрос был сделан не только им обоим, но что и свой ответ императрице они послали одновременно, а именно 7 декабря 1825 г. Каким образом Барятинскому остались неизвестны письма Дибича, напечатанные еще за пять лет до его книги в весьма общедоступном журнале — непонятно. Не сомневаюсь, что одинаковый запрос был обращен и к Виллие, хотя поисков этого рода я и не производил.

Императрица Елизавета Алексеевна, как известно, историю последних дней Александра I описала в своем дневнике. Он обрывается на 11 ноября. Ссылаясь на фразу в этих «Записках»: «он (государь) посмотрел вокруг себя с таким выражением лица, которое я приняла за веселое и которое я видела позже в ужасные минуты», приходят к выводу, что дневник составлен «задним числом», причем перерыв на 11 ноября считают знаменательным потому де, что в дальнейшей своей части он якобы должен заключать указания на решимость Александра I удалиться от мира, и что, следовательно, эта часть «несомненно» уничтожена была императором Николаем, «любившим» уничтожать многое, касающееся брата, и притом, «насколько известно» Барятинскому, именно материалы, носившие ха-

рактер не официальный, а интимный, семейный. Отсюда делается вывод, что 11 ноября беседа между Александром I и Елизаветой касалась, вероятно, вопроса о желании императора уйти от власти, под видом «мнимой» смерти, скрывшись из Таганрога, с чем ставился в связь отрывок из письма Елизаветы Алексеевны: «Где убежище в этой жизни? Когда вы думаете, что все устроилось к лучшему и можешь вкусить это лучшее, является неожиданное испытание, которое отнимает от вас возможность наслаждаться окружающим благом».

Таким путем от одного мало вероятного предположения Барятинский приходит к еще более невероятному.

Между тем из приводимой фразы: «он посмотрел с тем выражением... которое я позже видела в ужасные минуты» именно и следует, что дальше речь должна идти о последних минутах. Что императрица не успела закончить свой дневник — гораздо проще объясняется указанием в письме Дибича от 18 ноября, писавшего Вилламову, что «положение здоровья его величества не соответствовало нашей надежде в ожидаемом сего числа облегчении», и что императрица Елизавета Алексеевна не может писать сама «по беспрерывному присутствию при государе императоре, ибо состояние августейшего больного сего требует». Если Елизавете Алексеевне не оставалось свободной минуты написать письмо императрице-матери, то очевидно, что ей было уже не до ведения дневника. Что касается до уничтожения документов Николаем I, то уничтожал он лишь то, что могло очернить в чем-либо ореол правления его брата, а вовсе не документы, касавшиеся только его кончины. Что это так, доказывается найденными в переписке Александра I с Лагарпом пометками Николая I: «Brulé comme inutile à la postérité». Когда пропуски удалось восстановить, оказалось, что они относятся или к весьма либеральным выражениям, или к очень откровенно напи-

санной критике действий Павла I [38]. Из отсутствия окончания «Дневника» Елизаветы Алексеевны, разумеется, нельзя заключить о «несомненном» его уничтожении. Чтобы настаивать на таком выводе, необходимо предварительно доказать, что это окончание существовало, чего еще не сделано. Наконец, если записи и сделаны с некоторым запозданием в «Дневнике» императрицы или даже в «Журнале» Волконского, то из этого вовсе не вытекает их недостоверность, как источника.

Наблюдательный Виллие подметил, что «начиная с 8 ноября, что-то такое занимает государя более, чем его выздоровление, и смущает его душу. Post hoc ergo propter hoc». Спустя несколько дней (14 ноября), на предложение принять лекарство больной император ответил Виллие резким отказом: «Уходите». Видя, что Виллие заплакал, Александр I сказал: «Подойдите, мой милый друг. Я надеюсь, что вы не сердитесь на меня за это. У меня свои причины». В свою очередь Шильдер пишет: «14 ноября, Александр находился в сильно возбужденном состоянии. По замечанию Виллие, ему тогда трудно было связать правильно какую либо мысль. «Друг мой, какое дело, какое ужасное дело», сказал государь, обратясь к Виллие. Такое душевное состояние продолжалось около минуты. При этом, пишет Виллие в истории болезни (?) императора, взгляд его был страшный, и мне показалось, что наступает бред» [22].

Упорный отказ Александра от лекарства защитники легенды объясняют сложившимся у императора решением уйти от власти, мысль о чем и вызвала то тревожное состояние его души, которое подметил Виллие. Такое же предположение вносит вырвавшееся признание Александра: «У меня свои причины».

Однако тревожное настроение Александра I вполне объясняется теми сведениями, которые он получил о заговоре тайных обществ именно 10 ноября, — дата, которой

Виллие и пометил свое наблюдение. Показания Тарасова, дополненные письмом Дибича, выясняют, что в ночь с 10 на 11 ноября прибыл с секретным донесением унтер-офицер Шервуд, которого государь принял секретно в кабинете, полчаса говорил с ним и затем приказал тотчас же выехать из Таганрога и притом так, чтобы никто не мог узнать о его приезде в Таганрог. Одновременно государь дал секретное повеление нескольким ответственным офицерам, в том числе коменданту города, приказав тотчас же немедленно выехать из Таганрога так, «чтобы никто не заметил их выезда». Дибича точно также, по его словам, «10 в вечеру призывал к себе» государь, «дал приказание о самых важных предметах, и 11 числа выслушал во всей подробности» сделанное Дибичем «исполнение». Причины для тревожного состояния души Александра I, таким образом, были. Но Виллие не мог о них знать, ибо прием Шервуда и в связи с этим распоряжения государя делались настолько секретно, что о некоторых из них, по словам Тарасова, «не знал даже и начальник штаба его величества барон Дибич».

Отказ от лекарств мог быть вызван просто тем, что Александр вообще избегал лечиться («Я умею сам себя лечить») и не любил лекарств, — черта, которая еще обострялась всем известной его подозрительностью. Достаточно вспомнить, какую тревогу поднял он незадолго до смерти из-за камушка, попавшего ему в пищу! Фраза: «Я имею свои причины» — указывает на нежелание государя о них рассказать. И в самом деле, странно было ожидать, чтобы император рассказал своему медику о тайных тревогах, которые скрыл даже от самой императрицы и начальника своего штаба. Донесения Шервуда, привезенные вечером 10 ноября, видимо, разбудили подозрительность императора, ибо на другой же день он давал Елизавете Алексеевне «попробовать питье, в котором ему казался какой то привкус»,

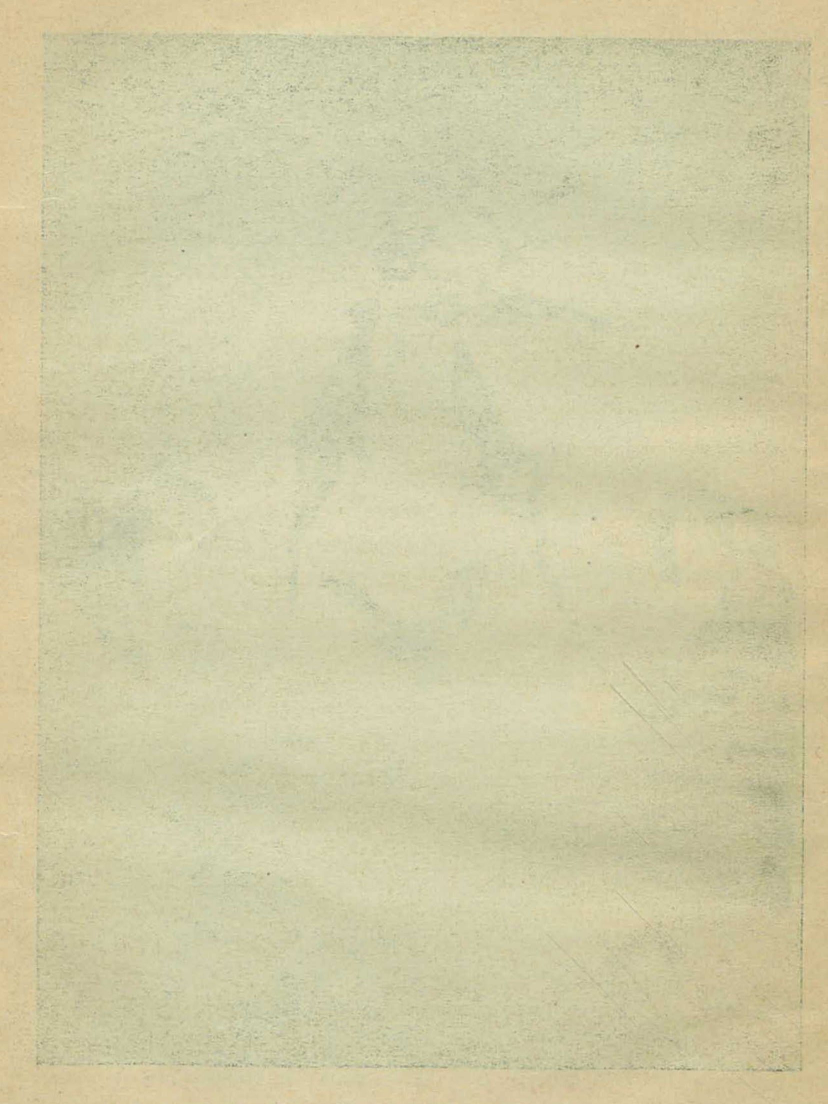
ссылался на камердинера, который нашел «то же самое», и, наконец, позвал Виллие, но последний утверждал, что «этого не может быть», и т. д. Ему постоянно мерещилось, что его отравят.

Привожу и другое объяснение, которое могут предложить. При свойственной Александру меланхолии, при пониженной болезнью психике, полученное известие о тайных заговорах на его жизнь могло возбудить в нем вообще отвращение к жизни. Тогда, решив умереть, он должен был (что и наблюдалось) упорно отказываться от всех лекарств до тех пор, пока не наступил кризис, и ему вынуждены были, наконец, прямо сказать в присутствии императрицы, что теперь спасения нет, и остается прибегнуть к причащению исполнить «последний христианский долг». Согласие Александра после причастия на принятие лекарств, в таком случае, не противоречило бы его решению: ведь, по уверениям врачей, лекарства уже не могли вернуть его к жизни, и он — позволил поставить себе пиявки. Есть одно любопытное известие, которое может служить этому подтверждением. В дипломатических воспоминаниях лорда Лофтуса приведен рассказ, слышанный им в Петербурге от Виллие. Когда императору Александру, с его согласия, поставили пиявки, он спросил императрицу и Виллие, довольны ли они теперь. Они только что успели высказать свое удовольствие, как вдруг государь сорвал с себя пиявки, которые единственно могли спасти его жизнь. Виллие сказал при этом Лофтусу, что, повидимому, Александр искал смерти и отказывался от всех средств, которые могли отвратить ее. Смерть императора Александра, по словам Лофтуса, «всегда останется необъяснимой тайной и дала повод к многим неправдоподобным рассказам о том, что его будто бы отравили, что он кончил самоубийством или же, наконец, что его будто бы умертвили». Но известие Лофтуса, за исключением

Вензель, оставленный Федором Козьмичем в часовне в дер. Зерцалах

Увеличенный снимок

одного свидетельства, очень ненадежного, никем из приближенных государя не подтверждается, и потому кажется сомнительным. Вот почему объяснение тревоги Александра известием о заговоре я считаю не только более простым, но и более правдоподобным [39].

Далее, имеются «загадочные» выражения в письме княгини Софии Волконской (из Таганрога от 31 декабря 1825 г.), которая сообщает Марии Федоровне о том, что «некоторые лица, находившиеся вблизи особы государя, подозревали и подтвердили одно обстоятельство», которое только муж ее, П. М. Волконский, «мог один заметить более положительно, чем другие». Выражается надежда, что сообщаемое «тягостное обстоятельство» императрица передаст «тому, кому важно знать это интимное наблюдение о нравственном душевном состоянии» покойного императора. Волконская заканчивает обещанием «сохранить до конца своих дней» это «воспоминание, которое потом умрет вместе с нею».

Но и в этом письме с его туманными выражениями ничто не вынуждает видеть какой-либо намек на удаление Александра I от власти в Таганроге. Письмо это было подробно изучено. Вполне удовлетворительно выяснено, что речь в нем идет о каких то «проявлениях внутренней борьбы», происходившей в душе императора, которые, хотя и выходили иногда наружу, становясь заметными окружающим, но только князь Волконский яснее других догадывался о причине беспокойства императора. «Тягостное обстоятельство», по мнению С. Волконской, императрица передаст «тому, кому важно это знать», т. е., очевидно, Николаю I. Соображая, что Александр I не высказывался о своей душевной тревоге, ибо о ней приходилось окружающим (даже и Волконскому) лишь «догадываться», и что сообщение о причине тревоги было «важно знать» Николаю I, следует придти к выводу, что письмо касается все того же доне-

сения (10-го ноября) о тайных обществах. Письмо помечено 31 декабря, следовательно, оно является откликом на события 14 декабря в Петербурге, о чем только недавно могли узнать в Таганроге. Не удивительно, что Волконский, находясь всех ближе к императору, «яснее других» догадывался о причинах тревоги Александра I, но не мог о них «знать», ибо государь секретные известия утаил от всех, и о них стало известно лишь позднее. В своих «Мемуарах» Шуазель-Гуфье кончину императора объясняет огорчением, вызванным известиями о тайном заговоре декабристов; она уверяет, будто бы известие об этом заговоре сильно подействовало на государя, и он нарочно удалился из столицы для того, чтобы обсудить это дело на свободе, вдали от двора и влияний высокопоставленных лиц; во время болезни у него будто бы вырвались слова, которые объяснили окружающим тревожившие его мысли: «Чудовища! неблагодарные! я хотел только счастия их». Она приписывает этому огорчению болезнь и самую смерть государя. Несомненно, действие этой причины преувеличено, но мы видели, что это объяснение не так далеко от истины [40].

Некоторым исследователям легенды об Александре I кажется подозрительным даже самый выбор врачами для больной императрицы г. Таганрога, который «и поныне» славится своим «нездоровым климатом». Допускают, что Таганрог был выбран самим Александром I, очевидно, с тайной мыслью найти удобное место для осуществления своего «замысла».

Хотя это обстоятельство мало чем служит «легенде», для полноты критики укажу все же, что именно доктора выбрали Таганрог, как это явствует из письма Волконского, недовольного этим городом: «Не понимаю, как доктора могли избрать такое место»... Что касается «нездорового климата», то напомним отзыв самого императора, вернувшегося из поездки в Крым: «Я более, чем когда либо считаю

благоразумным выбор Таганрога местопребыванием моей жены». Кроме того еще до 1870-х годов держалось мнение, что «Таганрог славится в народе здоровым воздухом, несмотря на некоторые резкие особенности климата... По уверению местных врачей, некоторые хронические болезни, не очень застарелые, излечиваются здесь сами собой без медицинской помощи» [41].

Подозрительное отношение сторонников легенды к источникам ярко обнаруживается на исследовании вопроса с подписью Тарасова на протоколе вскрытия. Тарасов писал свои «Воспоминания» много лет спустя после смерти Александра I, многое забыл и перепутал, допустив ряд неточностей [42]. Однако Барятинский, несмотря на свое же утверждение, что «неверная передача и даже искажение фактов подрывает доверие к «Запискам Тарасова», настолько им доверяется, что обвиняет лейб-медика Виллие в подлоге подписи Тарасова под протоколом вскрытия. Тарасов правда рассказывает, что он составлял редакцию протокола, но его «не подписывал», а от бальзамирования тела императора отказался «из сыновнего чувства и благоговения к императору».

Что Тарасов действительно забыл о своем участии во время вскрытия тела и бальзамирования легко устанавливается замечанием Шенига, очевидца бальзамирования, который, описывая тело государя, представлявшее, по его мнению, образец для ваятеля, прямо говорит: «одно только место, которое хватил Тарасов, было черного цвета». В виду того, что факту с подписью Тарасова даже Н. К. Шильдер придает важное значение, постараемся найти объяснение, почему забыл Тарасов, или вернее, что он забыл лишь наполовину. В своих «Записках» Тарасов сообщает, что после смерти Александра было составлено два официальных документа: 1) акт о кончине, составленный членами чрезвычайного комитета, и 2) про-

токол вскрытия. О первом Тарасов говорит: я «переписал его набело; и все члены (комитета), а равно и я, его подписали; о втором: «редакция этого акта составлена мною, но я его не подписывал». В действительности же, заглянув в самые документы, можно видеть, что случилось как раз наоборот: под актом о кончине подписи нет, а под протоколом вскрытия подпись Тарасова стоит. Дело, следовательно, ясно. Оба упомянутые акта касались кончины Александра I. Тарасов хорошо помнил, что он составлял оба, а подписал только один, но, который именно из двух, — он забыл.

В виду крайней скудости, вернее, полного отсутствия материалов, подкрепляющих легенду об Александре I, сторонники ее пытались дополнить старые источники. Результатом таких попыток явилось сообщение о беседе с племянником лейб-хирурга Д. К. Тарасова, именно с Иваном Трофимовичем Тарасовым, не так давно еще состоявшим в Московском университете профессором по кафедре административного права. Сообщение сводилось к следующему. Будучи воспитанником училища правоведения, И. Т. Тарасов с 13 до 19 лет ежегодно летние месяцы проводил у дяди в Царском Селе. Дядя его, Д. К. Тарасов, представлял собою как бы живую летопись этого города; парк, дворцы и памятники — все находило в нем своего подробного и точного историка, и он охотно делился с племянником своими знаниями и сведениями. И когда приходилось касаться имени Александра I, то благоговение перед ним Дмитрия Клементьевича восходило буквально до апофеоза, и старик многозначительно выражался: «святой человек» или «это человек святой жизни». Тем не менее, однако, он всегда заметно избегал разговоров как о 19 ноября 1825 г., так и о таинственном сибирском старце Федоре Козьмиче. «Раз, впрочем», рассказывает И. Т. Тарасов, «когда у нас в доме зашел разговор о старце, и моя мать высказала пред-

положение о возможности такого конца для Александра I, присутствовавший дядя Дмитрий Клементьевич, помню, страшно взволновался, словно его задели за живое или как будто поднимали покров над вечною тайной, которую он сторожил». Что касается до фельдъегеря Маскова, то, вспоминая о нем, Д. К. Тарасов говорил, что вот, дескать, сходство с Александром I послужило поводом к легенде, по которой хоронили, мол, не Александра, а Маскова, Александр же исчез неизвестно куда. И об этом Дмитрий Клементьевич говорил опять-таки с подчеркиваньем, назиданием: явный, мол, вздор, который надо раз навсегда выкинуть из головы. Бросается и то в глаза: до 1864 г. он не служил панихиды по государе Александре I; когда же в Сибири умер старец Федор Козьмич, то Дмитрий Клементьевич стал это делать ежегодно, причем панихиды всегда обставлялись какою-то таинственностью; он тщательно скрывал, что служит их. Об этих панихидах случайно узнали от кучера, а ездил ради них Тарасов в приходскую церковь или в Казанский и Исаакиевский соборы и никогда — в Петропавловскую крепость.

Дмитрий Клементьевич Тарасов оставил значительный капитал и недвижимость. Сын его, камергер Александр Дмитриевич, женившись на княжне Марии Николаевне Барятинской, получил за женою имение Лазовку (Раненбургского уезда, Рязанской губернии), которое еще недавно было продано его сыном Д. А. Тарасовым Карандееву. С убитым в бою под Тюренченом Д. А. Тарасовым погас род лейб-хирурга Тарасова. Повидимому, Карандееву достались различные семейные «памятки»... В семье Тарасовых долго хранились, между прочим, дорожная аптека Александра I, его подтяжки, собственноручно вышитые супругой — Елизаветой Алексеевной, и другие вещи; но особенное значение заключалось в золотой медали, полученной Д. К. Тарасовым (не для ношения) после 19 ноября 1825 г.;

эта медаль не раз играла роль волшебного слова Али-Бабы: «сезам» в сказках Шехеразады, и уже в царствование Александра III вдова лейб-хирурга Д. К. Тарасова (урожденная Граматина), имея эту медаль, удостоилась исключительной милости.

Что же можно сказать по поводу этого? В сентябре 1907 года сам Иван Трофимович Тарасов вынужден был в личной беседе заявить, что автор статьи П. А. Россиев все сказанное им, И. Т. Тарасовым, «черезчур подчеркнул». Затем, не видно, чем же можно доказать, что он не служил панихид и ранее: ведь раньше кучер мог о том и не сказать, или его не спрашивали. Наконец, в какой же день служились панихиды: 19-ли ноября (Александр I) или 20 января (Федор Козьмич)? Во всяком случае, если даже панихиды и служились «ежегодно», то после смерти сибирского старца (1864) много их отслужить он не успел, ибо пережил Федора Козьмича всего на два года, и умер 12 июня 1866 г. Неясным остается также вопрос: каким образом мог узнать кучер, по ком служит Тарасов панихиды, если он желал это скрыть, сделать тайком? Что касается происхождения богатства лейб-хирурга Д. К. Тарасова, то в этом нет ничего таинственного, и в «Русской Старине» давным-давно сообщено, что скромные в начале капиталы Тарасова были помещены в предприятия известного в свое время откупщика Рюмина, благодаря чему «значительно» возросли [43].

Кстати, о самих «Воспоминаниях» Тарасова. Думается мне, не стал бы Тарасов в старости лет писать «записок» с изложением болезни и смерти Александра I, чтобы, будучи его «сообщником» и зная тайну удаления от мира, лгать в них от начала до конца и сочинять такую сложную по мелочности своей картину. Самые «Записки» были написаны им для семьи и увидели свет только после его смерти. Помимо того, если даже согласиться, что Тарасов и другие были «сообщниками» императора, то возникает

неразрешимый вопрос: каким образом могла совершиться подмена тела? По точному указанию формулярного списка Маскова, тело последнего «предано земле» 4-го ноября в том же селении, где случилось с ним несчастие. Если воспользовались телом Маскова, зачем было откладывать исполнение замысла на такой долгий срок — две недели (4 — 19 ноября)? Как могли сохранить и тайно перевезти в Таганрог труп фельдъегеря? Противоречат этому и данныя протокола вскрытия, не указывающие повреждения костей черепа.

Один из исследователей, пользуясь протоколом вскрытия и сопоставляя описание в нем старого рубца на ноге, оставшегося «от бывшей язвы», и то обстоятельство, что у Александра остался именно на этой ноге рубец после рожистого флегмозного процесса «на той же ноге», устанавливает сразу же тождество вскрываемого с умершим императором. Защитники легенды ему с торжеством возразили, что тождество это не устанавливается, ибо «рожистое воспаление, которым император страдал в январе 1824 г., было на левой ноге, а в протоколе упоминается о различных рубцах, особенно на правой ноге». Последнее замечание совершенно справедливо, и чтобы выяснить разногласие источников, необходимо прибегнуть к несколько сложной работе и обратиться к тому же Тарасову. По его описанию, 19 сентября 1823 г. на маневрах под Брест-Литовском одна «лошадь лягнула и подковою задней ноги ударила в правое берцо императора. Когда его величество возвратился с маневров в квартиру, то тотчас потребовал баронета Виллие, который нашел правое берцо распухшим, так что надобно было разрезать сапог, чтобы его снять и осмотреть ногу. Тотчас приложена была холодная примочка из гулардовой воды». Лечение шло успешно, и через неделю государь стал совершенно здоровым, так что «не признавал нужным показывать Тарасову

свою ушибленную ногу, на боль в коей более он не жаловался». Но 13 января 1824 г., продолжает Тарасов, государь заболел горячкою с рожистым воспалением на левой ноге, причем Виллие «особенно опасался за ногу императора, потому, что эта самая нога перенесла уже в разные времена два значительные ушиба. Опасение его было справедливо: ибо рожа сосредоточилась на средине берца (crista tibiae) в том самом месте, где нога в последний раз была ушиблена копытом лошади на маневрах при Брест-Литовске» [44].

Итак, лошадь ударила подковой в правое берцо, а воспаление случилось на левой ноге, притом именно «в том самом месте», где нога была ушиблена копытом лошади. Противоречие показаний явное. Вместо того, чтобы дать ему самое простое объяснение, что Тарасов опять забыл и перепутал, как это случалось с ним не раз, сторонники легенды делают совсем неожиданный вывод: так как воспаление было на левой ноге, а рубцы отмечены протоколом на правой, то, следовательно, вскрытый труп принадлежит не императору. Подобного рода приемы даже не заслуживают возражения!

Остается рассмотреть главнейший довод в пользу легенды, основанный на протоколе вскрытия — «самый сенсационный», по выражению одного опытного историка. Барятинский обратился к врачам с просьбой высказаться по поводу протокола вскрытия. Полученные ответы сводились к следующему заключению: протокол составлен не научно, на основании его установить причину болезни нельзя, можно только сделать «сомнительные предположения»; тиф и малярию из причин смерти следует исключить; в протоколе имеются указания на «сомнительные» признаки сифилиса у покойного. На основании этих отзывов специалистов Барятинский делает заключение: так как Александр I сифилисом не страдал, то, значит, вскрытый труп принадлежал другому лицу [45].

Не считая себя вправе касаться в чем либо области, мне совершенно чуждой, я счел необходимым также обратиться к специалисту, авторитетному патологу-анатому, ректору Петроградского медицинского института, профессору Ф. Я. Чистовичу, в распоряжение которого представил как копию протокола вскрытия, так и известные описания болезни и смерти императора.

Полученный мною ответ заключал следующее:

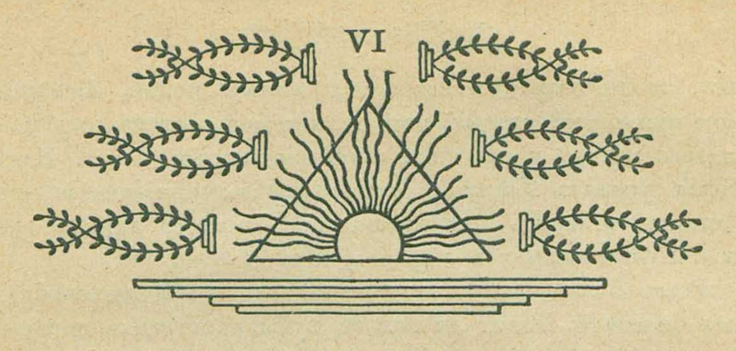
«Ознакомившись с доставленными мне материалами, относящимися к болезни Александра I, которая закончилась смертью его в Таганроге, я считаю возможным ответить нижеследующим образом на три поставленные мне вопроса:

1) Можно ли из протокола вскрытия выяснить причину смерти Александра? — Нет, нельзя; но есть в протоколе намек на болезненное состояние печени, хотя никаких определенных положительных данных нет.

2) Имеются ли в протоколе безусловные признаки, указывающие на наличность сифилиса? — Нет, никаких таких данных не имеется.

3) Можно ли заключить с достоверностью о характере болезни Александра I, пользуясь, кроме протокола, описаниями его болезни? — С достоверностью нельзя; но с большою долей вероятия можно предположить, что Александр I страдал какой то инфекционной болезнью, протекающей с желтухою и с нагноительным типом лихорадки (озноб, жар, пот с ремиссиями нормальной t°); такими болезнями могут быть: инфекционная желтуха (Weil'я), гнойное воспаление желчных путей (ангиохолит) или паратифозная септико-пиэмия, схожая с той, которая изучена недавно, как осложнение возвратного тифа. Если бы при вскрытии тела была подробнее описана печень, то из трех вышеупомянутых предположений можно было бы точнее выделить характер болезни, сведшей Александра I в могилу. — Петроград. 20 января 1923 г. Проф. Ф. Чистович.»

Итак, никаких безусловных признаков сифилиса не имеется, и хотя болезнь Александра — не тиф и не малярия, но тем не менее может быть определена «с большой долей вероятия». Иными словами, протокол вскрытия нисколько не противоречит утверждению, что вскрыто было тело именно императора Александра I. Таким образом, падает и «самый веский» аргумент в защиту легенды об Александре.

VI

Записки Хромова.

Остается дать оценку «Запискам» Хромова и рассказам о Федоре Козьмиче. Старец жил на заимке у Хромова с конца 1858 г. и до своей смерти. Ревностный почитатель старца, Хромов, составил любопытные «Записки» о его жизни, которые легли в основу всех сказаний и легенд о таинственном старце. Беглый анализ «Записок» выясняет, что начаты они и в существенной своей части написаны в 1864 г.; затем Хромов продолжал их из года в год, с перерывами, записывая и то, что с ним самим случилось, и то, что ему вспоминалось о старце из прошлого. Есть следы того, что он просматривал написанное и по крайней мере два раза вносил незначительные поправки. Таким образом, под наиболее свежим впечатлением занесены только события 1863 и 1864 годов из жизни старца. Пользоваться «Записками» надлежит очень осторожно и доверять их сведениям нельзя. Хромов в своих «Записках» задается целью убедить читателя в святости и праведной жизни Федора Козьмича; неудивительно, что из 105 параграфов «Записок» более половины их (61), посвящены описанию чудес и прозорливости старца, при крайней скудости данных о личности самого Козьмича. Так, говорится о чудесном благоухании в келии старца и от его вещей, портрета, губки, коей обмывали его мертвое тело, от его могилы и т д. По ночам в запертой келии появлялся таинственный

свет, огонь, горящая свеча, слышалось пение. Однажды (еще при жизни старца) видели, как будто отверзлось небо над его келией и «воссиял необыкновенный свет». Некая Фекла уверяла Хромова, что в церкви она видела, как у старца сделалось «необыкновенно светлое» лицо и лучи от него осветили всю церковь, и т. д.

Всего более случаев исцелений от весьма разнообразных болезней. Болит ли голова, зубы, простужено горло,— Хромов обращается с молитвой к старцу. И целебное действие оказывает одна из вещей Федора Козьмича, а чаще всего вода, в которую опускался «зубок великого старца», или вода, накоплявшаяся в подвале его келии. Можно было также полить водой на портрет старца, и она от того приобретала те же целебные качества. Хромов настолько проникается верой в чудодейственную силу своей аптеки, что даже «избитому пулями» доктору Скавинскому хотел «дать с зубка великого старца воды, но счел это не совсем удобным, и доктор вероисповедания католического, — чтобы не сочли за какую нибудь другую вещь». В 1868 г. будучи в Петербурге, Хромов заболел: «начали пухнуть ноги и в животе стало бурчать». Он прибегнул к испытанному средству и выпил воды «с зубка великого старца». «К вечеру открылся понос, сообщает Хромов, и длился до четырех дней, опухоль из меня вышла, и сделались ноги и живот попрежнему». Изумленный этой переменой, он наивно удивляется «чудесам» великого старца и тому, «как скоро его молитвы за нас грешных доходят до царя небесного». Хромов рассказывает также, что подаренное старцем красное пасхальное яйцо источало миро. А в день смерти Федора Козьмича, в момент, «когда душа старца расставалась с телом», над кельей трижды взлетало огромное пламя, чему были свидетелями подъезжавшие к деревне кучер и горничная.

Наряду с своими наблюдениями он также заносит и чужие рассказы, плохо разбираясь в ценности и пригод-

ности их для его цели. Расскажет вдова Акулина, что видела во сне старца Федора Козьмича «с крестом на груди и голубой лентой через плечо, а по обеим сторонам — два ангела», — Хромов записывает. Увидит Фекла, едучи с поля, как «корабль плыл по воздуху, на носу парус, а на корме два благословенных старца», — Хромов заносит и это, хотя и сознается, что сначала «слегка» поверил странному рассказу.

Это изобилие чудесного решительно подрывает в глазах историка доверие к «Запискам» Хромова.

При своем особом умонастроении относительно старца Хромов готов был видеть в самых простых явлениях чудесное знамение. У него нет совершенно критического отношения к предмету, но пишет или заблуждается он, повидимому, искренно. Утверждают, что прославляя старца и отождествляя его с Александром I, Хромов преследовал корыстные интересы; ссылаются на то, что наследники делали даже негласные предложения о приобретении высокопоставленными лицами келии Федора Козьмича. Думаю, что этого недостаточно для сомнения в его искренности. Неясно также, какие корыстные расчеты могли быть у Хромова, человека и в 60-х годах еще достаточно богатого. Что он мог из них извлечь? Когда у томского губернатора запросили секретные сведения о купце Хромове (дело было в 90-х годах), то губернатор Ломаческий ответил шифрованной телеграммой следующее: «Купец Семен Хромов — уроженец Томска, где жил постоянно. Первоначально имел золотые прииски в Восточной Сибири, затем, продав их, занимался торговыми делами; был известен за честного человека, пользуясь всеобщим особенным уважением и вниманием; умер 29 апреля 1893 г. на 80-м году от роду. Старец Федор Козьмич, отличавшийся строгим монашеским образом жизни, постоянно проживал у Хромова в устроенной для него келии» [46].

Резюмируя оценку «Записок» Хромова, я думаю, что в основе своей сведения о личности Федора Козьмича не вымышлены, но так искажены тенденцией Хромова к прославлению старца, что полагаться на них нельзя.

Какой же материал остается исследователю, кроме «Записок» Хромова? Остаются досужие, ничем не проверенные рассказы и предания лиц, знавших старца по Сибири. Некоторые из них, наиболее характерные и интересные, уже приведены. Что в них очень мало достоверного, можно показать на примере. Любимый рассказ сибирских почитателей старца — о том, как великий князь Михаил Павлович приезжал (неизвестно куда и когда) в острог к Федору Козьмичу. Излагается это событие следующим образом. «Сам старец сообщил о себе, что когда он скрылся из своего первоначального жилища, то его стали разыскивать и, поймав, представили начальству, но он, воспользовавшись каким-то случаем, бежал. Находясь с двумя товарищами в одном городе, он признан был за «великого человека», снова был взят с своими спутниками и посажен в острог; но так как начальство никакой вины ни за ним, ни за его товарищами не нашло, то и предложило им выйти на свободу. Спутники его согласились на это и были из тюрьмы выпущены, но старец не согласился и остался в остроге. Об этом дано было знать императору Николаю Павловичу, и по его распоряжению в тот город был послан секретно великий князь Михаил Павлович, который по приезде отправился к Федору Козьмичу в тюрьму и, рассердившись, по своему горячему нраву, хотел за это строго наказать власти, но старец уговорил великого князя оставить дело без последствий и просил только, чтоб его осудили в Сибирь на поселение под именем Федора Козьмича. Просьба старца была исполнена».

Судя по концу рассказа, весь эпизод надо относить к аресту Федора Козьмича в Красноуфимске, но согласно

приведенной мною официальной справке из тюменского архива, задержан был старец не с «двумя товарищами», а один; начальство вовсе не «предложило им выйти на свободу», не найдя за ними «никакой вины», а напротив, за бродяжничество наказало старца плетьми и затем выслало в Сибирь на поселение, не по просьбе старца, а по приговору суда. Приезд Михаила Павловича совсем уже фантастичен: мыслимо ли думать, что столь дальний путь (да еще при тех условиях передвижения) от Петербурга до Красноуфимска не оставил бы по себе никаких следов!

Нередко приводится рассказ, будто бы самого Козьмича, о том, как Александр I въезжал в Париж, имея с правой стороны графа Меттерниха, причем императору устилали путь сукнами и цветами и т. д. Между тем, наведенная справка дала следующее: «L'empereur Alexandre fit son entrée à Paris le 19 Mars 1814 entre le roi de Prusse et le général autrichien Schwartzenberg (l'empereur d'Autriche étant absent)», т. е. Александр I ехал между королем Пруссии и австрийским генералом Шварценбергом, заменявшим отсутствующего императора Австрии, и значит Меттерних не ехал рядом с Александром. Кстати, Меттерних в это время был уже не графом, а князем. Таким образом, второй пример также показывает ненадежность рассказа: или Федор Козьмич сам не видел этого въезда в Париж и передает с чужих слов, или, что вероятнее, рассказ передает не то, что говорил старец.

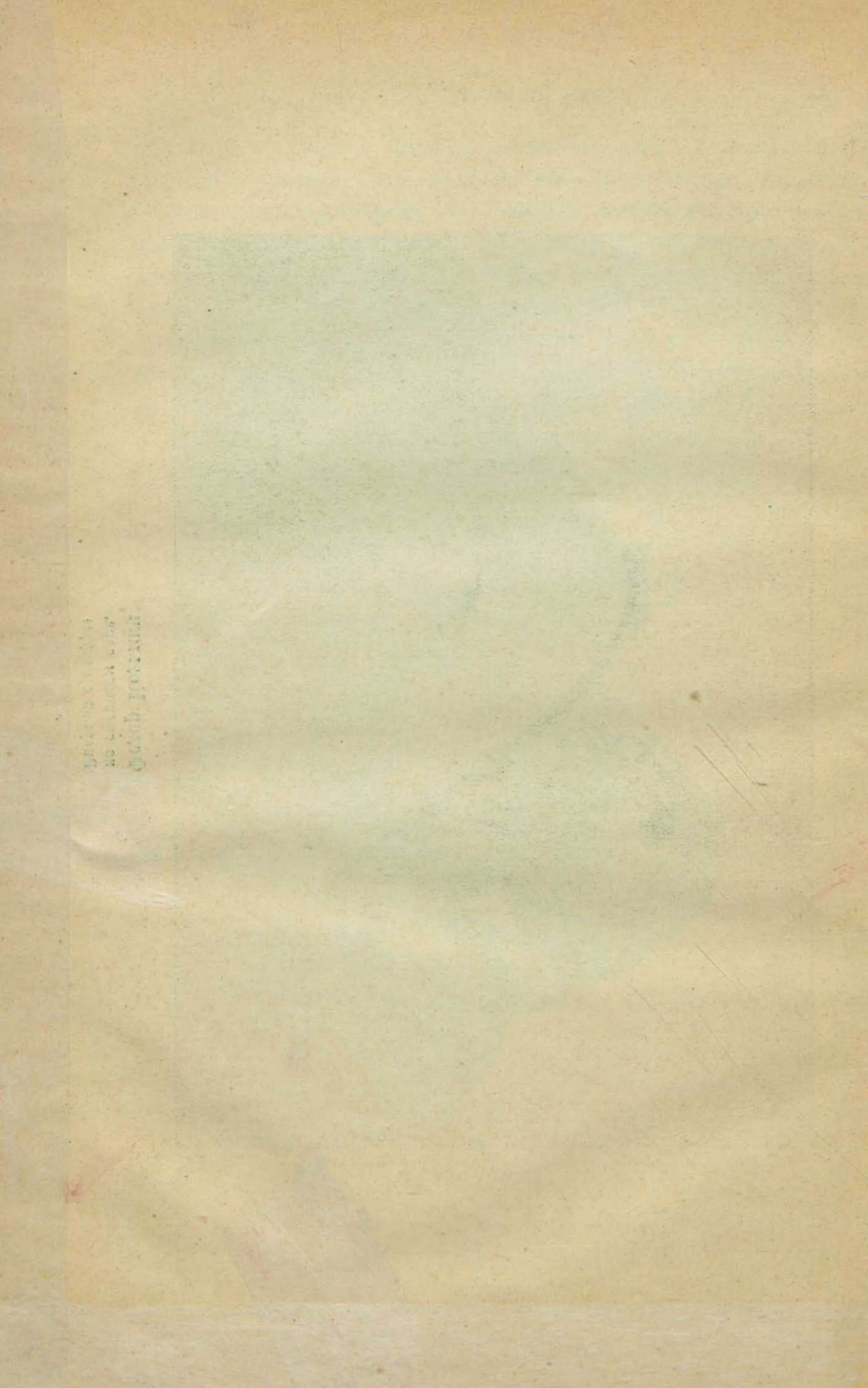
При желании число подобных примеров можно было бы умножить, но в результате они показали бы одно и то же, что рассказы эти разрисованы народной фантазией, и положиться на них историку невозможно. Если случайно общее сходство Федора Козьмича с Александром и обмануло кого-нибудь из сибиряков, то может ли это служить доказательством тождества этих лиц? Князь Н. Б. Голицын, бывший в Таганроге при кончине Александра I и дожи-

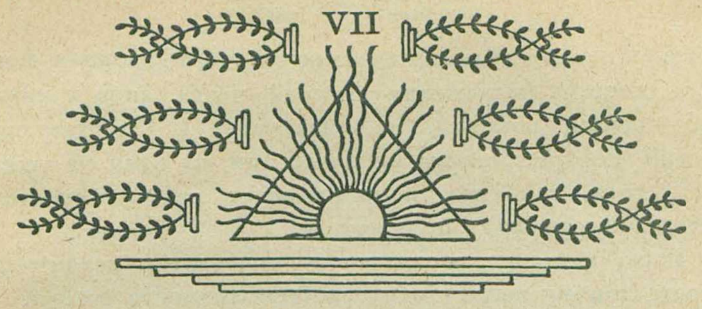
вший до легенды о Федоре Козьмиче, увидя однажды портрет его, сказал, что как бы ни было велико сходство старца с императором, но смерть постигла императора именно в Таганроге, что он может засвидетельствовать, как очевидец, на глазах которого протекала вся болезнь императора и погребальный церемониал [47].

Словом, материал, на основании которого приходится делать какие-либо суждения о личности старца, сводится до минимума. В нашем распоряжении остаются портреты и образец почерка Федора Козьмича — его так называемая «Тайна». К рассмотрению их мы и приступим.

Федор Козьмич
на смертном одре.
Рисунок с натуры

«Тайна» Федора Козьмича.

Наиболее распространенный портрет старца во весь рост в самом деле обнаруживает большое, я бы сказал, поразительное сходство с Александром I. Оно особенно бросается в глаза, если сравнивать оба портрета, прикрыв бороду старца. Большего сходства между человеком в старости и в зрелом возрасте требовать невозможно. Старец, как известно, не позволял себя фотографировать, так что это не фотография, на что намекает также и шестиугольная форма окон — таких в избе старца не было. Всматриваясь в портрет старца, вы замечаете, что борода как бы искусственно приклеена: каждый волос вытянут, как струна, чего никогда не бывает в бороде, всегда немного вьющейся. Разгадку своего недоумения находим в сообщении, чтс неизвестный художник уже «впоследствии», после смерти старца воспроизвел портрет его во весь рост, «руководствуясь притом портретом императора Александра I».

Таким образом «поразительное» сходство находит самое простое объяснение. Но есть другой портрет старца, который, по единогласному заявлению всех знавших Федора Козьмича, имеет «несравненно больше сходства» с оригиналом, чем тот, где старец изображен во весь рост, это — портрет, нарисованный неизвестным художником с лежащего в гробу покойника с натуры. Если

портрет верно схватывает облик старца, то орлиная форма носа, жесткое выражение нижней части лица и прямой лоб — черты, конечно, не Александра I. Существующий третий портрет старца не похож ни на один из указанных, хотя, вероятно, и представляет собою неискусное подражание первому портрету [48].

Итак, изучение портретов не приводит к какому-либо определенному выводу относительно личности старца. Но после него остались некоторые рукописные остатки, во-первых — так называемая «Тайна» Федора Козьмича, т. е. две лентообразные бумажки, исписанные с обеих сторон будто бы самим Федором Козьмичем; затем, конверт с надписью: «Милостивому Государю Семіону Өеофановичу Хромову. Отъ Өеодора Козьмича»; наконец, копия с оставленной записки старца Федора Козьмича от 2-го июня 1849 г. Все три рукописные остатка и поныне хранятся у наследников Хромова. С оригиналов были сняты фотографии, и снимки напечатаны в «Легенде» Николаем Михайловичем. Конверт с твердой и ясной надписью: «Отъ Өеодора Козьмича» был передан специалистам по изучению почерков. Все буквы на конверте были в отдельности увеличены и сравнены с почерком на другом конверте, несомненно написанном рукой Александра I. Эксперты единогласно признали, что между обоими почерками, как и между отдельными буквами, нет «ни малейшего сходства». Третья записка. представляющая собою не оригинал, а лишь копию его, содержит несколько изречений из священного писания. Она имеет наименьшую ценность для исследователей, почему и оставляется обыкновенно ими без внимания.

«Тайна» же Федора Козьмича неоднократно подвергалась тщательному, но бесплодному анализу, имевшему целью вскрыть смысл этой записки или определить ее шифр.

На лицевой стороне первой ленты «Тайны» написано:

„вйдйшйлй на ковое васъ бѣз'словесйе счастйе слово йз'нѣсе“

На обороте:

„Но егда убо, а, молчатъ, П, нѣвозвѣщаютъ“.

На лицевой стороне второй ленты:

1 2 3 4

о в а зн

і Д К ео а м в р

С З Д а

а. крыютъ, струфианъ

На обороте:

„1837 ^{го} Г. Мар. 26 ^{го} в. вол.

43. Пар.“

И. С. Петров предложил следующим образом дешифровать «Тайну»:

в и д и ш и л и н а к а к о е в а с ъ б ѣ з'с л о в е с и е
11 10 53 13 43 25 16 18 12 55 49 17 14 15 9 42 41 50 8 27 28 3 37 40 38 5 4 39 44 6

с ч а с т и е с л а в о и з'н ѣ с е
7 26 51 34 35 36 48 30 47 46 32 31 45 29 52 33 1 2

Н о е г д а у б о а м о л ч а т ъ П
65 56 59 60 78 62 96 83 61 77 91 93 92 68 85 57 58 99

н ѣ в о з в ѣ щ а ю т ъ
67 69 97 98 63 88 89 81 71 101 70 64

о 105 *в* 104 *а* 117 *ж* 116

і 108 *Д* 113 *Я* 109 *е о* 114 111 *а* 103 *м* 110 *в* 118 *р* 115

С 107 *З* 106 *Д* 102 *я* 112

а крыютъ струорианъ
119 72 84 66 80 86 73 74 75 76 87 91 90 100 79 95 82

1837го Г. Мар. 26го в. в о л.
24 21 23 22

43. П а р.
19 20 54

Се Зевесъ Е. И. В. Николай Павловичъ		(1—26)
бѣзъ совѣсти сославшій Александра		(27—55)
отъ него азъ нынчѣ отъ чего азъ нынѣ	} такъ страдающъ	(56—82)
брату вѣроломному вопию		(83—101)

Да возсія моя Держава (102—119)
1837-го г. мар. 26-го.

Николай Михайлович, поместивший этот «ключ» в конце своей книги, не без основания замечает, что при таком дешифровании «легенда о старце Федоре Козьмиче должна потерпеть значительное изменение». Справедливо было указано, что «расшифровка», сделанная И. С. Петровым, дает в результате фразу, далеко не грамотную, принятый способ чтения при известной изобретательности может привести и к иным комбинациям букв, которые составят фразу, противоречащую найденной. Замечу, что искусственность построения сказывается и в неправильном чтении записи: вместо «на ковое», «слово», «зн», «струфиан», читается: «на какое», «славо», «ж», «струориан». Все это недопустимые натяжки, вызванные необходимостью подогнать их под намеченную фразу. Описанный прием ищет в записи не прямого смысла фраз, а условного, т. е. рассматривает ее, как «тайнопись».

Иная попытка сделана В. Барятинским. В первой записке он «ничего таинственного» не видит. Для него это «отдель-

ные фразы более или менее понятные», т. е. имеющие прямой буквальный смысл. «Видишили» и т. д. он предлагает понимать так:

«Видишь ли на какое молчание вас обрекло ваше счастье и ваше слово» (т. е. «обещание») или «ваша слава».

Смысл фразы «но егда убо А молчат П не возвещают», по его мнению, также «очень понятен»:

«Но когда Александры молчат, то Павлы не возвещают», то-есть «но когда Александр хранит молчание, то его не терзают угрызения совести относительно Павла».

«А крыют струфиан» читается В. Барятинским совсем искусственно: «Я скрываю тебя, Александр, как страус, прячущий голову под крыло». Зачем понадобилось бы Александру обратиться с такой сентенцией к самому себе,— совершенно непонятно. Это «тайна» В. Барятинского. Та же сентенция звучит, при таком приеме чтения, и в фразе: «видишь ли» и т. д. Можно подумать, что Федор Козьмич как бы упрекает себя в опрометчивом обещании, обрекшем его на молчание [40].

Словом, ни вымученная попытка И. С. Петрова, ни догадка В. Барятинского ни на шаг не подвигают нас к разгадке личности Федора Козьмича. Думается, однако, что внимательное изучение «Тайны» может вывести нас из области туманных гаданий на более твердый путь. Анализируя почерк Козьмича и Александра I с палеографической точки зрения, нетрудно заметить целый ряд совершенно несходных букв. Например, буква «в» Козьмичем внутри слов постоянно пишется так, как она писалась не редко в XVIII и часто в XVII в. Александр же всегда пишет эту букву так, как обычно писали ее в XIX в., и как пишем теперь мы. Буква «е» в конце слов и буква «т» у Козьмича также имеют начертания более древние, чем у Александра I, приближаясь к палеографическим образцам XVIII в.; у Александра же они имеют современ-

ный вид. Резкое различие имеется между обоими почерками в манере изображения буквы «н». В букве «д» многие при поверхностном наблюдении готовы усмотреть сходство, Кстати сказать, это единственная буква у Александра I, которая палеографически связана с XVIII в. Достаточно вглядеться в оба начертания буквы «д», чтобы заметить, что они различны. У Козьмича эта буква и начинается не так, как у Александра, и основной прямой штрих поднимается над буквой, тогда как у императора он, изгибаясь, идет вниз. Далее, в «Тайне» всюду перед гласными поставлено «й», у Александра в аналогичных случаях везде «i», т. е. оба почерка различаются между собой не только палеографически, но как будто и системой правописания. Короче говоря, почерк Федора Козьмича архаичнее почерка Александра I, несмотря на свое позднейшее происхождение. Если можно так выразиться, учителя Федора Козьмича были более отсталыми, чем у императора. Сделанного наблюдения для специалиста палеографа достаточно, чтобы вывести из него следующее заключение: изученные почерки не могут принадлежать одному и тому же лицу, и, следовательно, Федор Козьмич — не Александр I.

Что это действительно так, и добытый вывод не случаен, подтверждается и другими данными. Если верить самим защитникам легенды, то Козьмич не признавал своего тождества с Александром I. «Я родился в древах», говорил он, «если бы эти древа на меня посмотрели, то без ветра вершинами бы покачали», тогда как известно, что Александр Павлович родился в комнате Зимнего дворца. Козьмич сообщал о себе, что он «отстал» от общества в «прекрасный солнечный день», Александр же умер в ноябре в сумрачное ненастное утро. Во внешности Козьмича и Александра I также устанавливаются различия. У старца был орлиный, немного хищный нос, и сохранились на голове

(по крайней мере до 1862 г.) кудрявые волосы; Александр же обладал красивым прямым носом, и к концу жизни почти облысел. Наконец, у старца были серые глаза, у Александра — голубые. Старец был ростом 2 арш. $6^{1}/_{2}$ вершк., император же достигал 2 арш. 9 верш. слишком. Не допускать же, что в Сибири он уменьшился в росте на три вершка! [50].

Но если Федор Козьмич — не Александр I, то кто же он был? Вот вопрос, который сейчас же встает вслед за отрицанием. Попытка дать определенный ответ была сделана Николаем Михайловичем. Известно указание, исходящее от родственников графа Дмитрия Ерофеевича Остен-Сакена, что граф находился в переписке со старцем. Во всяком случае было установлено, что сношения действительно между ними существовали. Однако все поиски этой переписки со стороны родственников графа оказались тщетны: в графском имении Прилуках, Киевской губернии, удалось лишь найти пустую шкатулку, где Остен-Сакен хранил секретные бумаги. Во время долгого отсутствия владельцев из имения, бумаги и письма были кем-то из шкатулки похищены. Есть предположение, что за ними «специально следили». В сохранившихся дневниках Остен-Сакена с 1822 г. доведенных до самой его смерти, по словам Николая Михайловича, нет ни одного указания на Федора Козьмича.

Сравнительная таблица почерков Федора Козьмича (слева) и Александра Первого (справа).

Однако в связи с указанной перепиской удалось напасть на любопытную догадку. Д. Е. Остен-Сакен был женат на дочери генерал-майора И. М. Ушакова. Когда стали искать в семье Ушаковых, имел ли кто нибудь отношения к ис-

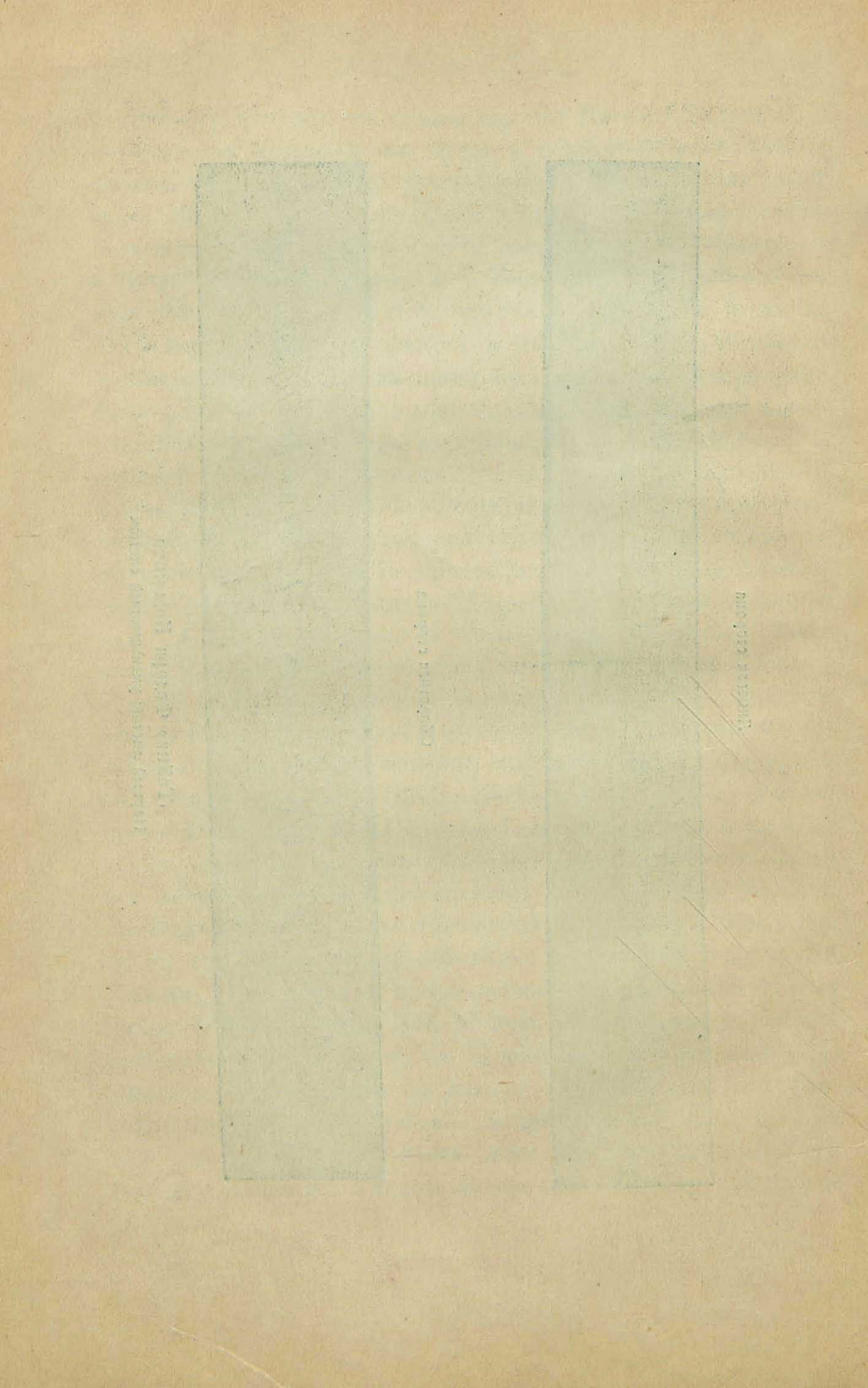
следуемому вопросу, то оказалось, что Павел I, будучи еще наследником престола, находился в связи с Софией Степановной Чарторыжской, урожденной Ушаковой. От этой связи родился сын, получивший имя — Семен Афанасьевич Великий. О нем известно, что восьми лет его поместили в Петропавловскую школу в С.-Петербурге, по окончании курса перевели в морской кадетский корпус, и 5 марта 1789 года он был произведен в мичмана. Он участвовал в шведской войне и 28 июня был послан к императрице Екатерине II курьером с донесением. Произведенный в лейтенанты, он в числе других офицеров был послан для усовершенствования в Англию, и, на службе в английском флоте, умер в 1794 г., а по другим известиям утонул в Кронштадте, но по документам архива морского министерства, он скончался 13 августа на корабле «Vanguard» на Антильских островах, в Вест-Индии. Подробных известий о смерти нет. Любопытно, что в генеалогии семейства Ушаковых постоянно встречаются имена Федора и Козьмы, и даже были среди Ушаковых Федоры Козьмичи. Но при всем этом, конечно, как вынужден признать и сам исследователь, «не имеется никаких данных, чтобы поддержать гипотезу». Это остроумная догадка — не более. Ничто, кроме вариаций в роде Ушаковых с именем Федора и Козьмы ее не подтверждает. Нельзя, впрочем, также согласиться и с возражением В. Барятинского, что если Семен Великий «исчез» в 1794 г., обратившись потом в Федора Козьмича, то он «никак не мог бы обладать» обширными познаниями Козьмича из области политической и придворной жизни конца XVIII и начала XIX в. Ведь нам неизвестно ни его пребывание до Сибири, ни источники его сведений. Неожиданно в устах того же автора слышать, что нет «никаких данных сомневаться»» в дате смерти Великого на том основании, что «архивы дают нам точное число его смерти». Зачем же, в таком случае, он сомневается в смерти

Лицевая сторона

Оборотная сторона

«Тайна» Федора Козьмича

Первый листок; уменьшенный снимок

Лицевая сторона

Оборотная сторона

«Гайна» Федора Козьмича

Второй листок; уменьшенный снимок

Копия с записки Федора Козьмича

уменьшенный снимок

Александра I, когда и там архивы точно удостоверяют дату кончины? Совсем уж наивно последнее замечание Барятинского, что «симулировать смерть дома, в постели, будучи императором-самодержцем — нетрудно, но фиктивно утонуть в Антильском море, будучи офицером английского флота — невозможно».

Почему?

Логическая сила доказательности подобного аргумента нисколько не проиграет (а, может быть, и выиграет), если сказать наоборот: «фиктивно утонуть в Антильском море, будучи офицером английского флота, — нетрудно, но симулировать смерть дома, в постели, будучи императором-самодержцем — невозможно». В согласии с автором гипотезы о С. Великом я отрицаю ее просто потому, что нет никаких данных для ее подтверждения.

Возвращаюсь к дальнейшему анализу «Тайны».

Строка на обороте 2-го листка «Тайны»:

«1837го Г. Мар. 26го, в. вол.
43 Пар.»

обозначает, конечно, дату прибытия Федора Козьмича в Сибирь на поселение: «1837-^{го} года, марта 26-^{го}, Боготольская волость, 43-я партия». Вместо «б. вол.» вероятно, ошибочно поставлено «в. вол.» Дата эта не представляет из себя ничего таинственного. Но Федор Козьмич занес ее на этот листок, очевидно, потому, что хотел сохранить для своей памяти. С этой точки зрения надлежит, по моему мнению, смотреть и на остальную запись, которой покрыта лицевая сторона листка.

Относительно левой половины этой записи:

1		2		3		4	
о		*в*		*а*		*зн*	
і *Д*	*К*	*ео*		*а*	*м*	*в*	*р*
С		*З*		*Д*		*Я*	

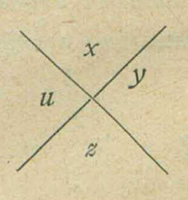
многие исследователи удачно догадывались, что это шифр, точнее, ключ к шифру. Но, изучая этот ключ, можно сказать и более того. Это — не простой шифр, а масонский. Известно, что в масонской переписке нередко употреблялась тайнопись. Отдельным, самым обычным словам придавалось условное значение, или же составлялся шифр из условных знаков для азбуки, причем шифры эти были разных «классов», для каждой масонской степени особый. В одном масонском «повелении» говорится: «поелику бывшие доселе тайные братские письмена или шифры 1-го, 2-го и 3-го класса, также как лозунги и проходные слова Юнио рата, ныне текущего десятилетия секте иллюминатов пр(даны были, и как сие . . . во зло употреблено быть може то всем братьям, яко орденом запрещенные и proscriberet,- запретить, и отнять».

От непосвященных шифр масонами скрывался; вступая в ложу, они обязывались о тайнах ложи «ненарушимую молчаливость соблюдать так истинно, как бог есть бессмертен».

Есть указания, что тайный шифр получался из-за границы. Шифровая азбука, особенно в высших степенях, отличалась большой сложностью. Алфавит составлялся из латинских и еврейских букв, алхимических знаков, схематических рисунков и т. п. Приведу здесь простейшие масонские шифры, которые могут иметь отношение к затронутой теме [52].

Ключ к шифру:

a *b*	*c* *d*	*e* *f*
g *h*	*i* *l*	*m* *n*
p *o*	*r* *q*	*t* *s*

Азбука к этому ключу:

a _|; *b* ·_|; *c* |_|; *d* |·_|; *e* |_; *f* |·_;

g ‾|_|; *h* ‾·_|; *i* |‾_|; *l* |‾·_|; *m* |‾_; *n* |‾·_;

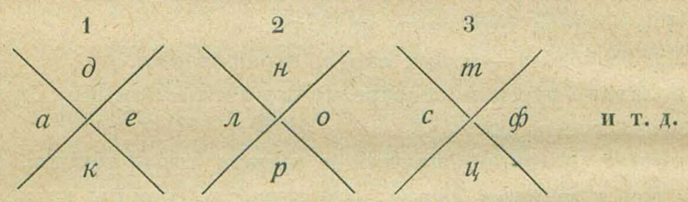
o ‾|; *p* ‾·|; *q* |‾|; *r* |‾·|; *s* |‾; *t* |‾·;

u >; *x* V; *y* <; z Λ.

Масоном бароном Г. Я. Шредером был получен из Геттингена следующий алфавит:

i k. l..	*a e.*	*q r.*	*w*
b c. d..	*f g.*	*s t.*	z *x*
m n. o..	*h p.*	*u v.*	*y*

Одним из простейших является масонский шифр в виде андреевского креста, например:

Пользуясь им, можно написать следующее:

>V>Λ<Λ <<<V<Λ V< >><Λ>>VVΛ,

что будет обозначать:

«Старец Феодор — не Александр I».

Обращаясь к группам букв или знаков на «Тайне» Федора Козьмича, не трудно заметить, что они расположены как раз крестом, только самые линии креста отсутствуют; в них не было и надобности, именно благодаря правильному расположению букв. Цифры наверху 1, 2, 3, 4 — это

нумерация групп этих знаков. Едва ли можно сомневаться, что мы имеем здесь дело с масонским шифром. Надо только оговориться, что в шифре «Тайны» имеется лишь 16 знаков, чего для полного русского алфавита недостаточно, следовательно в ключе скрыто еще какое-то условное обозначение для недостающих букв. Знакомство или пользование масонским шифром может служить для нас немаловажным указанием на принадлежность Федора Козьмича к масонству. Если дата 1837 г. занесена для сохранения в памяти, то понятно и соседство с ней на одном и том же листке шифра, который при пользовании было бы очень трудно *удерживать* постоянно в памяти, так сказать, «наизусть».

Идя дальше по этому пути, возможно попытаться определить скрытое значение слова «струфиан» или «струфион». В сочиненном иеромонахом Досифеем Кома «Еллино-Российско-Французском лексиконе» (напечатан в Москве в 1811 г.), которым пользовались современники Александра I и Федора Козьмича, находим:

Στρȣθȣκάμηλον — птица струс, строфокамил.

В латино-русском словаре точно также struthīo, ōnis — обозначает страуса.

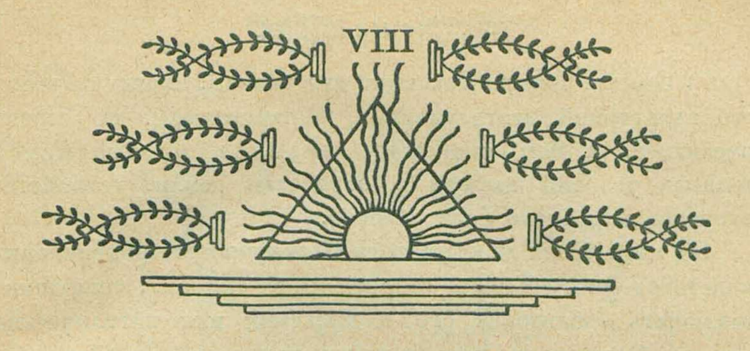
«Будут селения сирином и селища струфионом», читаем мы у пророка Исаии. «И зарастут дворцы ее колючими растениями, крапивою и репейником твердыни ее; и будет она жилищем шакалов, пристанищем страусов» [53]. И здесь слово струфион в значении страуса. Если верна мысль о принадлежности Козьмича к масонству, то слово струфион в «Тайне» находит возможное объяснение. Известно, что братья-масоны имели псевдонимы, носили особые масонские «имена». Так, барон Шредер назывался Сацердос, А. М. Кутузов — Велокс, князь Н. Н. Трубецкой — Порректус, князь Ю. Н. Трубецкой — Репертус, И. В. Лопухин — Филус, И. П. Тургенев — Вегетус, С. И. Гамалея — Елиомас, Новиков — Коловион, и т. д. «Струфион»,

вероятно, и есть масонский псевдоним Козьмича. По рассказам о Козьмиче, он перед смертью указал на заветный мешочек, висевший на стене, сказав: «В нем моя тайна», а по другому варианту еще добавил: «Узнаете, кто был». Если «струфион» — масонский псевдоним Козьмича, то, указывая на записку, старец сдержал свое обещание, и в самом деле открывал тайну «кто он был», но способом, понятным не для всех, а лишь для братьев по ложе, знавших его масонский псевдоним.

Несколько указаний могут служить подтверждением догадке о «масонстве» Федора Козьмича. Так, манера писать на длинных листках, подобных «тайне», встречается у масонов; одним ученым мне сообщено, что он сам видел не мало подобных лентообразных записей в делах б. архива Военного Министерства, связанных с закрытием масонских лож. Следует заметить, что барон Д. Е. Остен-Сакен, с которым переписывался Федор Козьмич, был тоже масоном. Поучения Козьмича о равенстве людей (и цари, и полководцы, и архиереи — такие же люди, как и вы), повторявшиеся в обстановке того времени, напоминают общераспространенное среди масонов учение о равенстве. Вспомним также многими подмеченное в старце уклонение от православного уклада в сторону мистицизма. Епископ Макарий в своих путевых заметках за 1896 г. записал: «однажды посетил Федора Козьмича какой-то человек, выдававший себя за образованного, всезнающего. Федор Козьмич подал ему таблицу с ребусами, как называл ее местный священник; вероятно, это была таблица с какими-нибудь мистическими знаками, состоящими из сочетаний букв. Это — в обычае Федора Козьмича. И мне, когда я в молодости посетил Федора Козьмича, он делал мистическое изъяснение букв, и говорил о свете». Наконец, один из посетивших старца в селе Краснореченском, в 1858 г., считает его масоном, рассказывая о «молчали-

вом отшельнике Федоре» так: «На приветствия, речи и советы о. ректора (духовной семинарии) посещать церковь и приобщаться св. тайн, он отвечал мало, на странном наречии из смеси церковно-славянского языка с латинским, невразумительными фразами мистическими и даже апокалиптическими. Из этого посещения мы вынесли такое предположение о нем, что он или из Западной России униатский богослов, сбившийся с логического толка и смысла, или же философ-мистик и масон». Последнее мнение я и считаю наиболее вероятным, так как оно сходится с выводом, извлеченным мною из «Тайны» старца [54].

С принятой мною точки зрения бесполезно искать прямого или иносказательного смысла во фразе на первом листке «Тайны». Это — набор слов, служивших для шифра; отсюда неслучайная, по-моему, неправильность слов («ковое» и др.) и условная искусственность в построении фразы.

Кто был Федор Козьмич?

Кто же был Федор Козьмич, и в какой общественной среде следует его искать? Учитывая данныя и рассказы о старце, можно составить себе следующее о нем представление.—

1) Военная осанка, манера держаться и говорить, близкое знание военной жизни, ряд других мелочей того же характера изобличают в нем человека военного.

2) Знание событий, совершавшихся в высшем обществе, образованность, осведомленность в вопросах государственных и пр. говорят о принадлежности к высшему обществу; следовательно, как военный, он должен был находиться среди офицеров лучших гвардейских полков.

3) Детальное описание кампаний 1812-1815 гг. оставляли в слушателях убеждение, что рассказчик сам был участником этих кампаний и даже вместе с армией вступал в Париж в 1814 г.

4) Рассказы о дворцовых интригах и знание придворной жизни заставляют предполагать в нем лицо, имевшее какое-то отношение к придворной жизни.

5) Ряд указаний свидетельствует, что он был масоном-мистиком.

6) Предания, идущие от простых и интеллигентных людей, единогласно сходятся на том, что он владел иностранными языками.

7) Советы Федора Козьмича крестьянам, наряду с прочей его культурной деятельностью, обнаруживали, по словам очевидцев, в нем «не малое знание» крестьянской жизни, условий выбора и обработки земли, устройства огородов и всякого рода посевов.

Не могу вслед за историком Шумигорским на основании «частого» употребления старцем слова «панок», «панушки» заключать о близости его к польским или католическим кругам. С таким же правом можно настаивать на «барском» происхождении Козьмича только потому, что старцу была свойственна еще более частая манера обращаться к собеседнику со словами «любезный, «любезная».

Составив на основании приведенных признаков свое представление о старце, я начал поиски о происхождении этого загадочного человека, исходя из того убеждения, что исчезновение такого заметного лица, представителя высшего общества, не могло пройти бесследно. Перебрав данныя о нескольких лицах, которые в той или иной степени могли быть интересны в качестве «кандидатов», или «alter ego» Федора Козьмича, я, наконец, в «Сборнике биографий кавалергардов» С. А. Панчулидзева обратил внимание на биографию некоего кавалергарда Федора Александровича Уварова 2-го, сведения о котором оказались необыкновенно любопытными и действительно говорили о неожиданном, загадочном его исчезновении.

Князь П. А. Вяземский в своей «Старой записной книжке» об исчезновении Уварова рассказывает так: «около тридцатых годов, он, из среды семейства, со дня на день, пропал без вести. Никто не знал, кажется, и ныне не знает, куда девался он, как кончил и покончил ли с жизнью своею. Объяснительной причины к исчезновению его также никто придумать не мог. Года два-три спустя, на детском балу заметил я малолетнего сына его, танцовавшего с маленькою дочкою отца, который года два перед

Марины.

Естьли при жизни моей, не могъ бы я приступить къ совершенію сего постановленія, я возлагаю на наслѣдниковъ моихъ исполнить во всей силѣ, и со всею точностію, сію столь близкую къ сердцу моему обязанность, пребывая на всегда вамъ благосклоннымъ.

Александръ

Автограф Александра Первого

тем зарезался. Разумеется, эта встреча была делом случая, и, вероятно, дети и не знали о злополучной участи родителей своих, но и в самом случае бывает иногда много трагического драматизма».

Замечание это занесено много лет спустя после «исчезновения» Уварова. А. Я. Булгаков, находясь, наоборот, под свежим впечатлением того же события, сообщал 17 января 1827 г. своему брату: «Ты пишешь об Уварове то, что мы знаем. Скажи, пожалуйста, стоило ли труда заварить кашу, начать процесс и от того только, что велено ему дать законный ход, посягнуть на себя... Да главное то, что нет удостоверения в смерти Уварова: он исчез, это так, но мог и дать тягу куда-нибудь, сесть на корабль в Кронштадте. После года или двух можно ручаться, что он умер, а не после недели: тело его не найдено». Несколькими днями позже он уже писал, что «Уварова тела так и не нашли. Положение его жены странно: вдова и не вдова».

Между тем и сама Уварова в официальной переписке, которую ей пришлось вести с III отделением по причине того участия и помощи, которую она оказывала своему брату М. С. Лунину, сосланному в Сибирь, не раз касалась вопроса о смерти мужа. В 1832 г. Уварова писала Бенкендорфу: «Уже пять лет, как я покинула Петербург, пребывание в котором стало для меня мучительным, единственно из-за этой Невы, где мой несчастный муж нашел смерть», а во всеподданнейшем прошении, уже в 1842 г., по тому же поводу, она говорит: «Я рассчитываю на долгую и верную службу моего мужа, который был одним из самых верных ваших подданных, благородная жизнь которого только, увы, омрачилась непостижимым самоубийством». Таким образом, сама Уварова не объясняла смерти мужа несчастным случаем, но причины не открывала. В том же письме к Бенкендорфу, прося определения сыновей: Александра (тогда ему было 16 лет), которого «по-

койный государь пожаловал еще в детстве в пажи», и Сергея — в Пажеский корпус, Уварова, говоря о своих сыновьях, характеризовала их и мужа в таких выражениях: «Мои дети унаследовали от отца это русское сердце, преданность трону, благородный энтузиазм к государю и отечеству, которые характеризовали их достойного отца. Как он, они возбуждаются только рассказами о прекрасных поступках. Они воспламеняются одними словами чести и военной доблести, и как он, несмотря на свою молодость, они готовы пролить свою кровь за государя».

По отзыву декабриста С. Г. Волконского, служившего одновременно с Уваровым в кавалергардах «Уваров — добрый и честный малый, но с большими претензиями на ум и красоту, не без первого, но вовсе без последней, и очень обидчивый, что сообщало ему оттенок бреттера». Князь П. А. Вяземский дополняет эту характеристику, рассказывая, что «в Кавалергардском полку Уварова прозвали суп. Он был большой хлебосол и встречного и поперечного приглашал de venir manger la soupe chez lui, то-есть, по-русски — щей похлебать. Между тем, он был очень щекотлив, взыскателен, раздражителен. «Бедовый он человек с приглашениями своими», говаривал Денис Давыдов, «так и слышишь в приглашении его: покорнейше прошу вас пожаловать ко мне пообедать, а не то извольте драться со мною на шести шагах расстояния». Этот оригинал и пригласитель с пистолетом, приставленным к горлу, был, впрочем, образованный человек и пользовавшийся уважением». В том же духе высказывается Н. Н. Муравьев, упоминая в своих «Записках», что другом М. С. Лунина был ротмистр Уваров, «который однакож сам имел знаки от поединка с Луниным, Уваров человек неприятного обхождения, отчего вообще не был любим».

Федор Александрович Уваров родился в 1780 г., происходил из дворянской семьи, начал службу 17 апреля

1796 г. сержантом в лейб-гвардии Семеновском полку, куда записан был в 1785 г.; в 1796 г. переведен в Тенгинский мушкатерский полк подпоручиком, где получил последовательно производство: в 1798 г. — в поручики, в 1799 г. — в штабс-капитаны и в 1800 г. — в капитаны; в 1801 г. назначен инспекторским адъютантом. В 1803 г. Уваров вышел в отставку, но в 1806 г. вновь поступил на службу штабс-ротмистром в Кавалергардский полк, получив в 1809 г. производство в ротмистры, а в 1813 г. — в полковники. Уваров был участником многих боев. Уже 18-ти лет он плавал на английском фрегате и находился в экспедиции в Голландию, где был в нескольких делах; участвовал в кампании 1807 г. против французов, а также в отечественной войне; сражался при Фридланде, Витебске, Смоленске, Бородине, где был ранен, при Тарутине, Малоярославце, Люцене, Бауцене, Лейпциге, Кульме, Фершампенуазе и др. В марте 1814 г. брал с армией Париж и после битвы при Монмартрской возвышенности участвовал в торжественном вступлении союзников в Париж, где провел несколько дней. За боевые отличия он неоднократно получал награды. Так, за участие в Бородинском сражении, где, несмотря на рану, Уваров остался в строю на коне, награжден Владимиром 4 степени с бантом; за «доставление неприятельского орудия» при Лейпцигской битве был представлен к награждению орденом Георгия 4 степени, но отклонил от себя эту честь, ссылаясь на статут ордена, по коему «заслугу» свою не считал достойною. Новые боевые подвиги вернули ему эту награду: за «разбитие неприятельского карре» при Фершампенуазе он был награжден орденом Георгия 4 степени «за храбрость» и прусским орденом «pour le mérite», причем произведен в чин полковника.

По возвращении в Россию Уваров был уволен в шестимесячный отпуск (с 29 апреля); 23 августа 1814 г. женился

на Екатерине Сергеевне Луниной, сестре декабриста Лунина, а затем в 1816 г. отпущен для лечения ран. В том же году на дуэли с полковником Греффе Уваров получил рану, которая лишила его возможности сидеть верхом на коне, и он должен был подать в отставку, причем от Депрерадовича ему был выдан лестный аттестат. 5 ноября 1816 г. он «за ранами» уволен от военной службы, с чином статского советника, причем пожалован (12 ноября) званием камергера и определен на службу в Коллегию Иностранных Дел. Сын Ф. А. Уварова пишет о своем отце: «преданный императору Александру I всей силой истинно-рыцарской души, отец мучился мыслью, что впал в немилость» у государя, взгляд которого на поединки в то время, как известно, изменился. Но государь пожелал сам лично «рассеять печаль верного слуги» и, встретив его (это было в Москве на Тверском бульваре: Уваров должен был еще ходить на костылях), остановил его и «удостоил милостивого разговора, на который сбежалось несметное число благоговейных слушателей. Сам император привлек его к высочайшему двору».—В 1817 г. Уваров снова находился в отпуске «до излечения болезней». В 1821 г. получил назначение состоять при министре финансов по особым поручениям и причислен к комиссии погашения государственных долгов, но 21 февраля 1822 г. от последней должности освобожден, с оставлением при министре финансов. 9 февраля того же года произведен в действительные статские советники. Имеется указание, что некоторое время, именно во время празднования бракосочетания Марии Павловны, он исправлял должность обер-церемониймейстера двора. В 1824 г. получил отпуск (в Рязанскую и Тамбовскую губернии), который потом по его прошению был продлен «до выздоровления».

Уваров имел хорошие средства: вместе с единственной сестрой он получил в наследство в Рязанской и Ярослав-

ской губерниях 500 душ, которые поделил с сестрою поровну, взяв себе худшую часть в Ярославле и в Касимовских песках; кроме того, ему принадлежали имения в Тамбовской и Московской губ. Уваров, по словам его сына, «у всех оставил по себе память честного и доблестного воина — солдаты его боготворили. Бескорыстие его и чувство собственного достоинства не позволяли ему принимать оклады и вознаграждения денежные (за раны)»; вдова его также не получала пенсии.

Уваров жил большею частью в селе Большая Екатериновка, Шацкого уезда, и занимался хозяйством; развел большой парк, устроил стеклянный завод, который успешно соперничал с известным Мальцевским заводом, и пр. О нем сохранилось воспоминание, как о хорошем хозяине, но строгом, подчас жестоком помещике, и как о «колдуне». Как человек образованный, он любил чтение и собрал значительную библиотеку. Он знал французский, немецкий и английский языки; интересовался живописью, архитектурой и особенно химией.

Загадочное «исчезновение» Ф. А. Уварова произошло 7 января 1827 г. У него остались два сына: 1) Александр, родившийся 11 января 1816 г., впоследствии полковник Гусарского великого князя Константина Николаевича (13 Гусарский Нарвский) полка, умер 30 марта 1869 г.; и 2) Сергей, родившийся 25 октября 1820 г.; как и старший брат, он сдавал офицерский экзамен в качестве экстерна в Пажеском корпусе, учился затем в Берлинском университете, «промовировал» на все 3 степени в Дерптском, где и получил в 1855 г. диплом доктора историко-филологического факультета.

В биографии Ф. А. Уварова отмечается, что у детей его не сохранилось никаких рукописей или бумаг отца — все это куда-то исчезло. После него некоторые книги перешли в частные руки, причем удалось еще найти: повестку

от двора, вызывавшую Уварова для представления государю за несколько дней до «исчезновения», и ручной типографский шрифт Александровского времени; а внуку его попался устав какого-то тайного общества, который и был им уничтожен. Так как Уваров не числился среди декабристов и ни в какой опале после 14 декабря 1825 г. не состоял, то под уставом «какого-то» тайного общества вероятнее всего скрывается указание на масонскую ложу.

Мы видели, что о причине, заставившей Уварова лишить себя жизни или исчезнуть, Булгаков в своем письме очень глухо сообщает: «стоило ли труда заварить кашу, начать процесс и оттого только, что велено ему дать законный ход, посягнуть на себя». Вдова же Уварова в официальной переписке заявляет более определенно, что, зная образ мыслей своего мужа и его поступков, считает «главнейшей причиной», понудившей его лишить себя жизни, подачу государю прошения, где он просил о рассмотрении духовного завещания, сделанного «преступным братом» ее Луниным, коим она устранена от наследования после него имением: по словам жены, Уваров думал, что своим прошением он подал повод к подозрению его в корыстолюбии, «чувстве, совершенно ему несвойственном», чем боялся потерять в глазах государя хорошее мнение о себе.

Здесь речь идет о духовном завещании подполковника гвардии, декабриста Михаила Лунина, родного брата Е. С. Уваровой, который завещал родовое имение в Тамбовской губернии своему двоюродному брату Николаю Лунину с тем, чтобы он в течение 5 лет «непременно» уничтожил в наследуемом имении крепостное право «над крестьянами и дворовыми людьми», впрочем, «не касаясь земель и угодий», кои «без всякого раздробления» должны перейти к одному из сыновей по смерти Н. Лунина. Уваровой братом назначалась только пожизненная пенсия в 10 т. руб. ежегодно. Как декабрист, М. Лунин был осужден и утратил

свои права. Именно это завещание и оспаривал Ф. А. Уваров своим обращением к власти. Когда делу был дан законный ход, Уваров, выйдя однажды из дому, бесследно исчез. Его жена продолжала хлопоты о признании завещания брата незаконным, ссылаясь на то, что оно вынуждено правилами тайного общества, и оглашение этого завещания «может породить вредные толки», и что оно вообще противоречит законному «общему порядку». В конце концов Комитет Министров признал завещание М. Лунина недействительным, постановив имение передать тому, кто «по наследству» имеет ближайшие законные права. [55]

Некоторые наблюдения заставляют думать, что Уваровой об исчезновении мужа было известно более, чем она старалась показать. Ссылка ее в официальном документе на то, что «главнейшей причиной» исчезновения мужа было павшее на него подозрение в корыстолюбии — неубедительно и страдает недоговоренностью; выражение «главнейшая» причина предполагает существование какой-то и другой причины, в бумаге не указанной. Не напрасно князь П. А. Вяземский писал, что «объяснительной причины к исчезновению его никто придумать не мог», — очевидно, Уварова что-то скрывала. По мнению одного лица, знавшего лично С. Ф. Уварова и его сына (врача М. С. Уварова), «старик Уваров, как и его мать, знали тайну, но не любили об этом говорить, и никому ее не открыли». Очень странно, что после Ф. А. Уварова у детей не сохранилось никаких писем или бумаг отца — «все это куда то исчезло». Не оказалось даже и его портрета, словно чья-то тщательная рука уничтожила или скрыла его от сличения с оригиналом, может быть, исчезнувшим, но не погибшим.

По семейным преданиям, исчезновение Уварова объяснялось трояко: 1) было предположение, что он утонул в Неве, 2) что бежал в Америку, и будто бы туда ездила

к нему Е. С. Уварова, и 3) что он был тем «таинственным» старцем Даниилом, «которого знали в Сибири многие декабристы».

Первое предположение очень сомнительно потому, что тела утопшего Уварова так и не нашли, что — непонятно: погибший был блестящим офицером, и для поисков его были, конечно, приняты все меры. Кроме того, тот же князь П. А. Вяземский, писавший об этом событии много позже, повторяет в сущности прежнюю неопределенность мнений: «никто не знал, кажется, и ныне не знает, куда девался он, как кончил и покончил ли с жизнью своей».

Второе предположение вызвано, вероятно, тем, что Е. С. Уварова почти ежегодно летом после 1832 г. ездила с сыновьями заграницу.

Третье предположение, по моему мнению, скрывает в себе зерно правды, только Федор Уваров был не Даниилом, а Федором Козьмичем. Это вытекает из следующих данных.

Старец Даниил, по отчеству Корнилович, а по фамилии Делие, происходил из казаков. Семья его проживала в Полтавской губ., в м. Новые Сенжары, Кобелякского уезда. Даниил родился 12 декабря 1784 года. Принятый в 1807 году в ратники, он после двухлетней службы был назначен в артиллерию, где в батарейной школе в два месяца выучился грамоте. Он участвовал в Бородинской битве, а также в военных кампаниях 1813—1815 годов. В 1820 году он, получив трехдневный отпуск, явился проститься с родными навсегда. «Более не ожидайте моего прихода в дом», сказал он, «куда нибудь залезу в щель, как муха, и там век доживу». Представленный за 17-летнюю службу к офицерскому чину, он отказался нести даже военную службу, высказав твердое решение вести «пустынножительскую» жизнь. По приговору военного суда он был сослан на работы в Нерчинские рудники. В Сибири Даниил был назначен «на вечную

явится къ чему на службу я осмѣли-
ваюсь прибегнуть къ вашему высокопревосходительству....

Зная безпримѣрную благость Государя
Императора я осмѣливаюсь льстить себя
надеждою что Ему угодно может быть....

вашего высокопревосходительства

Милостиваго Государя

Тамбовской Губернии покорнѣйший слуга
Города Шацка

иго 1824 года майя 30 дня Ѳедоръ Уваровъ

Автограф Ф. А. Уварова

работу» в Боготольский винокуренный завод, Томской губ Но после тяжелых испытаний, «по неспособности к работам» был освобожден и поселился в Ачинске. Последние же годы провел в д. Зерцалах, где жил и Федор Козьмич. Даниил пользовался большой популярностью среди населения и умер 15 апреля 1843 г. [56].

Совершенно точная справка о происхождении Даниила отнимает, как видим, всякую возможность отождествления его с Уваровым. Однако эта догадка или семейное предание, быть может, выйдя из хорошего источника, ставила поиски на верный путь.

Наше предположение, что Федор Александрович Уваров окончил свою жизнь в Сибири Федором Козьмичем получает под собой почву, если мы возобновим в своей памяти признаки, намеченные для определения личности загадочного старца. Согласно пунктам 1, 2 и 3, он вполне удовлетворяет требуемым признакам: бывший военный, принадлежал к составу офицерства одного из лучших гвардейских полков — кавалергардского, и был участником-очевидцем кампаний 1812—1813 гг., причем в 1814 году также участвовал в занятии Парижа, в котором прожил несколько дней. В согласии с п. 4, будучи камергером и и. д. обер-церемониймейстера двора, он имел прямое отношение к придворной жизни и мог хорошо, конечно, знать и придворные интриги. О том, что Ф. А. Уваров был масоном, имеется лишь косвенное указание, и в этом направлении необходимы дальнейшие поиски. Однако, следует отметить, что молва крестьян об Уварове, как о «колдуне», очень любопытна. Не указывает ли она на некоторые странности мистического характера, подобные видениям Федора Козьмича?

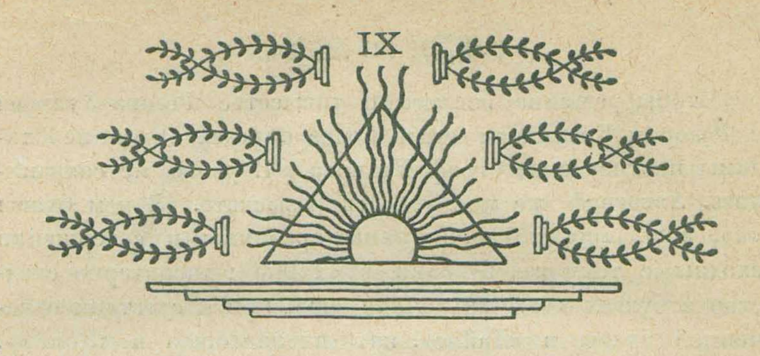
Уваров, как и Федор Козьмич, владел иностранными языками. Живя большею частью в имении, он слыл хорошим хозяином, прекрасно знакомым с сельским хозяйством, — черта

далеко не всем офицерам присущая, но совпадающая с представлением о Федоре Козьмиче. Вспыльчивость и даже обидчивость в характере — черты, равным образом свойственные обоим. Обнаруженные у Федора Козьмича в Красноуфимске «на спине знаки наказания кнутом или плетьми» не противоречат тождеству: рубцы от полученных Уваровым на войне ран, ошибочно могли быть приняты за следы от плетей, а раны у него, как свидетельствуют послужной список Уварова и письма его сына, действительно были. К сожалению, причина «исчезновения» Уварова или его душевного перелома, вызвавшего удаление в Сибирь, остается недостаточно выясненной. Но это обстоятельство не является возражением против нашей догадки, ибо оно говорит не о том, что причины никакой не было, а лишь требует дальнейшего выяснения, как все произошло, возможность чего не исключена дальнейшими изысканиями. В биографии Федора Уварова остается один период неизвестным, но за то же время мы не знаем ничего и о жизни Козьмича, хотя, ведь, он однако жил. С ним, точно так же, будь он и не Уваров, должен был случиться какой-то душевный перелом, который нам однако остается неизвестен. Уваров был дуэлист, искавший ссоры; в свое время он дрался даже с братом своей жены, слыл у себя очень жестоким помещиком, «угнетающим» своих крестьян. Кто знает, какие воспоминания могли тяготить его совесть, особенно если он был настроен мистически.

Имеется интересное указание, что в дневнике архимандрита Фотия найдена фраза: «сегодня благословил чадо Феодора на подвиг». Хорошо известно, что запись в «дневнике» датирована временем после 1825 г., но — когда именно, точно не удалось установить. Это указание очень важно. Невольно возникает вопрос: не об Уварове ли идет здесь речь? Не настаиваю на этом, за неимением точных данных.

Чтобы решение вопроса о тождестве Федора Уварова с Федором Козьмичем стало более определенным, необходимы портрет и автограф Уварова. Первого не сохранилось. Автограф же мне удалось разыскать. В нем буквы «к», «ш», «щ» по начертанию архаичны и совершенно сходны с теми же буквами в «Тайне»; характерно сходство в буквах «я». Архаичное «ж», при отсутствии означенной буквы в «Тайне», находит аналогию в «Копии», сделанной с почерка старца. Наконец, насколько мне кажется, общий характер почерков также сходен. К сожалению, при подобном сличении вполне опираться на приводимый автограф Уварова нельзя: он датирован 1824 годом и, взятый из прошения Уварова на имя министра финансов, писан, видимо, старательной рукой, а для сравнения желательно иметь автограф более поздний, ближе к 1827 г., и необходима бо́льшая непринужденность в письме.

Не скрываю от себя, что моя гипотеза об Уварове нуждается в дальнейшем подтверждении. Но построение ее показывает, что для отождествления с Федором Козьмичем вовсе нет необходимости обращаться к личности Александра I, и окружать ее необыкновенным ореолом нравственной высоты; и попрежнему справедливыми остаются слова генерал-адъютанта Плаутина который, незадолго до своей кончины говорил сыну: «Кто тебе скажет, что император Александр Павлович удалился в Сибирь, тот солжет, так как я в Таганроге сам клал его в гроб». [57]

Происхождение легенды.

Можно проследит, как возникла и развивалась легенда. По словам современников Александра I, с первых дней жизни императора народное воображение в некоторых стихийных явлениях природы склонно было видеть таинственные знамения о судьбе Александра I. Так, перед рождением его было большое наводнение в 1777 г.; при вступлении на престол оно повторилось, хотя и не столь сильно. «Из сего» ждали в судьбе Александра I «больших перемен». Вспыхнул пожар в церкви Преображения, здание охватило пламенем, а когда огонь потушили, оказалось все в целости: сгорели одне главы. Это дало повод к новым толкам. Появление кометы в 1811 г. с длинным хвостом казалось грозным вестником; поражала ужасом мысль, «что хвост ее обращен на Россию». Наконец, в 1824 г. — новое грандиозное наводнение, надолго памятное петербуржцам. Далее, в день выезда Александра I в Таганрог «видна была комета темная, лучи коей простирались вверх на большое пространство, потом заметили, что она летала, и лучи коей простирались к западу; к тому еще в одну ночь в октябре, пополуночи во 2 часу многие жители Таганрога видели над дворцом две звезды следующим порядком: сначала они были одна от другой в дальнем расстоянии, потом соединились и опять до трех раз расходились, после сего из одной звезды сделался голубь, сел на вторую звезду, и чрез корот-

кое время упал, и стало его не видно. Засим и вторая звезда постепенно исчезла. О комете государь спросил кучера своего Илию: Видел ли ты комету? Видел, государь, отвечал он. — Знаешь, что она предвещает? — Бедствие и горесть. Потом, помолчав, государь изволил заключить: Так богу угодно». [58]

Все это уже подготовило почву для возникновения легенды об «удалении Александра от мира» в Таганроге. Но при выяснении времени возникновения подобных слухов и содержания их оказывается, что возникли они не «тотчас у гроба» императора, а после 14 декабря; притом единичные слухи о том, что Александр I «жив», тонули в массе других слухов, утверждавших, что он пал жертвой заговора, что та же судьба ждет Константина Павловича и самого Николая I. Из 51 слуха Федорова Николай Михайлович привел только 15, «касающихся императора Александра», из них только 5 считают Александра I в живых, что по отношению к общей цифре 51—ничтожно. В письме «Евдокима», написанном летом 1826 г., и вообще не повторено слухов о том, что Александр I жив—знак, что к этому времени (после погребения императора) они уже прекратились [59].

После этого в развитии легенды наступил долгий перерыв.

При появлении в Сибири Федора Козьмича сначала говорили, что он беглый ссыльно-каторжный, и «молва, существовавшая между сибиряками об этом таинственном отшельнике, не признавала его за покойного императора Александра I». Смирнов, посетивший старца в 1858 г., в своей «Заметке» сообщает, что спустя лет 15, в 1870-х годах, уже после смерти старца Федора он впервые услышал в Томске от родственников Хромова «легковерное уверение» о необыкновенном величии этого старца отшельника, будто бы скрывающегося в тайне самого императора

Александра Павловича, но, добавляет он, легковерная молва держалась в ограниченном кругу родственников и близких знакомых Хромова. [60]

По мнению архиепископа Вениамина, служившего в Сибири с 1862 г. (за два года до смерти Федора Козьмича), Хромов «помешался на мысли, что Федор Козьмич, живший и умерший у него, был никто иной, как император Александр I. С этой вестью ездил он нарочно в Петербург, напрасно добивался аудиенции у покойного государя и у настоящего (писано в 1882 г.), принят не был, но был выслушан комиссией подачи прошений на высочайшее имя, особенно же сошелся он (по крайней мере, по его словам) с Победоносцевым, которому и отсюда шлет целые тетради о житии и чудесах Федора Козьмича, с доказательствами его царского достоинства».

Рассказы о том, что Хромов возил в Петербург икону и перстень старца, признанный будто бы за «пропавший в день смерти Александра I», и что Хромова посадили в Петропавловскую крепость, будучи проверены Николаем Михайловичем, оказались «выдуманными». Верен только факт приезда Хромова в Петербург, где он бывал по его собственным словам несколько раз за время 1858—1868 гг. По наведенной мною в архивных делах справке выяснились и причины его приезда: в 1857 г. он возбудил денежный иск в размере около 40.000 рублей к одной несостоятельной промышленной компании; в мае 1867 г. обращается с апелляцией в комиссию прошений на высочайшее имя по другому делу, и тоже о денежном взыскании. Ничего, что бы имело интерес по отношению к нашей теме, в делах нет.

Впрочем, сохранился след, что в октябре 1866 г. Хромов получил отказ в ответ на свое прошение на высочайшее имя: «о дав. личного объяснен.», как помечено во входящем журнале; но самого дела об этом не сохрани-

лось. Вероятно, здесь речь идет о «письме» Хромова Александру II (от 5 сентября того же года), где Хромов, ссылаясь на «невозможность изложить на бумаге слова передаваемые ему благочестивым старцем Феодором», принимал на себя смелость «дополнить» их в личной беседе. «Я могу передать их подробно изустно, и то лишь лично вашему величеству», писал он [61].

Легенда с течением времени расцветала, так что дважды, в конце восьмидесятых и в девяностых годах, возникало в департаменте полиции «секретное» дело «о некоем старике, о котором ходят в народе ложные слухи»; наводились справки по поводу того, что «в келье (старца) служат панихиды, имеется постель с надписью «Александр Благословенный», и такая же надпись имеется на каком то кресте», причем «в распространении означенных слухов о Козьмиче и портретов его заинтересован купец Хромов». Дело это привлекло участие обер-прокурора синода К. П. Победоносцева [62].

Распространение слухов и всяких листков о Федоре Козьмиче было запрещено, и самые издания такого рода были конфискованы. Но это не остановило распространения «ложных слухов». Варьируясь, легенда все более разукрашивалась досужей фантазией. Ходил следующий рассказ, будто бы слышанный от вагенмейстера полковника Соломки (свидетеля смерти Александра I) некиим Е. С. Арзамасцевым: «18 ноября 1825 года, поздно вечером, когда уже стемнело, государь позвал Соломку и приказал ему оседлать трех лошадей. Затем Александр I сел на одну из них, а на остальные две приказал сесть Дибичу и Соломке. Все втроем поехали за город и отъехали верст 7. Тогда государь остановился, сердечно попрощался с Дибичем и Соломкой, велел им вернуться назад, и строго приказал никому не говорить об этом. Сам же быстро поскакал вперед, пришпорил коня и скрылся в темноте».

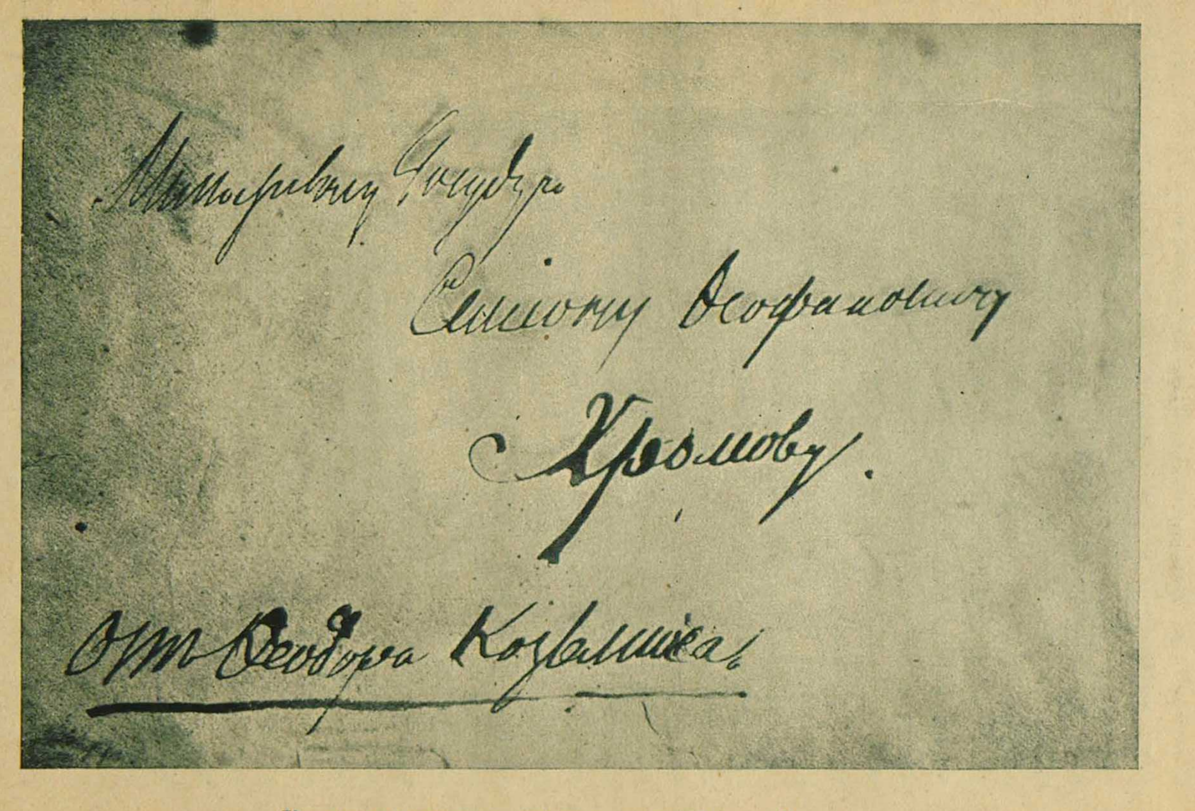
На эту версию, помещенную в «Колоколе», внук Соломки П. С. Соломко отозвался печатным заявлением, что «рассказы этого Арзамасцева чистейший вздор. Никогда мой дед не говорил этому неизвестному нам, да полагаем и ему, и не мог говорить тех вещей, какие ему приписывает г. Арзамасцев. В нашей семье, как драгоценная реликвия, сохраняется прядь волос императора, отрезанная по его кончине, и бювар, которым он пользовался в последние дни. Дед мой всегда с благоговением говорил об Александре I-м, и никогда в его речи не проскальзывало даже и намека на возможность, что под именем Александра I погребен кто-либо другой».

К этому заявлению в доказательство были представлены письма деда и его жены М. Н. Соломко.

Однако все это не рассеивало легенды, подобно тому, как существовавшее среди томичей предание о том, что тело Козьмича «тайно» увезено в Петербург, не было уничтожено вскрытием могилы старца (в 1903 г.), весьма реально обнаружившим в гробу «остов человека в виде серой массы», т. е. прах Козьмича [63].

Легенда о Козьмиче породила даже самозванство, о чем в адресованном ко мне письме говорится следующее:

«7 апреля н. с. 1897 г. я сел в Неаполе на пароход «Prinz Heinrich» Norddeutscher Lloyd'a и отправился в Шанхай вместе с ехавшим на этом пароходе из Бремена посольством князя Эспера Эсперовича Ухтомского, которому поручено было отвезти подарки государя Китайскому богдыхану, а в сущности заключить с Китайским правительством соглашение о проведении Сибирской железной дороги через Манчжурию, что становилось возможным благодаря договору об охране Китая Россией, заключенному графом Артуром Павловичем Кассини. С Ухтомским были отправлены: кавалергардского полка корнет (?) кн. Александр Михайлович Волконский, впоследствии военный агент в Риме,

Милостивому Государю
Семиону Феофановичу
Хромову.
Отъ Феодора Козмича.

Конверт с надписью, приписываемой Федору Козьмичу

гусарского его величества полка штабс-ротмистр (?) Степан Михайлович Андреевский, инженер путей сообщения Эмилий Карлович Циглер фон-Шафгаузен и чиновник министерства земледелия Лев Парменович Забелло. Не знаю, входил ли я оффициально в состав посольства, но на всех общих аудиенциях посольства я присутствовал... В конце апреля мы были в Сингапуре, где познакомились с нашим генеральным консулом Константином Васильевичем Клейменовым. Клейменов рассказал нам следующее: «здесь, в Сингапуре, за городом, в своей вилле живет загадочная личность, называющая себя Prince Alexander Tzar и выдающая себя за сына императора Александра I, прижитого им в Сибири, где он скрывался под именем Федора Козьмича. Самозванец этот появился здесь не очень давно; он несомненно еврей и, может быть, из Сибири; на острове Яве женился на дочери богатого голландского плантатора и в удостоверение своего высокого происхождения показывает посетителям золотую саблю, усыпанную изумрудами. Иногда очень нуждается и закладывает саблю. Я говорил губернатору, что это самозванец, и писал в наше министерство, но Tzar'а всюду принимают, как высокопоставленное лицо. Вам, как журналисту, — обратился он ко мне, — можно бы было его посетить. Во всяком случае — он тип любопытный». Я собирался это сделать и даже вырвал из адрес-календаря the Directory of the Straits Settlements лист с его адресом, который хранится у меня в архиве, но лихорадка, полученная мною еще в Байях от гнилой устрицы, схватила меня, и я не мог побывать у князя Александра Царя до отхода парохода. Обратно из Китая я ехал через Америку и никогда больше в Сингапуре не был. Вот все, что я знаю об этом загадочном самозванце. Вероятно, в Москве, в архиве министерства иностранных дел можно бы было найти донесение Клейменова из Сингапура за 1896 или начало 1897 г. об этой личности».

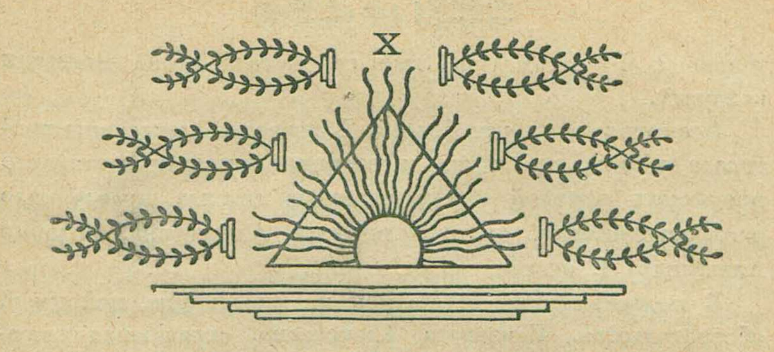
И в наши дни, в XX веке, легенда об Александре I не изжила себя. Достаточно вспомнить рассказы, с необыкновенными подробностями, о том, что гробница Александра I была якобы вскрыта и оказалась пустой! между тем как все это совершенно недостоверно и представляет плоды праздной фантазии. Слова убеждения и доказательства иногда бессильны перед этой потребностью верить легенде. Сибиряки в этом вопросе особенно ревнивы, порой изумляя исследователя неистребимой жаждой таинственного.

Быть может романтику или поэту жаль, что мистический туман, окружающий легенду, рассеивается при свете исторической критики, но для историка всегда ценно лишь — искание объективной исторической правды. Равно чуждый жалости и гнева, он должен совлекать таинственный покров с легенды, обнажая реальный исторический факт.

Не следует забывать, что если даже Александр I и действительно испытывал муки совести до гроба, то все же об искуплении своей тяжелой вины он никогда не думал, не говоря уже о том, что к отшельнической жизни аскета, без книг, без привычной работы, судя по его же словам, он и не был способен. Еще в самом начале своей болезни в Таганроге Александр I как-то признавался Елизавете Алексеевне: «Если бы я покинул свое место, я должен был бы поглощать целые библиотеки — иначе я бы сошел с ума».

Узоры народного предания о нем не есть картина действительного исторического прошлого. Они подсказаны нравственным сознанием, что царская порфира, забрызганная кровью отца, тяжело давила плечи Александру.

X

Предание о Елизавете Алексеевне.

Смерть Александра I оказалась роковым ударом для Елизаветы Алексеевны.

Уже в день его кончины среди окружающих возникло опасение за здоровье императрицы. В письме от 19 ноября об Елизавете Алексеевне сообщают, что «во время служения она стоит неподвижно над умершим, и когда запели «вечная ему память», то она едва на него не упала. Ходит, стоит по целому часу подле него и не спускает глаз. Ее положение опасно. Боимся, чтобы вместо одного мы двух гробов отсюда не повезли». Здоровье ее стало таять день ото дня. Казалось, она сама терзала себя воспоминаниями. 12 апреля П. М. Волконский писал Николаю I, что она приказала «переставить походную церковь в ту комнату, где покойный государь император скончался; может легко быть, что воспоминание горестного происшествия производит сие действие над ее величеством». 21 апреля Елизавета Алексеевна выехала из Таганрога в Петербург, через Калугу, где должна была свидеться с императрицей Марией Федоровной, выехавшей ей навстречу.

Но смерть постигла ее в г. Белеве, где 4 мая в шестом часу утра камер-юнгфера застала императрицу мертвою. Мария Федоровна, прибывшая в Белев

только к 10 часам утра, уже не застала своей невестки в живых.

Несмотря на то, что болезнь Елизаветы Алексеевны протекала у всех на глазах и ее явное угасание заставляло предвидеть роковой конец, возникла легенда, правда мало распространенная, будто Елизавета Алексеевна, подобно Александру I, «удалилась от мира».

В подтверждение ссылались на следующие, например, обстоятельства. Елизавета Алексеевна, страдавшая тяжелой болезнью, с переездом в Таганрог, несмотря на долгий и утомительный путь, как-то «неожиданно» быстро стала поправляться. Объяснение этого улучшения благотворным влиянием «нежной заботливости» и внимания к больной со стороны Александра I — не всех удовлетворяло; указывали, что оно было бы правдоподобно, если бы императрица страдала неврастенией, а не тяжелым физическим недугом, да и то «несколько дней» вряд ли могли бы оказать значительное влияние на ее здоровье. Сомневавшимся это казалось «странностью», точно так же, как и выражения из письма Елизаветы Алексеевны, через день после смерти Александра I писавшей о нем:

«Пока он здесь останется, и я здесь останусь; а когда он отправится, отправлюсь и я, если это найдут возможным. Я последую за ним, пока буду в состоянии следовать».

Несмотря на выраженное здесь намерение, она не сопровождала тела императора в Петербург, а осталась в Таганроге еще четыре месяца, между тем, как утверждает исследователь легенды об Александре I, «ее здоровье было вполне удовлетворительно», так что «она всем распоряжалась, ездила на панихиды» и пр., а потому надо считать «дальнейшую судьбу самой вдовы Александра настолько загадочной», что она, якобы, заслуживает особого исследо-

вания. В этих словах, очевидно, заключен намек на вышеупомянутую легенду об Елизавете Алексеевне.

Предание это сводилось к следующему.

В городе Белеве одна помещица получила уведомление, что государыня Елизавета Алексеевна, проезжая через Белев, имеет остановиться в ее доме. В назначенный день в 10 часов вечера царская карета остановилась у подъезда, и хозяйка встретила императрицу. Когда Елизавета Алексеевна вошла в зал, то «закрыла руками глаза» и сказала: «Свету слишком много... уменьшить». Тотчас погасили большинство свечей, оставив гореть только две. Затем, утомленная дорогой, Елизавета Алексеевна пожелала остаться одна. Хозяйка удалилась в другую половину дома и, не раздеваясь, прилегла на диван, но в 12 часов ночи была разбужена придворным чиновником, сообщившим: «Государыня скончалась». Усопшая императрица была уже переодета и положена на стол. Подойдя поцеловать руку умершей и вглядевшись в черты ее лица, хозяйка увидела, что она встречала не ту, которая оказалась покойницей... На другой день, в 10 часов утра, тело государыни увезли из Белева. «Спустя несколько времени после похорон Елизаветы Алексеевны, к томскому протоиерею Донецкому — по его словам — вечером приходит странница и просит переночевать. Входит она с котомкою на плечах. С первого взгляда хозяева заметили, что эта странница не из простого рода. Ее речь и манеры обличали в ней высокообразованную особу из высшего общества. Когда ей указали особую комнату, то она в присутствии хозяйки переоделась в другое платье, причем хозяйка не могла не подивиться, что у этой странницы белье, платки, полотенца и другие вещи были изящны и сложены в сумочке аккуратно и умело. Когда она стала пить чай, то высказала, что она давно не пила хорошего чаю. Во время чая она рассказывала много под-

робностей о придворной жизни и обнаружила свое высокое образование... Невольно после ее разговоров привелось спросить ее, кто она такая и что ее заставило странствовать. — Кто я такая, сказать не могу, а что я странствую, то на это божья воля, — отвечала странница. Кто такая была эта странница, осталось загадкой, а только она своим видом, манерами и рассказами поселила к себе высокое уважение и даже любовь. Тогда же у некоторых явилоль предположение, что это была императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I».

Минуя наивные несообразности этого рассказа, очевидные каждому, следует заметить, что в подтверждение его обыкновенно приводится рассказ о таинственной монахине Вере Молчальнице, действительно в 1840 — 60 годах жившей или подвизавшейся в Сырковом монастыре, Новгородской губ. Своего происхождения Молчальница не открыла. На вопрос о том, кто она, ответила: «Я — прах земли, но родители мои были так богаты, что я горстью выносила для раздачи бедным, а крещена я на Белых горах». Все ее приемы, ее внешность, изысканность, по словам очевидцев, свидетельствовали о принадлежности ее к аристократическому кругу. В тайну ее происхождения, видимо, была посвящена гр. Анна Орлова-Чесменская, «духовная дочь» архимандрита Фотия, принимавшая живое участие в таинственной монахине.

Вера Молчальница похоронена рядом с могилой игуменьи Александры (Шубиной), бывшей восприемницы императрицы Елизаветы Алексеевны, что, конечно, дало лишний повод для отождествления Молчальницы с Елизаветой Алексеевной. На надгробном памятнике Молчальницы сделана надпись: «Здесь погребено тело возлюбившей Господа всею крепостью души своея и Ему Единому известной рабы Божией Веры, скончавшейся в 1861 году мая 6-го дня, в 6 час. вечера, жившей в сей обители более 20 лет

в затворе и строгом молчании, молитву, кроткость, смирение, истинную любовь ко Господу и сострадание к ближним сохранившей до гроба и мирно предавшей дух свой Господу».

Не было недостатка в рассказах о том, что будто бы после смерти монахини Веры в ее келье был найден вышитый вензель, представлявший сочетание букв Е и А; что обнаружилось необыкновенное сходство между кельей Веры и Федора Козьмича и т. д. Подобные указания должны были намекать на тождество Веры Молчальницы и Елизаветы Алексеевны.

Однако, происхождение таинственной Веры Молчальницы может быть совершенно точно выяснено, благодаря семейной хронике, написанной Николаем Сергеевичем Маевским.

Его дедом по матери был видный екатерининский вельможа Александр Дмитриевич Буткевич. Он был во втором браке женат на красавице Анне Ивановне фон-Моллер. Касаясь биографии деда, Н. Маевский очень живо рассказывает и историю «удаления от мира» Веры Молчальницы. Упомянув о втором браке своего деда, он продолжает:

«Говорят, на эту парочку молодых весь тогдашний Петербург любовался. У них родилось трое детей: сын Алексей и две дочери — Софья и Вера. Но непродолжительно было их счастье: взаимная ревность погубила его. Что было в действительности — сказать трудно; говорили мне те, которые слышали это от моего деда, будто он застал в спальне жены своей одного из своих товарищей (весьма впоследствии известного генерала, но кого именно, не упомню, а потому и называть не смею) и выкинул его за окошко. Но некоторые старые слуги наши, до смерти благоговейно преданные Анне Ивановне, уверяли меня, что это — гнуснейшая клевета, что ни прежде, ни после, она до самой смерти не оскверняла брачного ложа, а если позволила

себе кокетство, то потому, что до глубины души оскорбленная в своей любви и женском достоинстве охлаждением и явной изменою мужа, она кокетством и ревностью надеялась возвратить себе любовь его. Как бы то ни было, но только супруги расстались навеки и, не ограничиваясь этим, дед мой отрекся и от обеих дочерей, признавая своим только сына. Положение Анны Ивановны с тремя детьми и без всяких средств к жизни было поистине ужасное; своего у нее ничего не было, а дед мой о ней и дочерях и слышать не хотел. На их счастье вскоре вступил на престол император Павел, который по просьбе теток Анны Ивановны пожаловал ей маленькое имение в Лужском уезде...

«У нее росли не две барышни, а два земных ангела, две сироты живых родителей, неизвестно за что отверженные отцом и всем миром. С детства не знавшие ничего, кроме позора и горести, приобщенные к страданиям нежно любимой матери, они жили не для себя, а для других, и если не могли дать этим другим счастья, то довольствовались и тем, что облегчали их страдания. Смерть Алексея (сына) прекратила все отношения деда к его второй жене; о дочерях же своих от нее он, как я уже сказал, не хотел и слышать. Несколько лет спустя, почувствовав приближение смерти, Анна Ивановна через посредство знакомых стала умолять деда моего посетить ее на смертном одре и выслушать ее посмертные признания. Она клялась в своей невинности и поручала ему детей своих; но дед остался неумолим и не согласился даже присутствовать на ее погребении. По ее кончине он взял себе пожалованное ей императором Павлом имение; дочери его остались без крова и куска хлеба, но безропотно и беспрекословно подчинились родительской воле.

Не знаю, где провела Софья Александровна первые годы своего горького сиротства, но впоследствии она жила

в Троицко-Сергиевской лавре у старшей сестры своей Татищевой, и там же скончалась. Младшая сестра Вера Александровна, похоронив мать и ожидая изгнания из дома, сама из него скрылась неизвестно куда».

Автор «Воспоминаний» был ребенком лет 7—8, когда впервые услыхал о монахине Вере от своей матери, Любови Александровны, дочери А. Д. Буткевича от третьего брака.

«В одно из воскресений» — пишет он, — «тетка или ее муж — не помню, рассказывали, что полиция донесла губернатору, что в лесу в Валдайском уезде, в совершенно уединенной келье, вдали от всякого жилья проживает какая-то странница. Когда вошли к ней и потребовали ее документы, она бросила в топившуюся печь целую связку бумаг; на расспросы она отказалась отвечать, но написала, что зовут ее Верою Александровною и что говорить она не может потому, что наложила на себя обет молчания. Ее доставили поэтому в Новгород и, полагая, что имеют дело с сумасшедшею, подвергли освидетельствованию в губернском правлении; там на вопрос губернатора, кто она, она четким полууставом и славянскими буквами написала: «Я прах, я червь, ничто, земля, пред Богом же — что ты, то я». Не добившись ничего, ее для испытания отдали в Колмовский дом умалишенных; там она рисовала священные картинки, писала своим четким, красивым полууставом молитвы и разные изречения из священных книг. В Колмове, как и в губернском правлении, никто не слыхал ее голоса.

«Я был так занят беседой с моими маленькими двоюродными братьями и сестрой, что не обращал ни малейшего внимания на разговоры старших, которых еще не понимал; не обратил бы я внимания и на этот рассказ, если бы мать моя не изменилась вдруг в лице так, что это стало заметно и мне. Помню, тотчас после обеда она увлекла свою сестру в отдельную комнату, и между ними произо-

шел какой-то очень оживленный разговор, потому что обе они вышли очень расстроенные и взволнованные, помню, как при прощании мать о чем-то умоляла тетку, а та успокаивала ее своими обещаниями. На другой день утром или в тот же самый вечер — не помню, мать позвала меня к себе и, поставив перед образом, торжественно объявила, что желает открыть мне великую семейную тайну. «Помнишь ли ты, Николаша, — спросила она, — что тетенька вчера рассказывала о той страннице, которую нашли в келье в лесу?» По моей глупой физиономии видно было, что я ничего не понимаю и не помню. Она повторила мне рассказ и, убедясь, что я его понял, сказала: «Помни, Николай, помни это, как завет мой, и не забывай во всю жизнь твою: эта странница — твоя родная тетка, а моя сестра Вера Александровна». С этих пор, забывая мой возраст, мать сделала меня поверенным всех тайн своей внутренней и духовной жизни, как мало я ни был способен понимать их.

«Тетка моя сдержала свое слово: Вера Александровна была переведена в Новгородский женский Сырков монастырь. Никакие убеждения не могли заставить ее произнести хотя бы одно слово; на все просьбы она писала: «молчание есть вечное Христу предстояние». Столь же безуспешны были и попытки уговорить ее постричься. Единственною уступкою было то, что она, нося постоянно белое платье и белый трехэтажный чепец, какой носила моя прабабушка, изменила цвет своего одеяния на черный, не изменив покроя: те же старомодные капот и чепчик, только черные, носила она до своей смерти. В церкви она стояла всегда на клиросе и пела, но так тихо, что голос ее могли расслышать только рядом стоявшие с нею монахини, но и тем ни разу не пришлось расслышать ни одного слова. Взятая под особое покровительство графини А. А. Орловой, Вера Александровна не нуждалась ни в чем, имела свою

келью и послушницу, которая ей прислуживала. Впоследствии слух об ее подвижничестве сделал ее предметом особого почитания как в самом монастыре, так и за его стенами; к ней приходили толпы богомольцев, прося ее благословения; одних она наделяла сухариками, которые сама сушила из монастырского хлеба, другим, особенно излюбленным, давала собственноручные записочки с изречениями из священного писания.

«Мать моя, сделавшаяся по образу жизни совершенной монахиней, скончалась в 1852 г. 19 ноября. Тихо и спокойно шла, между тем, жизнь Веры Александровны и только однажды была прервана болезнью — горячкою; в бреду она говорила, рассказывала про свое детство на берегу Полы, про богатство своего деда. Прошла болезнь, и уста Молчальницы снова закрылись и — уже навеки. Но она не чуждалась общества монастырских сестер, которые окружали ее любовью и всевозможными попечениями...

«С жизнью этой замечательной женщины не прекратилось почитание: многочисленные богомольцы посещают ее могилу до сих пор и служат над нею панихиды. Многие ее почитатели имеют у себя портрет ее, снятый уже после смерти. Когда и я, при обязательном посредстве матери Лидии, игуменьи Новгородского Звериного монастыря, получил копию этого портрета, то был поражен: в полумонашеском оригинальном одеянии в гробу лежит как бы моя мать».

Таким образом, загадочная монахиня, жившая в Сырковом монастыре, была Вера Александровна Буткевич, действительно принадлежавшая к богатой аристократической семье. Любопытно, что представителям этого рода вообще была свойственна склонность к религиозному мистицизму, многие из них кончали свои дни в монастыре или лавре. Прадед Веры Александровны М. И. Буткевич, «полковник петровских дружин», скончался схимником

в Киево-Печерской лавре и с той поры «как будто наложил какую-то печать религиозности на все свое потомство».

С раскрытием «тайны» происхождения Веры Молчальницы падает, конечно, всякая возможность отождествления с нею Елизаветы Алексеевны, а, следовательно, и почва для легенды [64].

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ АЛЕКСЕЕВНЫ.

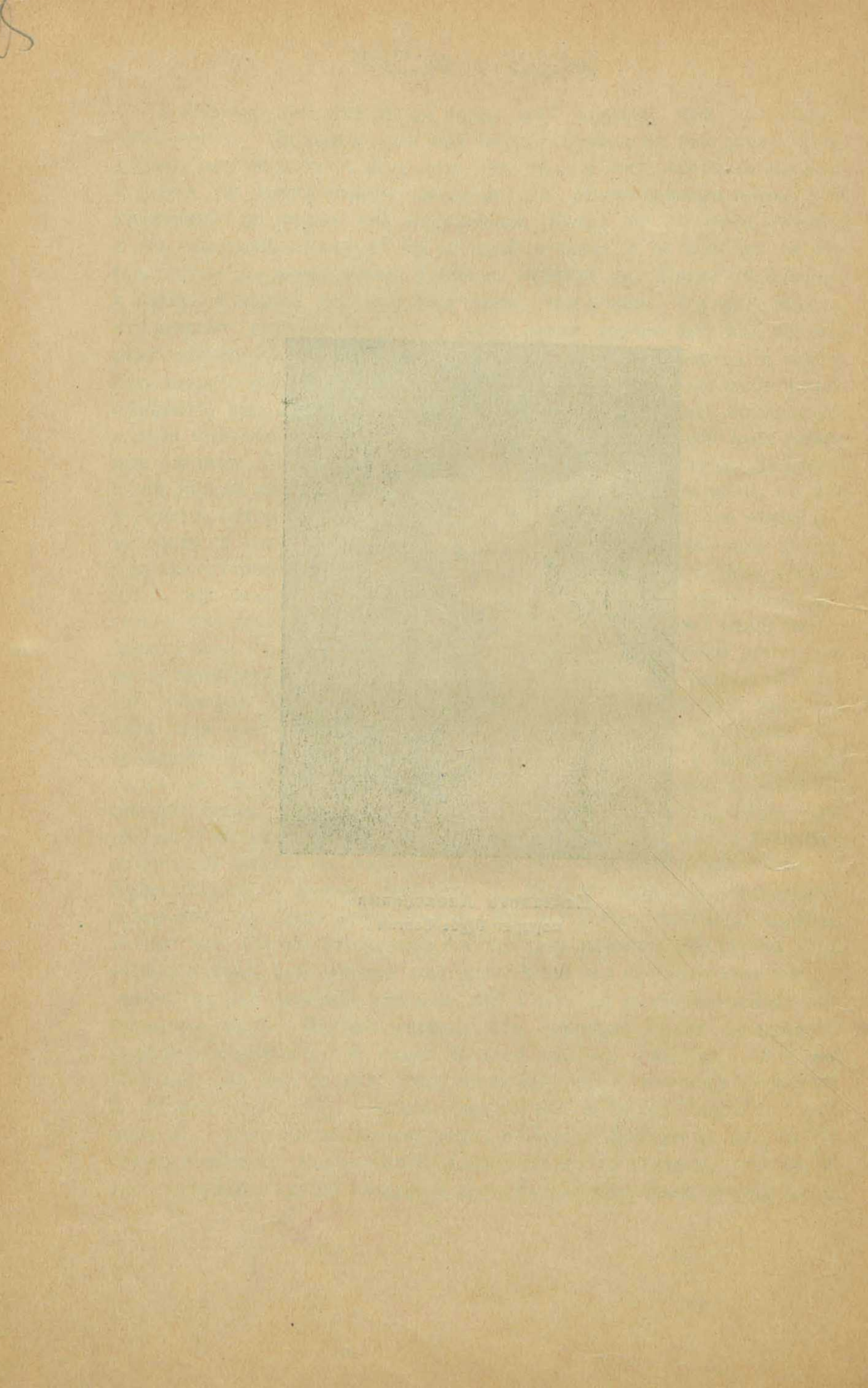
«Он вернулся из своего путешествия в Крым в четверг, *5 ноября*, около семи часов вечера. Так как он, против обыкновения, запоздал придти ко мне, мне пришла мысль, что он мог приехать больной. Я почувствовала смутную тоску и грусть и, увидя плошки, которые иллюминовали улицу так же, как при его возвращении из Черкасска, я сказала себе с грустью: «Он наверно уедет отсюда еще раз, но не вернется больше».

Когда он вошел, моим первым вопросом было: «Здоровы ли вы?». Он сказал, что нездоров, что у него уже второй день лихорадка, и он думает, что схватил крымскую лихорадку. Я его усадила; у него был жар. Он мне сказал, что полковник Соломко и лакей Евстифеев заражены ею тоже. Он приписывал причину своей болезни кислому сиропу из барбариса, который он пил в Бахчисарае, когда у него была сильная жажда. Он думал, что этот напиток причинил ему понос, который его так ослабил, что он стал более восприимчив к лихорадке. Он говорил, что после первого приступа не предупредил Виллие и что он послал за ним только после второго. Тот дал ему пунш и в течение дня озноба не было. Он велел принести себе чаю с лимоном и, когда доложили о Виллие, он пригласил его войти, чтобы сказать ему, что он себя чувствует довольно хорошо и что его не знобит, но у него жар. Я без труда уговорила его идти раньше спать, хотя он более получаса рассказывал о своем путешествии. Уходя и пожелав мне доброго вечера, он прибавил: «я очень рад, что видел вас». Получив известие о смерти короля Баварии, он мне писал, что его беспокоит, какое действие произвело оно на меня, и что он не успокоится, пока меня не увидит.

В пятницу 6-го, утром, он велел мне сказать, что он хорошо провел ночь. Он пришел ко мне около 11 час.; он был желт, имел дурной вид и казался больным. Он сел, я ему показала письма, которые он хотел видеть накануне; мы разговаривали о том, что произошло во время его отсутствия. Когда он от меня уходил, я его спросила, может ли он со мной обедать, и не стеснит ли это его. «Это для меня очень удобно», отвечал он. Когда он пришел к обеду, я нашла его вид еще хуже, чем утром. Он мне сказал, что просит позволения встать из-за стола тотчас же, как кончит свой скудный обед, потому что у себя он закутывается в шубу. Ему подали суп с крупой; он его съел и сказал: «у меня более аппетита, чем я думал», затем подали лимонное желе, которое он только попробовал и сказал метрдотелю, что он делает желе слишком сладким. Он встал из-за стола. Около 4 часов прислал за мной; я его нашла на диване; он мне сказал, что, войдя к себе, он лег и заснул, затем он хотел работать, но так утомился, что встал из-за стола и хотел отдохнуть и попросил меня взять мою книгу. Так он оставался некоторое время молча, он не спал. Мы вспомнили, что мы накануне годовщины наводнения и высказали надежду, что этот год, в отношении наводнения, кончится счастливее. Между тем, чувства какой-то тоски и несчастия давили меня. Он велел принести огня раньше, видя, что мне трудно читать. В 5 часов Федоров доложил о Виллие. Он едва услыхал, так как его слух стал особенно туг. Он заметил это сам, но приписал это лихорадке и говорил, что у него было то же самое в первые дни, когда он болел рожей. Он упрекал своего камердинера, что тот говорит тише, чем обыкновенно, тогда как сам слышал хуже, чем всегда. Он велел позвать Виллие и просил его также говорить громче. «Я ничего не слышу», сказал он, — «as dief as post, как говорит Парланд», весело прибавил он. Виллие попросил его принять лекарство, он долго отказывался. Виллие хотел, чтобы он принял тотчас же. Он же отговаривался, обещая принять на другой день утром, тотчас, как захотят ему дать. Если же принять сегодня вечером, то это прервет его сон, тогда как он надеется спать, как прошлую ночь. Виллие уверял, что действие будет до ночи, и упрашивал принять. Я сзади Виллие глазами умоляла о том же. Наконец, он мне сказал: «вы соглашаетесь с мнением Виллие?» Я сказала: «да». «Ну, хорошо», сказал он, и Виллие пошел делать пилюли... Они были готовы через полчаса. Виллие их нес, в это время вошел кн. Волконский. Двух пилюль не хватало, они скрылись в рукаве, где их нашли, и шутили над искусным похищением.

Елизавета Алексеевна
портрет Vigée Lebrun

Мы оставались одни до 7 час. вечера, когда он мне сказал, чтобы я его оставила, так как приближается действие лекарства. Я ему сказала: «Я вас увижу?». — «Да, сегодня вечером». Но так как он не присылал за мной и позже 9 ч. веч., я велела позвать Виллие, который мне сказал, что лекарство хорошо подействовало, и что он после заснул и еще спит. Виллие начал весело болтать, наконец, я ему поручила сказать ему, если он его увидит по пробуждении, что поздно и я легла спать; затем я простилась с Виллие. Действительно, он спал на диване до полуночи и проснулся только, чтобы перейти в кровать.

В субботу 7-го, он пришел ко мне между 11 и 12 часами и сказал мне, что он себя чувствует лучше: вчера чувствовал особенную тяжесть, а вечером, когда просил меня его оставить, то говорил это, не только ожидая действия лекарства, оно было только через 20 мин., но потому еще, что чувствовал какое-то тоскливое беспокойство. «Мне было бы стыдно, если б меня увидели в этом состоянии: я не знал, куда деваться». Он сознался, что пилюли ему помогли. Он был попрежнему желт, но более весел. Мы занялись раковинами, которые я собрала; затем, он сказал, чтобы я шла гулять, а он будет заниматься. Я уговаривала его меньше работать, потому что вчера ему из-за этого стало плохо. Он отвечал: «Работа настолько сделалась моей привычкой, что я не могу без нее обойтись, и если я ничего не делаю, то чувствую пустоту в голове. Если бы я покинул свое место, я должен был бы поглощать целые библиотеки — иначе я бы сошел съума». Когда я вернулась с прогулки, он мне прислал последнюю записку, предлагая мне присутствовать за его обедом. Я прибежала. Он кушал суп с крупой и сухую кашу с бульоном. Он продолжал принимать слабительное; после своего скромного обеда он походил по комнате и остановился у одного из комодов, где привел в порядок пакеты, готовые к отправке, но через некоторое время он мне сказал: «вам придется скоро меня оставить, потому что мое лекарство действует, мой желудок не может ничего больше держать». Он послал меня обедать. Между 3 и 4 часами он пришел ко мне и нашел меня лежащей на том диване, который он устраивал для меня и из которого я себе сделала кровать. Я ему сказала, что скорее ему следует лежать, нежели мне, и уговаривала его лечь. С минуту он поколебался, затем сказал, что сейчас пойдет спать к себе. Мы немного поговорили. Он встал и сказал: «Я пришел узнать, почему вы не пошли гулять, после обеда была такая хорошая погода». Я ему сказала, что дышала воздухом у окна, и что

у меня было два удовольствия: слушать шум моря и звон прекрасного колокола из греческой церкви Константина и Елены. Я описывала ему с таким жаром красоту звуков этого колокола, что он мне сказал, улыбаясь: «Вы увидите, вам так тут понравится, что вам трудно будет уезжать». Около 7 часов он прислал за мной. Я нашла его раздетым, в домашнем костюме, и лежащим на диване. «Что с вами?» спросила я. Он мне сказал, что лекарство на него подействовало до боли в желудке, что он надел фланелевый пояс, и что Виллие дал ему чаю, и теперь он чувствует себя хорошо. Он был весел, я принесла ему рисунок и план, который Шарлемань сделал с нашего дома, чтобы послать императрице матери. Он просмотрел его, а также и объяснения, которые я сделала письменно, одобрял или критиковал и делал поправки. Он сказал: «Это доставит удовольствие моей матери, она покажет этот план тому или другому». Я ему принесла также модные журналы, присланные во время его отсутствия. Он был в духе, еще веселее, чем накануне, и много говорил. Я ему рассказала о впечатлении, которое сделали клавесины полковника Фредерикс на калмыков. Он смеялся и сказал: «Ну, хорошо, вы можете доставить себе это удовольствие, когда они придут с вами прощаться. Скажите им что вы узнали, что они любят музыку, и сыграйте им что-нибудь». Но затем мы решили, что это в их глазах будет несогласно с моим достоинством, и он посоветовал мне попросить сыграть князя Волконского, чтобы вызвать у них то же радостное впечатление, которое они испытали у полковника Фредерикс. В 9 час. вошли Виллие и князь Волконский. Виллие спросил, как он себя чувствует. Он сказал: «хорошо». Между тем, Виллие нашел у него жар и сказал, что наверно он слишком много работал после обеда. «Это необходимость и это меня успокаивает», отвечал он. Князь Волконский сказал, что назначенный на завтра в клубе бал отменяется из-за траура при дворе. Он возражал. Вошел генерал Дибич. Еще в его присутствии он приказал сделать некоторые поправки в рисунке дома. Когда эти господа ушли, и мы остались одни, он вскоре пожелал мне доброй ночи и поднялся, чтобы я могла его поцеловать в затылок.

В воскресенье 8-го, он велел меня позвать раньше, чем я пошла к обедне. Он сказал, что ночью у него был жар, между тем он был одет. Вскоре я пошла к обедне, а после вернулась к нему. «Погода слишком дурна для вашей прогулки», сказал он (будет буря), я согласилась с удовольствием. Он рассказывал, уже второй раз по своем возвращении, о дьяконе из Черкасска. Мы говорили о том, что де-

лалось в городе во время его отсутствия и что делалось согласно его намерениям для украшения города. Я сказала, что работали с усердием. «Это славные люди!» сказал он. Немного спустя он меня попросил оставить его. И послал за мной снова, чтобы я присутствовала за его обедом. Обед состоял из стакана яблочной воды с соком из черной смородины. Перед тем, как пить, он перекрестился, как будто садился обедать. Отпил половину, ему понравилось, и он послал за Виллие, чтобы спросить, оставить ли половину на ужин, или тогда ему дадут второй стакан. Виллие сказал, что если он хочет, то ему дадут еще стакан. Тогда он мне сказал, что это как раз то, что ему нужно, что он случайно нашел запас этого питья у князя Волконского, получившего его от своей сестры, а та, в свою очередь, получила в дороге от своего знакомого. Он слышал, что это питье очень полезно при этой болезни. Около 2 ч. он меня послал обедать, между 5 и 6 часами прислал за мной и сказал, что посылает в Петербург курьера, и дал мне для этого распоряжения. У него был очень больной вид, был жар в голове. Я пошла исполнить его распоряжения и сообщила о сделанном. Он сказал: «Хорошо, отошлите ваши пакеты генералу Дибичу и, когда вы кончите, возвращайтесь». Я вернулась около 7 час., ему было лучше. Я ему принесла вчерашние газеты, которые его заинтересовали, и он меня просил принести продолжение. Я ему сказала: «Раньше у вас был такой больной вид, что мне было тяжело на вас глядеть. Сейчас вы выглядите лучше». — «Да, я чувствую себя лучше», сказал он. Потом он снова начал читать газеты, я также читала. Затем он приготовился спать и лег с таким хорошим видом, что приятно было смотреть, улыбнулся и заснул. Он спал таким образом около 2 час., спокойно и сладко дышал. Он проснулся только один раз и посмотрел вокруг себя с таким выражением лица, которое я приняла за веселое и которое я видела позже, в ужасные минуты [65], — и опять заснул, улыбаясь. Камердинер вошел, чтобы доложить о Виллие, но он спал так хорошо, что его не будили. Наконец в 9 час. он проснулся. Вошел Виллие. — «Как вы себя чувствуете?». — «Очень хорошо, спокоен и свеж». Виллие сказал: «Вы увидите, что будет испарина». Немного поговорили и уговорили его лечь спать. «Мне так хорошо здесь», говорил он. В то время, как я уходила, чтобы дать ему возможность лечь, он мне сказал: «Возьмите газеты, завтра принесете мне остальные». В 6 часов я велела позвать Виллие и спросила его, лег ли он. Он мне ответил, что не мог уговорить его лечь в кровать, что он улыбался и все говорил: «Мне очень хорошо здесь». Но что сей-

час он перешел в кровать. Ночью, действительно, был хороший, обильный пот.

В понедельник 9-го, Стофреген мне сказал, что болезнь можно считать пресеченной, что если лихорадка вернется, то она примет перемежающуюся форму и скоро кончится, и что я могу написать в Петербург, что болезнь проходит. Я виделась с ним перед уходом, и затем он послал за мной к обеду. Ему подали овсяный суп, он сказал, что у него есть аппетит и что это в первый раз после 3-го. Хотя он нашел суп слишком густым и разбавил водой, но съел с аппетитом, а после съел сливы. У него даже было желание съесть больше, но он сказал: «Нужно быть благоразумным». Немного погодя он мне предложил идти обедать, «а я, как благоразумный человек, пойду отдохнуть после обеда». Между 6 и 7 часами он послал за мной, чтобы я принесла газеты. «Вы приносите мне игрушки, как ребенку», сказал он. Он прочел последние, но был болен, у него был жар. Я читала, ожидая его, воспоминания m-me de Genlis, при чем он предложил мне несколько вопросов. В Петербурге он меня просил взять эти книги, имея в виду их прочесть. Я ему сказала, что это чтение такое легкое, как будто бы нарочно создано для больных. «Может быть, завтра», сказал он. Вечером он неожиданно спросил меня: «А почему вы не носите траур по короле Баварском». Я ему сказала, что сняла по случаю его приезда, а после мне не хотелось больше надевать, но если он хочет, я его надену завтра.

В среду 10-го он должен был принять утром лекарство. Штофреген два раза приходил, чтобы дать мне сведения о действии (лекарства) и сказал при этом, что он так ослаб, что ему нехорошо. Я не удивилась, что он за мной не посылал, так как знала, что он не любил, чтобы его беспокоили во время действия лекарства. Я ходила гулять, вернулась, кончила обед. Он все еще за мной не присылал. Мне стало тоскливо, я послала за Виллие, тот пригласил меня войти к нему. Я нашла его лежащим в уборной на кровати с очень горячей головой. Увидя меня, он, однако, сказал: «Я не посылал за вами сегодня потому, что я провел ужасное утро из за этого противного лекарства, мне было тошно и нужно было постоянно вставать, из-за чего я сильно ослаб». Окно было открыто, он заметил, что была хорошая погода; «12° тепла в ноябре!» сказал он Виллие. Но вскоре он впал в тяжелую дремоту и дышал тяжело. В первый раз я увидела опасность. Я провела с Виллие 2 или 3 тяжелых часа у его кровати. Я видела Виллие растроганным и очень серьезным; однако, он сказал: «Вы увидите, что будет сильный пот»; — и он

был, но дремота продолжалась и была так сильна, что он не чувствовал, как Виллие часто обтирал ему лицо.

Немного погодя, он, однако, пришел в себя и взял платок, чтобы вытереться, говоря: «Благодарю вас, я это сделаю сам. У вас нет с собой книги», сказал он мне. Надо было его переодеть. Я ушла, но он послал за мной, как только ему переменили белье. Он лежал па диване в кабинете и удивительно хорошо выглядел для того состояния, в каком он был после обеда. У меня была с собою книга и я делала вид, что читаю, но наблюдала за ним. Он заметил, что я расстроена. Я ему сказала, что у меня очень болит голова, что рано закрыли печь рядом с моей кроватью. Это было верно, но лицо мое было расстроено от слез. Он спросил меня, кто закрыл печь, я назвала горничную. Он вошел в подробности того, как следует топить эту комнату. Он спросил меня, гуляла ли я; я сказала, что да, и рассказала ему, что встретила конных калмыков и что, узнав о его болезни, они хотели отслужить молебен о его здоровье. «Кстати», сказал он, «они хотят попрощаться с вами, я не могу принять их, примите их вы». «Когда?» спросила я. «Завтра, скажите это Волконскому». Пожелав ему спокойной ночи и обнимая его, я перекрестила его дорогой лоб. Он улыбнулся.

В среду 11-го, он велел мне сказать, что провел ночь спокойно. Я пригласила калмыков в 11 час. Он просил меня через князя Волконского зайти к нему. Он выглядел довольно хорошо, показал мне стакан с уксусом и альпийской водой, которые приготовил Виллие для обтирания лица. Он сказал, что это наслаждение, потом спросил, что мне сказали калмыки, и велела ли я им сыграть. Я сказала, что нет, что мне нужно было их поблагодарить за их молитвы о нем и что я их спросила, было ли это в первый раз, что они вошли в одну из наших церквей. Я хотела продолжать. Он меня более не слушал и напомнил своему камердинеру обтереть приготовленным уксусом лицо. Он меня просил уйти и вернуться перед прогулкой. Перед уходом я зашла к нему, он меня спросил, куда я думаю пойти. Я сказала, что мне хочется спуститься пешком с горы, чтобы пойти к источнику. «Вы там найдете казаков», сказал он: «они держат теперь своих лошадей в одном из пустых пакгаузов».— «Почему?» спросила я. «Они пожелали быть ближе». Он меня просил придти к нему после прогулки. Я пришла. Он спросил, выполнила ли я свой план прогулки. Я сказала: «да». — «Видели ли вы казаков?». — «Я только видела двух младших офицеров». Я ему сказала, что вчера, гуляя около карантинного здания, я была приятно удивлена и тронута, увидя, что садовник Грей украшал мое люби-

мое местечко. Я его спросила, не он ли сделал это распоряжение? Он отвечал таким добрым тоном, который у него часто бывал: «Да, так как теперь он не может работать с другой стороны» (на месте, где государь хотел развести сад, для чего именно он вызвал Грея), «я велел ему пока устроить ваше любимое местечко». Я поблагодарила. Он казался довольно бодрым, и голова была свежа. Он мне сказал, чтобы после обеда я шла гулять. Я просила его освободить меня от прогулки и уверяла, что я чувствую себя гораздо лучше дома и более спокойна, если могу быть с ним; я сказала это с некоторым волнением. «Будем благоразумны», сказал он. Он дал мне попробовать питье, в котором ему казался какой-то привкус, я почувствовала его также, и он мне сказал, что Егорович нашел то же самое. Вошел Виллие; он ему сказал про питье. Виллие утверждал, что этого не может быть. Вскоре вошел Стофреген. Он сказал при нем, указывая на меня: «Говорила ли она вам, что с ней было вчера?» Я не понимала, о чем он говорит. Оказалось, что он говорит о вчерашней топке печи. В два часа он послал меня обедать. Около 5 час. я послала за Виллие и спросила его о ходе болезни. Виллие был весел, сказал мне, что у него теперь жар, но что я могу туда идти, так как он в лучшем состоянии, чем накануне».

На этом записки императрицы обрываются.

ДНЕВНИК ЛЕЙБ-МЕДИКА БАРОНЕТА Я. В. ВИЛЛИЕ

5 ноября. Приезд в Таганрог. Дурная ночь. Отказ от лекарств. Он приводит меня в отчаяние. Страшусь, чтобы такое упорство не имело бы рано или поздно дурных последствий.

6 ноября. Император обедал у ее величества императрицы и вышел из-за стола. Федоров позвал меня из-за стола, чтобы объявить мне, что его величество имел испарину и непроизвольно, таково отвращение от медицины. После сопротивления он согласился, между 5 и 6 часами, принять дозу пилюль.

7 ноября. Эта лихорадка имеет сходство с эпидемическою крымскою болезнью. Приступы болезни слишком часто повторяются, чтобы я позволил себе утверждать, что это Hemitritaeus Semitertiana, хотя эта чрезвычайная слабость, эта апатия, эти обмороки имеют большое отношение с нею.

8 ноября. Эта лихорадка, очевидно, Febris gastriae biliosa; эта гнилая отрыжка, это воспаление в стороне печени, des presscordes, тошнота sine vomitu nec dolore pititer comprimendo, требует, чтобы главные каналы были хорошо очищены. Надо traire (?) печень. Я сказал Стофрегену.

9 ноября. Императору немного легче сегодня, но он с полною верою в Бога ждет совершенного выздоровления от недугов. Состояние viscera chylopoetica может в настоящий момент служить указанием на понос, так не кстати остановленный в Бахчисарае.

10 ноября. Начиная с 8-го числа, я замечаю, что что-то такое занимает его более, чем его выздоровление, и смущает его душу. Post hoc ergo propter hoc. Ему сегодня хуже, и Мюллер, по его словам, тому причина. Князю Волконскому, вследствие сего, препоручено побранить бедного Мюллера.

11 ноября. Болезнь продолжается; внутренности еще довольно нечисты; ructus, inflatio. Когда я ему говорю о кровопускании и слабительном, он приходит в бешенство и не удостаивает говорить со мною. Сегодня мы, Стофреген и я, говорили об этом и советовались.

12 ноября. Как я припоминаю, сегодня ночью я выписал лекарства для завтрашнего утра, если мы сможем посредством хитрости убедить его употребить их. Это жестоко. Нет человеческой власти которая могла бы сделать этого человека благоразумным. Я несчастный.

13 ноября. Все пойдет скверно, потому что он не дозволяет, не соглашается делать то, что безусловно необходимо. Эта склонность ко сну — очень плохое предзнаменование. Его пульс очень неправильный, слаб, и будет выпот без ртутных средств, кровопускания, мушки, горчицы, мочегонного и очистительного.

14 ноября. Все очень нехорошо, хотя у него нет бреда. Я намерен был дать соляной кислоты с питьем, но получил отказ по обыкновению. «Уходите прочь». Я заплакал, и, видя это, он мне сказал: «Подойдите, мой милый друг. Я надеюсь, что вы не сердитесь на меня за это. У меня свои причины».

15 ноября. Сегодня и вчера, что за печальная моя должность объявить ему о близком его разрушении в присутствии ее величества императрицы, которая отправилась предложить ему верное лекарство. Причащение Федотовым. Его слово после того.

16 ноября. Все мне кажется слишком поздно. Только вследствие упадка сил физических и душевных и уменьшения чувствительности удалось дать ему некоторые лекарства после святого причастия и увещаний Федотова.

17 ноября. От худого к худшему. Смотрите историю болезни. Князь (Волконский) в первый раз завладел моею постелью, чтобы быть ближе к императору. Барон Дибич находится внизу.

18 ноября. Ни малейшей надежды спасти моего обожаемого повелителя. Я предупредил императрицу и кн. Волконского и Дибича, которые находились: первый у него, а последний внизу у камердинеров.

19 ноября. Ее величество императрица, которая провела много часов вместе со мною одна у кровати императора все эти дни, оставалась до тех пор, пока наступила кончина в 11 часов без 10 минут сегодняшнего утра. Князь (Волконский), барон (Дибич), доктора, дежурные de vita aeterna gauderi spero.

20 ноября. Как скоро его величество скончался, даже до того, некоторые лица удостоверились в вещах, и в короткое время бумаги были запечатаны; обменивались замечаниями зависти, горечи об отсутствующем.

22 ноября. Вскрытие и бальзамирование, которые подтверждают все то, что я предсказал. О, если бы я имел его согласие, если бы он был сговорчив и послушен, эта операция не происходила бы здесь!

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ И ПОСЛЕДНИХ МИНУТ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I, ОСНОВАННАЯ НА САМЫХ ДОСТОВЕРНЫХ СВЕДЕНИЯХ [66]

Путешествие в Крым, повлекшее такие роковые последствия, было весьма приятным для августейшего путешественника. После нескольких дождливых дней с густым туманом, 20 октября настала великолепная погода. Император выехал из Таганрога в 8 час. утра Верст за 100 от города дорога оказалась совершенно сухой и даже пыльной. По приезде в Крым, 25 и 26 октября государь осматривал южный берег, которым был очарован; в особенности радовало его приобретение Орианды; он решил построить на этом месте дворец по проекту архитектора Эльсона, с утверждения императрицы, для которой предназначалось это владение. 27 октября государь выехал из Алупки, простившись с графом Воронцовым на три недели, по прошествии которых он должен был возвратиться в Таганрог. Проездом через Балаклаву государь закусывал у Ревельотти, потому что повара и прислуга его были далеко. Вечером, в тот же день, оставив свиту на большой дороге, он отправился один, верхом, осматривать монастырь св. Георгия, не дозволив никому сопровождать себя; он решительно отказался от бурки, которую ему предлагали, несмотря на то, что погода изменилась: подул холодный и пронзительный ветер при сильном тумане и сырости. Утром государя разогрело палящим солнцем. По дороге в монастырь приходится спускаться в пропасти, и выезжая из них, взбираться на горы. Это был роковой момент — здесь государь простудился. Приехав к вечеру (pour coucher) в Севастополь, государь утро 28 октября посвятил осмотру города, казарм и госпиталей; в одних была нестерпимая жара, в других, недостроенных и без оконных переплетов, его при входе охватывало сквозным ветром; наконец, в довершение всего, государь, выйдя из одной душной казармы. сразу сел в лодку, как был, в одном мундире, не соглашаясь ни за что надеть шинель, и поехал осматривать военный корабль. По возвращении на берег он завтракал вместе с адмиралом Грейгом

в палатке. После обеда он осматривал другие части города. На другой день, 29 октября, он посетил арсеналы, порты и другие сооружения. Так как он не хотел принимать мер против простуды, то болезнь при таких условиях свободно развивалась, тем более, что он вовсе не берег себя, особенно проездом через Бахчисарай, который объехал верхом, осматривая окрестности. 1 ноября в Козлове, 2-го в Перекопе он уже чувствовал себя нехорошо; 3 ноября в Орехове ему сделалось хуже; погода стояла ненастная, но он, не обращая внимания, отправился в церковь, так как епископ екатеринославский приехал в Орехов нарочно для того, чтобы встретить государя. 4 ноября он велел пригласить к столу казачьих офицеров, бывших в дороге. Весь этот день он чувствовал озноб и по приезде в Мариуполь вечером приготовил себе сам стакан легкого пуншу, положив всего три ложки чайного рому на стакан горячей воды и уверяя, что это для него будет достаточно. Когда ему подбили шинель мехом, он на другой день, казалось, согрелся немного. 5 ноября государь выехал из Мариуполя и приехал в тот же день в Таганрог, чувствуя все еще лихорадку. В $6^1/_2$ часов вечера он был уже дома во дворце и лег спать, по обыкновению выпив только 2 раза зеленого чаю.

Я видел его на другой день в 10 часов утра, когда он выходил из покоев императрицы, возвращаясь на свою половину; мне показалось, что лицо его раскраснелось (echauffé) от воздуха и от езды. Я вскоре от ее величества узнал, что государь захватил, как он думает, крымскую лихорадку. В этот день он целое утро занимался делами, окруженный кипами бумаг, занимавших весь письменный стол. Обедал он с императрицей, но кушал немного. Во время нашего обеда дежурный камердинер принес записку г-на Виллие, из которой мы узнали, что государь лег отдохнуть, чувствуя лихорадочное состояние в сильной степени, г-н Виллие тотчас отправился к нему и возвратился к концу обеда, недовольный состоянием, в котором он нашел государя; государь согласился, однако, принять вечером легкое слабительное в пилюлях. 7 ноября я узнал от ее величества, что государю стало легче, но в тот же день вечером повторились пароксизмы лихорадки, что государь приписывал лекарствам и не хотел более о них слышать. Ночь он провел беспокойно, так что 8 ноября был с утра приглашен Стоффреген. День этот был воскресный и праздничный. Государь захотел непременно быть у обедни, и оба врача, при содействии императрицы, едва уговорили его остаться дома. Вечером был отправлен курьер в С.-Петербург, он отвез последнее письмо государя; официальные бумаги, отпра-

вленные с ним, все были помечены по приказанию государя 6 ноября. 9 ноября утром состояние больного было лучше, хотя лекарства не подействовали, как того ожидали доктора. Когда к вечеру лихорадочное состояние его усилилось, мы поняли, что он болен не обыкновенною лихорадкой, но сильной перемежающейся желчной лихорадкой. Ночью государь чувствовал себя худо, утром 10 ноября ему опять стало легче. В разговоре с докторами у него вырвалось: «следует принимать во внимание состояние моих нервов, которые и без того уже раздражены, а лекарства расстроют только их еще более». Это замечание убедило нас, что государь в течение последнего времени занимался, вероятно, какими-либо неприятными делами, сильно его встревожившими. 11 ноября я узнал, что государь поутру чувствовал себя лучше, хотя ночью лихорадочные пароксизмы усилились. Он все еще думал, что у него крымская лихорадка, между тем как это было нечто совсем другое. 12 ноября в течение дня государь чувствовал себя довольно хорошо, но к вечеру лихорадочные пароксизмы были слишком сильны, чтобы нам не предчувствовать опасности. 13 ноября утром государь почувствовал облегчение после того, как лекарство, данное ему в пилюлях, подействовало и выгнало много желчи. Предложение докторов пустить ему кровь не было им принято. К вечеру он впал в полное забытье; затрудненное и прерывающееся дыхание его и сильные судороги, сопровождавшиеся потерей сознания, убеждали в необходимости более действительных мер, но государь упорно отвергал их. Ночь была ужасна. Наши опасения усиливались по мере того, как каждое увеличение жара становилось все более сильным.

14 ноября доктора решительно потеряли голову. Страх и печаль овладели всеми, когда государь отвергнул все без исключения лекарства, которые были ему предложены. Мы все слышали трогательные просьбы и неотступные доводы императрицы; она так красноречиво убеждала его; в словах ее звучало столько высокого религиозного чувства, но все усилия ее были тщетны; она не могла уговорить его, чтобы он позволил поставить пиявки к голове и принял, наконец, энергичные меры, необходимые теперь, когда болезнь начинает принимать более серьезный характер. Мы все горько плакали, слыша этот разговор, когда на все доводы своей августейшей супруги государь отвечал одно, что «именно принятые лекарства вызвали эту лихорадку и раздражали только его нервы, что он все таки с полною верою надеется на Бога и полагается на свою крепкую натуру, которою он наделен». После всего этого

у докторов опустились руки. Виллие плакал вместе с нами в соседней комнате. К вечеру сон государя обратился вновь в тревожное забытье, часто прерывавшееся. Доктор Рейнгольд, находившийся при нем ночью с 13 на 14 ноября, сообщил мне на другой день, что он, входя в комнату больного, заметил признаки поражения мозга, и что болезнь приняла столь плохой оборот, что уже нет надежды на выздоровление. В течение всего этого дня государь лежал с полнейшей потерей сознания; к вечеру пароксизмы лихорадки были столь сильны, что императрица решилась предложить ему исполнить христианский долг, на что он с радостью согласился. 15 числа в $5^1/_2$ час. утра был призван соборный священник Федотов, у которого император в этот день исповедался и приобщился с особенно трогательным благоговением. Священник говорил ему, что религия наша не дозволяет пренебрегать своим здоровьем и подвергать этим опасности жизнь, дарованную нам Богом. Он обещал этому подчиниться.

Когда я узнал при своем пробуждении о том, что только что произошло во дворце, я тотчас туда отправился. Там ставили уже больному 30 пиявок к голове. Хотя это средство и подействовало заметно на состояние больного, но оно было употреблено слишком поздно для того, чтобы ожидать от него какого-либо успеха. Князь Волконский чувствовал себя плохо и едва передвигал ноги, подавленный горем. Стоффреген говорил, что только крепкая натура императора могла вынести пароксизмы этого утра, когда он ожидал с минуты на минуту, что все будет кончено. После минутного облегчения, спросив августейшую супругу, не хочет ли она прогуляться и подышать свежим воздухом, и ясно разобрав ее отрицательный ответ, который она объяснила плохой погодой, хотя последняя вовсе не была так плоха, — он снова впал в забытье с полною потерею сознания. Когда ему поставили горчичники к обеим рукам, он на время пришел в себя и с горечью жаловался на боль, которую он от них чувствовал: «не мучьте меня»,—говорил он окружающим, Желание его было исполнено; он тотчас после этого потерял сознание и впал в летаргическое состояние. Дыхание его было тяжело; синеватая, мертвенная бледность покрыла лицо его, не утратившее еще того симпатичного доброго выражения, в котором так ясно отражалась его светлая душа. После полуночи ему как будто стало легче, но усиление лихорадки между 3-м и 4-м часом утра 16 ноября сопровождалось всеми признаками близкой кончины. Действительно, по мере того, как приступы болезни, казалось, усиливались, силы больного падали. Этот день госу-

дарь провел в столь бессознательном состоянии, что не чувствовал даже в течение 10 часов горчичников, приложенных к ногам, и только к вечеру стал жаловаться на боль от них. Мы думали, что некоторые части головы его, особенно глаза и язык, были парализованы, но к 11 часам он пришел в чувство, узнал императрицу, улыбнулся ей, сказал несколько слов и с выражением трогательного чувства пожал и поцеловал ее руку, потом спросил лимонного мороженого, которое ему тотчас приготовили. После этого он впал в забытье, за которым по обыкновению последовали на следующее утро усиленные пароксизмы лихорадки. 17 ноября утром ему приложили мушку к затылку. Он некоторое время не чувствовал ее, но потом послышались стоны его и жалобы на боль. Несколько раз в течение этого дня он узнавал еще императрицу, пожимал ей руки, говорил даже с ней слабым и прерывающимся голосом. Вдруг он произнес громким, почти обычным голосом: «какая славная погода!» В самом деле, погода была великолепная.

Это кажущееся улучшение продолжалось более 2 часов и оживило в нас надежды, хотя он ощущал боли во время перевязки раны от мушки и от движения. К вечеру болезнь, по всем признакам, начала усиливаться, и надо было, наконец, объявить императрице, что все средства исчерпаны. Были моменты, когда казалось, что он кончается, и появлялись частичные судороги. Около часа ночи забытье, в котором находился государь, стало покойнее. 18 ноября рано утром лихорадка усилилась с такими угрожающими признаками, что вызвала тревогу, тем более основательную, что слабость августейшего больного достигла безнадежного предела. Священник ожидал уже во дворце, когда его позовут читать последние молитвы. Между тем, бьет 9, и государь обращает на часы глаза, еще полные жизни. Его взгляд встречает дорогое любимое существо — императрицу. Он улыбается, сжал ей руки и поцеловал, увы! он уже более не говорил. Лишь по движению губ его можно было отчасти угадывать то, что он хотел ей пожелать, звук не выходил у него из горла. К вечеру при виде конвульсий в разных частях головы, особенно в глазах, чувствовалась приближающаяся с каждой минутой кончина этого столь значительного и столь дорогого для всей России человека. Дыхание его обратилось, наконец, в глухое хрипение. Плач и стоны наполнили дворец. Однако, спустя несколько времени больной стал покойнее, черты лица его приняли обычное выражение, только рот оставался открытым; он узнал еще императрицу и обратился к ней с обычной нежностью.

Его глаза остановились на человеке, которого он не привык видеть — это был доктор Добберт, дежуривший при нем. Взгляд его выразил удивление и любопытство; он хотел, конечно, спросить зачем он тут, но не мог, и тотчас же закрыл глаза. В нас снова блеснул луч надежды. Анисимов, камердинер императора, выразился при этом весьма характерно: он уверял, что «государь выбаливается и будет здоров», но этому, к несчастью, не суждено было оправдаться. Так как государь не мог ничего проглотить, то ему поставили клистир из бульона, сваренного на смоленской крупе. Больной на несколько часов успокоился, впал в более глубокое забытье. Оно длилось недолго. С наступлением полуночи возобновились пароксизмы лихорадки. В четверг 19 ноября, день, принесший нам и всей России столько горя, что он не скоро изгладится из памяти народной, пароксизмы закончились долгой агонией, тяжелое дыхание его сопровождалось стонами, в которых слышалось страдание, и предсмертной икотой. Дыхание его становилось с каждым разом короче и раз 5 останавливалось вовсе и столько же раз возобновлялось.

В $10^3/_4$ часа император испустил последний вздох в присутствии императрицы, которую оставили одну в молитвах при умирающем (expirant) августейшем супруге. Она оставалась около получаса у бездыханного тела; она закрыла глаза и рот покойному. Кто бы мог думать, что слабая натура государыни, пораженная более, чем опасным недугом, вынесет столько нечеловеческих усилий. Но в этом теле жила великая, сильная и возвышенная душа. Кто бы подумал, что она, вопреки общему порядку вещей, с ее слабым и расстроенным организмом, переживет человека сильного, крепкого и здорового, который природную крепость своего организма поддерживал строгой и воздержной жизнью. Два часа спустя эта необыкновенная женщина присутствовала уже на панихиде. Ее слезы были трогательны, и ее мужественное поведение внушало глубокое уважение. Весь день она провела, безучастная ко всему окружающему, и в тот же вечер она присутствовала на панихиде у тела; тоже на другой день, утром и вечером. 20 ноября она уступила, наконец, просьбам князя Волконского, покинула дворец, чтобы пробыть в доме Шихматовых время, необходимое для вскрытия тела и приготовления к парадному выставлению тела. Она решилась говеть это время в часовне, которая на следующий же день была устроена в ее покоях. Каждый день в $5^1/_2$ часов вечера она заходила во дворец взглянуть на своего покойного супруга. Ее физические силы вызывают серьезную тревогу, душевные же силы

ее не падают и стоят на той же нравственной высоте, достойной почтительного удивления.

Вскрытие производилось 20 ноября вечером и ночью. Тело имело атлетические формы. В затылочной части головы, как того и ожидали доктора, оказалось с полрюмки (demi gobelet) воды; мозг с левой стороны почернел как раз в том месте, на которое государь указывал, жалуясь на сильную головную боль, и артерия около левого виска так примкнула к другому сосуду, что казалось срослась с нею. Сердце в отношении тела было скорее мало, и его нашли окруженным небольшим количеством воды, которая могла образоваться еще до болезни; предположение это оправдывается тем, что император еще до болезни жаловался на сердцебиение. Печень не представляла никаких особенностей, она была только слишком открыта и испускала много желчи (fiel), несмотря на сильное выделение желчи (bile), вызванное лекарствами в течение 15 и 16 ноября. Почки (les reins) были в хорошем состоянии, как все остальные внутренние органы.

Таковы те факты, коих я был свидетелем или с которыми я ознакомился, касающиеся печальных событий, лишивших отечество одного из величайших монархов, а подданных — своего отца. Я не претендую на то, чтобы дать точный отчет о всех деталях, касающихся этого народного бедствия, и отмечаю лишь важнейшие факты. Я пишу не для публики, а единственно для самого себя и моих друзей. К тому же доктора вели бюллетень болезни, который должен быть признан за единственный официальный и законный источник для составления мнения о постепенном переходе болезни императора от перемежающейся лихорадки к желчной, от нее к нервной, или к тифу. Болезнь развивалась с такой быстротой, что 10-ти или 12-ти дней достаточно было для того, чтобы разрушить крепкое сложение императора, при котором можно было надеяться, что он проживет вдвое более.

Заканчивая эту печальную картину, я должен засвидетельствовать здесь два факта, которые доказывают, что государь имел предчувствие смерти. Известно, что он, предпринимая путешествие, считал непременным долгом отстоять службу в Казанском соборе в Петербурге. Отъезжая в последнее путешествие, он по обыкновению отстоял обедню в соборе накануне. На следующую ночь он приказал подать к 3 часам утра дрожки на Каменный остров, откуда он приказал ехать в Невскую лавру. Это поразило кучера его, Илью, потому что ничего подобного не случалось прежде. Государь оставался в лавре около 2 часов и вышел оттуда сильно

взволнованный. После этого он тотчас же выехал из столицы, в которую ему не суждено было уже более вернуться. Однажды, перед отъездом в Крым, он занимался делами; вдруг, между 4 и 5 часами туча заволокла небо и стало так темно, что он позвонил камердинеру Анисимову и приказал принести свечей. Как только свечи были поданы, солнце показалось вновь. Тогда камердинер возвращается и спрашивает, не нужно ли ему убрать свечи. Император взглянул на него и сказал: «Да, ты прав; если кто с улицы увидит в комнате днем зажженные свечи, подумает, что здесь покойник; мне тоже это пришло в голову. Унеси их». На другой день по возвращении из Крыма, 6 ноября, чувствуя себя плохо, государь напомнил тому же камердинеру этот случай, прибавив, что его опасения могут на этот раз осуществиться, потому что он чувствует себя серьезно больным.

Слава покойного государя будет долго жить в истории. Россия сохранит навсегда в памяти его добродетели и благодеяния, и господь вознаградит его за них в будущей жизни.

Икона «Почаевской божьей матери в чудесах»
из кельи Федора Козьмича.
В среднем медальоне с правой стороны инициал „А“

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Е. Ковалевский, Граф Блудов и его время, Спб. 1886, 70 стр.; Николай Михайлович, «Александр I», стр. 348.

2) Е. Ковалевский, Граф Блудов и его время, 64, из письма к Кочубею в 1796 г.; Ключевский, Курс русской истории, литографированное издание, лекции об Александре I.

3) Schiemann (H.) «Zur Geschichte der Regierung Paul I und Nicolaus I», Berlin, 2-te Ausg. 1906, стр. 40; Шильдер, Имп. Павел I стр. 479; проф. П. М. Леонтьев, «Воспоминания», Русск. Арх., сент. 1912 г.; К. Валишевский, Император Павел I, Спб., изд. Суворина, стр. 557.

4) А. Чарторыйский, Мемуары, т. I, 223.

5) Schiemann, «Zur Geschichte», стр. 53; Брикнер, Материалы для жизнеописания гр. Н. П. Панина, Спб. 1890, т. VII, стр. 231.

6) Николай Михайлович, «Александр I», 2 изд., Спб., стр. 10—15.

7) Кн. Голицын Августин, Mélanges sur la Russie, Paris, 1863, стр. 169—170; П. М. Леонтьев, «Воспоминания»; Де Санглен, «Описание первого выхода в Зимнем дворце», см. Николай Михайлович, «Александр I», стр. 10; А. Чарторыйский, «Русск. Ст.», июль 1906 г., 114.

8) «Mémoires» de la comtesse de Boigne, t. III, см. «Ист. Вест.», 1907 г., XII, 1107 стр.; «Записки» Александры Федоровны, см. Шильдер, «Александр I», т. IV, стр. 219—220.

9) А. Чарторыйский, см. «Русск. Ст.», 1906, июль, стр. 115, Василич, Легенда о старце Федоре Кузьмиче, 11.

10) В. Барятинский, «Царственный мистик», Спб., изд. 2-е, стр. 3—7; Николай Михайлович, «Легенда о кончине императора Александра I», «Ист. Вест.», 1907 г., июль, стр. 34.

11) Н. Данилевский, «Таганрог или подробное описание болезни и кончины императора Александра I», Москва, 1828 г., стр. 22—23; «Воспоминания» Д. К. Тарасова, см. «Русск. Ст.», 1872 г., авг., стр. 102; Ист.-стат. описание Спб. епархии, т. VIII, стр. 511—513, Спб. 1884 г.

12) Е. Ковалевский, Гр. Блудов и его время, стр. 158. Шильдер повторяет эти слова буквально (т. IV, 355).

13) Ibid, стр. 159.

14) Есть другие варианты этого рассказа, с незначительными изменениями. Я предпочитаю версию Тарасова, на основании его заявления: «Это обстоятельство... слово в слово передал мне сам Анисимов», см. «Русск. Ст.», 1872, авг. 123.

15) Тарасов, там же, 119 — 120.

16) Шильдер, IV, стр. 484, прим. 421.

17) Тарасов, 125 и сл.: см. «Histoire de la maladie» (у Шильдера, IV, в приложениях); «Журнал» П. Волконского; «Записки» Елизаветы Алексеевны; «Дневник» Виллие»; Архив кн. Меньшикова, отд. военный № 2, описание болезни и кончины Александра I.

18) Н. И. Шениг, «Воспоминания», Рус. Арх., 1880, кн. 3, стр. 273.

19) Шильдер, IV, стр. 562.

20) Тарасов, 132 — 140; Николай Михайлович, «Легенда», стр. 32; «Denkwürdigkeiten aus dem Leben Leopold von Gerlachs», Berlin, 1891, I B., p. 20.

21) Николай Михайлович, «Легенда», 34 — 37; см. б. Архив Воен. Мин.

22) См. хранящ. в Академии Наук архив Н. Ф. Дубровина папка 80, лл. 53 — 56.

23) В. Барятинский, «Царственный мистик», стр. 1.

24) См. статью А. Голомбиевского, Русск. Арх., 1908, № 3, 451; по заявлению редакции «Ист. Вест.» (май, 1914 г., стр. 584), Н. К. Шильдер в последние годы отказался от своих первоначальных предположений.

25) Николай Михайлович, «Легенда», 28 — 30; Барятинский, 110.

26) См. справку из Архива Тюменского приказа о ссыльных, напеч. в «Ист. Вест.», 1895, июль, 245 — 246; Мельницкий, «Старец Федор Кузьмич», «Русск. Ст.», 1892, янв. 81 — 108, а также из «Записок» епископа Петра, «Сибирский старец Федор Кузьмич», «Русск. Ст.», 1891, октябрь 233 — 240.

27) Мельницкий, 85; ст. Долгорукого, «Русск. Ст.» 1887, окт. 217.

28) См. «Ист. Вест.» 1907, сент., 1049, ст. П. Россиева «Старец Федор Кузьмич».

29) В. Барятинский, стр. 115, 126; Николай Михайлович, «Легенда», стр. 9.

30) Барятинский, 127.

31) Там же, 116, 117, 125 — 127.

32) Николай Михайлович, «Легенда», 9; Барятинский, 128, 129, 131; неизданные записки Хромова.

33) Мельницкий, 95 — 102.

34) Неизданные «Записки» Хромова.

35) См. Барятинский, ст. «Еще о царственном мистике», в «Ист. Вест.», 1914, май, стр. 578 — 584.

36) См. Шумигорский, «Из записной книжки историка», в «Ист. Вестн.», 1914, апр., 284 — 285.

37) См. Барятинский «Царств. мист.», 32 — 61; Шумигорский, «Из записной книжки историка», «Ист. Вест.», 1914 г., май, стр. 681 — 682.

38) Барятинский, 20, 45, 58, 61, 96; письма Дибича в статье Соколовского, «Ист. Вест.», 1907 г., июль 166; статья В. Г., «По поводу легенды об Ал. I», «Ист. Вест.», сент. 1914 г., 858—870; Николай Михайлович, «По тому же вопросу. Ответ В. Г.», там же, 871, 872.

39) Шильдер, IV, прим. 421; вышеуказанное письмо Дибича; Тарасов, «Русск. Ст.», 1872, авг., 122; «Последние дни жизни Александра I», Спб., 1827, стр. 21.

40) Барятинский, 102; Николай Михайлович, «Некоторые соображения по поводу письма от 31 декабря 1825 г. из Таганрога С. Г. Волконской», «Ист. Вест.», 1914, май, 667 — 676; его же «Легенда», стр. 38; мемуары Шуазель-Гофье, см. «Русск. Ст.», 1872, авг. 161.

41) Барятинский, 14 — 15; см. «Русск. Ст.», 1872, авг. 161.

42) Свои «Воспоминания» Тарасов во всяком случае писал после 1842 г., ибо он родился в 1792 г., а «Записки» писал «переступив за полвека своей жизни», см. «Русск. Ст.», 1871, сент., 224; о неточностях у Тарасова там же, сент., и сл. месц.; о подписи Тарасова см. «Русск. Ст.», 1872 г., т. IV, 129; Шильдер, IV, 575 — 576.

43) Павел Россиев, «Живучая легенда», «Ист. Вест.», 1907 г., авг. 687 — 688; статья Голомбиевского в «Русск. Арх.», 1908, № 3, стр. 457; «Русск. Ст.», 1872, авг., 142.

44) Василич, «Александр I и старец Федор Козьмич», 112; Барятинский, 7, 82; Тарасов, «Русск. Ст.», 1871, дек., стр. 612, 613, 626, 635.

45) Барятинский, 82 — 85.

46) Неизданные «Записки» Хромова; Дело деп. пол., 4-е делопроизводство по особому отделу, 1887 — 1899, № 13, ч. 5 [I отд. VII-й секции Е. Г. А. Ф.].

47) Кузнецов-Красноярский, «Старец Федор Козьмич», «Ист. Вест.», 1895, май, 552; Кузовников, «Кто был старец Федор Козьмич», «Ист. Вест.», 1895, июль; Барятинский, 127. Лашков, ездивший по специальному поручению Николая Михайловича по Сибири и России, собрал о сибирском старце обильный материал, но не имеющий почти исторической ценности, пригодный скорей для изучения народной психологии, чем для выяснения личности старца.

48) Мельницкий, «Русск. Ст.», 1892, янв., 83.

49) Николай Михайлович, «Легенда», 11 — 12 и приложение; Голомбиевский, «Русск. Арх.», 1908 г. № 3, 450; Барятинский, 141 — 143; К. Н. Михайлов, «Император Александр I — старец Федор Козьмич», изд. «Прометей», 272 — 292.

50) Мельницкий, 83; Шильдер, IV, 79; Николай Михайлович, «Легенда», 9; Барятинский, 129.

51) Николай Михайлович, 38—40; Барятинский 139—141; Обще-морской список, ч. III, царствование Екатерины II, А — К.

52) Пыпин, Русское масонство XVIII в. и первой четв. XIX в. Птгр. 1916, 356 — 357; «Масонская тайнопись», статья Т. О. Соколовской в «Русск. Арх.»; дневник барона Г. Я. Шредера, см. Я. Л. Барсков «Переписка московских масонов XVIII в.», изд. Акад. Наук, П. 1915, стр. 230.

53) Книга пророка Исаии, гл. XXI, 13, гл. XXXIV, 13.

54) Т. О. Соколовская, «Список офицеров, признавших свою принадлежность к масонству», Спб., 1907, 13; Вернадский, «Русское масонство в царствование Екатерины II», Птгр., 1917, 189; «Русск. Ст.», 1892 г., янв., 88; см. заметку И. С. «Отшельник Федор», в «Русск. Ст.», 1887, ноябрь, 529 — 530.

55) Сборник биографий кавалергардов, С. А. Панчулидзева, т. III, 133; Сочин. кн. П. А. Вяземского, Спб. 1883 г., т. VIII, 468 — 469; «Записки» кн. С. Г. Волконского, Спб. 1901 г., 60; из писем А. Я. Булгакова в «Русск. Арх.» 1901, III, стр. 7 — 9, стр. 168; из «Записок» Н. Н. Муравьева, «Русск. Арх.», 1885, т. III, 227; С. Я. Штрайх, Декабрист М. С. Лунин, Птрб., 1923, 87, 131, 141 — 144; Дело деп. герольдии Прав. Сен. 1896 г. № 433. О дворянстве рода Уваровых [I отд. II секции Е. Г. А. Ф.]; 2 отд. V секции Е. Г. А. Ф. I отд. 5 ст. Общей Канцелярии министра финансов, 1821 г., № 709 по архиву 14; О. фон-Фрейман, «Пажи за 185 л.», Спб. 1898 г., 312; Письма С. Ф. Уварова в 1886 г. к В. В. Рюммелю (одному из составителей «Родословного сборника», 1885 г., изд. Суворина).

Ф. А. Уваров ведет свой род от сына мурзы Косая, Минчака, выехавшего в первых годах XV в. из Большой орды к великому князю Василию Дмитриевичу и в православии принявшего имя Симеона. Один из его четырех сыновей, именно, Увар стал родоначальником рода Уваровых. Отец Ф. А. Уварова, Александр Артамонович, род. 1764 г., был женат на Наталье Михайловне Ярославовой. Родословная схема Ф. А. Уварова может быть представлена следующим образом: Минчак (в православии Симеон) сын Косая, выехал в XV в. из Большой орды к великому князю Василию Дмитриевичу. — Увар — Иван — Сергей — Дмитрий — Иван — Игнатий — Андрей — Даниил — Максим — Феодосий — Михаил — Петр — Артамон — Александр, р. 1746 г., жен. на Нат. Мих. Ярославовой, —

ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ УВАРОВ
род. 1780 г., исчез 7 янв. 1827 г.,
жен. на Е. С. Луниной

Александр	Сергей
р. 11 янв. 1816 г. † 30 мар. 1869 г. жен. на дочери ген.-губ. Западной Сибири, кн. Н. П. Горчаковой	р. 25 окт. 1820 г. † в 1903 г. жен. на А. Я. Никольской

Мария,	Екатерина,	Евдокия,	Ольга	Михаил	Александр
			зам. за итал. виц.-адм. граф. Пиоло-Казелли.	р. 21 янв. 1872 г.	р. 8 апр. 1874 г.

Герб рода Ф. А. Уварова имеет на своем «намете» в качестве украшения перья страуса, но от искушения видеть в этом намек на «струфиона»-страуса следует воздержаться, ибо это украшение часто встречается и в других гербах.

56) См. Поселянин «Русские подвижники XIX в.», Спб. 1910, стр. 510 — 518.

57) «Русск. Арх.» 1907 г. № 9, обложка, 3-я стр., 2-й столбец. О записи в дневнике Фотия любезно сообщено профессором Н. П. Лихачевым.

58) «Последние дни жизни государя императора Александра I», Спб., 1827, 4—5; Николай Михайлович, «Легенда», 13.

59) См. «Записки» дворового человека Федорова [Николай Михайлович, 34 — 36] и приведенное нами в тексте письмо «Евдокима» [Архив Н. Ф. Дубровина, папка 80, л. 53—56, Рук. отд. Акад. Наук.]; о слухах в заграничной печати, см. «Русск. Ст.» 1872, т. IV, стр. 159 — 162; а также «секретное» дело по канцел.

дежурн. генерал. о газете, изданной в Стокгольме насчет кончины Александра I, 29 янв. — 11 февр. 1826 г.

60) Статья В. Долгорукого, «Отшельник», в «Русск. Ст.» 1887, окт. 217—220; Заметка И. С. «Отшельник Федор» в «Русск. Ст.», ноябрь 529—530.

61) Из письма архиеп. Вениамина, «Ист. Вест.» 1914, февр., 706; Николай Михайлович, 6; Неизданные «Записки» Хромова; Дела Деп. гражд. и духов. дел Гос. Сов. 1882, № 9; дела 2-й эксп. 1867, 31 л. 6. Арх. Гос. Сов., см. алфавит входящих бумаг за 1866 г. канцелярии комиссии прошений на высочайшее имя.

62) Дело деп. полиции, 4-е делопроизводство по особому отд. 1887—1899, № 13, ч. 5, с надписью «секретно».

63) Д. Г. Романов, «Таинственный старец Федор Козьмич». Харьков, 1913, 126 — 127; «Колокол» 1909 г. № 1066, ст. Кузьмина «Неразгаданная тайна»; Документы, относящиеся к последним месяцам жизни и кончины императора Александра, оставшиеся после смерти А. Д. Соломко, Спб., 1910, стр. 3, 4; Д. Г. Романов, 74.

64) Описание болезни и смерти Елизаветы Алексеевны — см.: Шильдер, Александр I, т. IV. (Спб. 1898), стр. 442-445; «Документы о кончине Александра I» (изд. Соломко, Спб. 1910), стр. 48, 77 — 85 и др. О легенде об Елизавете Алексеевне ср.: Барятинский «Царственный мистик», 1910, Спб., стр. 11, 21, 73, 100, 101; Д. Г. Романов, Таинственный старец Федор Кузьмич (Харьков, 1913), стр. 156 — 171. Биография Молчальницы — Е. Поселянин, Русские подвижники XIX в. (Спб. 1910), стр. 168 — 176; Н. С. Маевский Воспоминания («Ист. Вестн.», 1881 г., т. VI, стр. 335, 336, 565—567).

65) В оригинале: «...avec une certaine mine que je croyais de la gaieté et que j'ai retrouvé plus tard dans des moments affreux!»

66) Оригинал хранится в Госуд. Архиве, Разряд III, № 163; французский текст напечатан у Шильдера «Император Александр Первый», т. IV (Спб., 1898 г.), стр. 568 — 572. Русский перевод, небрежный и неточный, помещен в «Русск. Ст.» 1872 г., т. VI, стр. 149 — 158. На оригинале подписи автора нет, и кем он составлен неизвестно; но в специальной статье нам удалось путем анализа этой записки выяснить, что автором ее по всем данным следует считать статс-секретаря императрицы Елизаветы Н. М. Лонгинова см. «Русское Прошлое» № 3, 1923 г.). Фантастические, искажающие действительность рассказы о болезни и смерти Александра I в заграничной печати — см. «Русск. Стар.», 1872 г., т. VI, стр. 159 — 162.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТРАН.

Предисловие 7

I. «Очаровательный сфинкс». — Заговор против Павла и душевная драма Александра I. — Разочарование и мистицизм. — Мысль об отречении. — Манифест о престолонаследии 9

II. Александр I у схимника. — Отъезд в Таганрог. — Внезапная болезнь и смерть 21

III. Молва в народе. — Мнения историков 43

IV. Появление загадочного старца. — Федор Козьмич в Сибири. — Рассказы о нем очевидцев 50

V. В защиту и против легенды 69

VI. «Записки» Хромова 91

VII. «Тайна» Федора Козьмича 97

VIII. Кто был Федор Козьмич? 111

IX. Происхождение легенды 124

X. Предание о Елизавете Алексеевне 131

Приложения:

Записки императрицы Елизаветы Алексеевны 143

Дневник лейб-медика баронета Я. В. Виллие 151

История болезни и последних минут императора Александра I, основанная на самых достоверных сведениях 153

Примечания 163

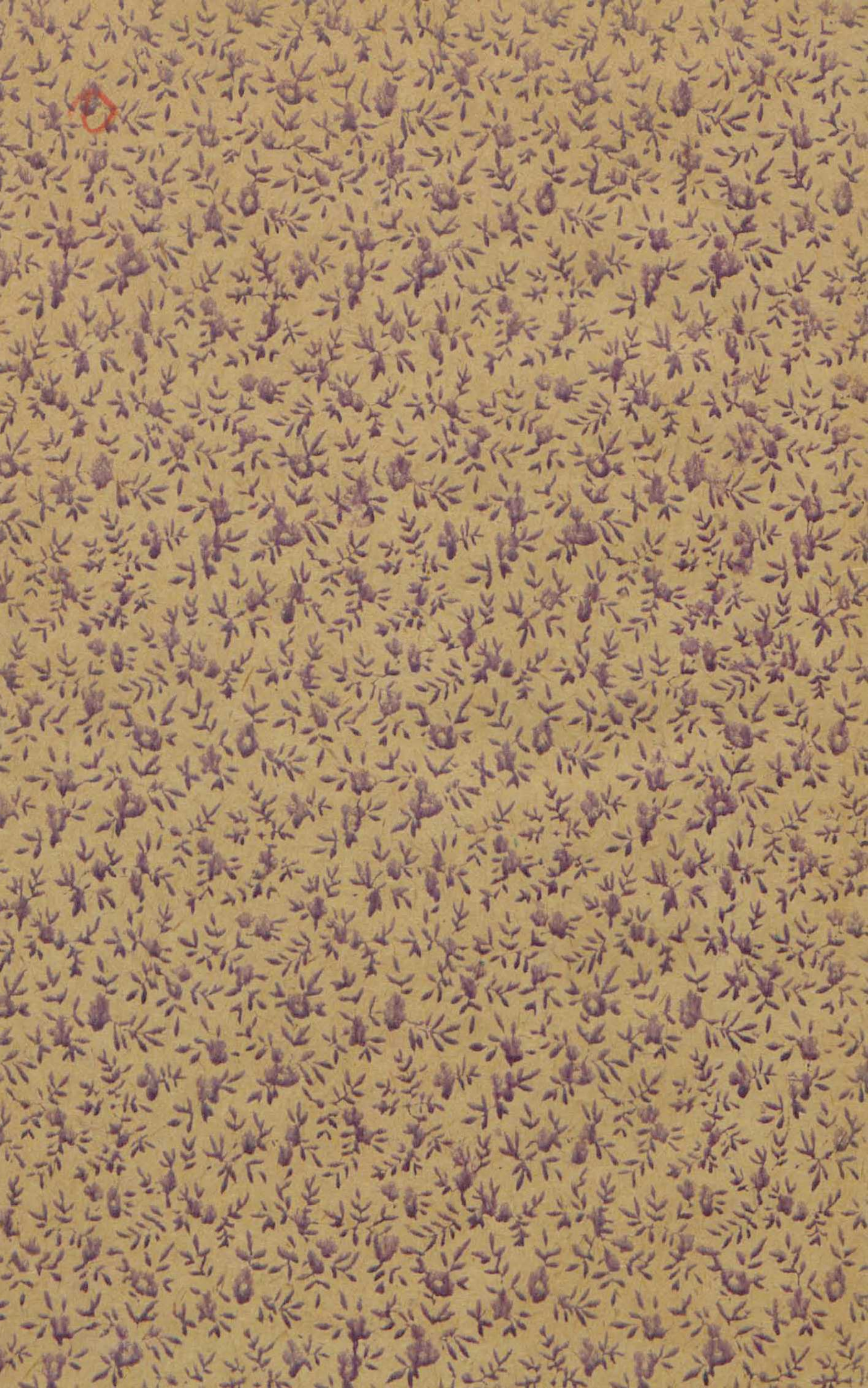
СПИСОК

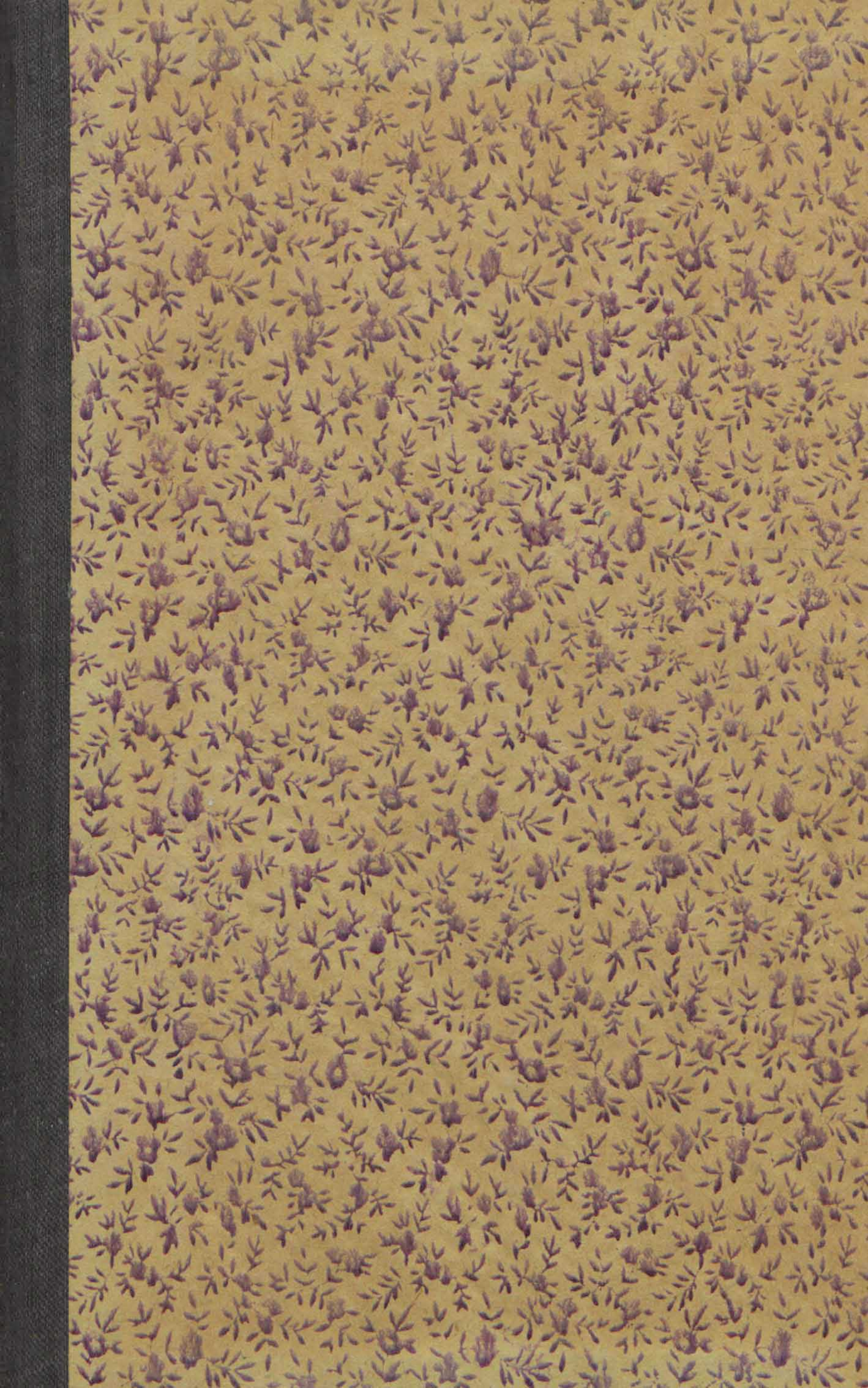
ИЛЛЮСТРАЦИЙ, ПОМЕЩЕННЫХ НА ОТДЕЛЬНЫХ ЛИСТАХ

Стран.

1. Великий князь Александр Павлович. Гравюра Vigée Lebrun (из собрания Пушкинского Дома) 8
2. Александр Первый. Силуэт, вырезанный с натуры А. Фреми в Париже в 1814 году 16
3. Александр Первый. Этюд с натуры Daw 24
4. Александр Первый на смертном одре. Рисунок, принадлежавший А. С. Талызину 32
5. Маска, снятая с Александра Первого после смерти.. .. 40
6. Федор Козьмич. Фотография с рисунка неизвестного художника 56
7. Краснореченская келья Федора Козьмича. Фотография. 64
8. Вензель, оставленный Федором Козьмичем в часовне в дер. Зерцалах. Увеличенный снимок.. 80
9. Федор Козьмич на смертном одре. Рисунок с натуры. 96
10. «Тайна» Федора Козьмича. Первый листок. 104
11. «Тайна» Федора Козьмича. Второй листок. Копия с записки Федора Козьмича 104
12. Автограф Александра Первого 112
13. Автограф Ф. А. Уварова 120
14. Конверт с надписью, приписываемой Федору Козьмичу 128
15. Елизавета Алексеевна. Портрет Vigée Lebrun 144
16. Икона «Почаевской божьей матери в чудесах» из кельи Федора Козьмича, с инициалом «А». 160

2007333004